

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

РОМАН В СТИХАХ

Petri de vanite il avait encore plus de cette espece
d'orgueil qui fait
avouer avec la meme indifference les bonnes comme les
mauvaises actions,
suite d'un sentiment de superiorite peut-etre imaginaire.

Tire d'une lettre particuliere.

Не мысля гордый свет забавить,
Вниманье дружбы возлюбя,
Хотел бы я тебе представить
Залог достойнее тебя,
Достойнее души прекрасной,
Святой исполненной мечты,
Поэзии живой и ясной,
Высоких дум и простоты;
Но так и быть - рукой пристрастной
Прими собранье пестрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, легких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

И жить торопится и чувствовать спешит.

Кн. Вяземский.

I

"Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же черт возьмет тебя!"

II

Так думал молодой повеса,
Летя в пыли на почтовых,
Всевышней волею Зевеса
Наследник всех своих родных.
Друзья Людмилы и Руслана!
С героем моего романа
Без предисловий, сей же час
Позвольте познакомить вас:
Онегин, добрый мой приятель,
Родился на берегах Невы,
Где, может быть, родились вы
Или блистали, мой читатель;
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня {1}.

III

Служив отлично благородно,
Долгами жил его отец,
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.

Eugene Onegin by Alexander Pushkin
A Novel in Verse
Translated by JAMES E. FALEN

EUGENE ONEGIN

Petri de vanite il avait encore plus de cette espece
d'orgueil qui fait avouer avec la meme indifference les
bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un
sentiment de superiorite, peut-etre imaginaire.

Tire d'une lettre particuliere*

Dedication*

Not thinking of the proud world's pleasure, But
cherishing your friendship's claim, I would have wished
a finer treasure To pledge my token to your name- One
worthy of your soul's perfection, The sacred dreams
that fill your gaze, Your verse's limpid, live complexion,
Your noble thoughts and simple ways. But let it be.
Take this collection Of sundry chapters as my suit: Half
humorous, half pessimistic, Blending the plain and
idealistic- Amusement's yield, the careless fruit Of
sleepless nights, light inspirations, Born of my green
and withered years... The intellect's cold observations,
The heart's reflections, writ in tears.

Chapter 1

To live he hurries and to feel makes haste. Prince
Vjazemsky

1

"My uncle, man of firm convictions"...

By falling gravely ill, he's won
A due respect for his afflictions-
The only clever thing he's done.
May his example profit others;
But God, what deadly boredom, brothers,
To tend a sick man night and day,
Not daring once to steal away!
And, oh, how base to pamper grossly
And entertain the nearly dead,
To fluff the pillows for his head,
And pass him medicines morosely-
While thinking under every sigh:
The devil take you, Uncle. Die!

2

Just so a youthful rake reflected, As through the dust
by post he flew, By mighty Zeus's will elected Sole heir
to all the kin he knew. Ludmila's and Ruslan's
adherents!* Without a foreword's interference, May I
present, as we set sail, The hero of my current tale:
Onegin, my good friend and brother, Was born beside
the Neva's span, Where maybe, reader, you began, Or
sparkled in one way or other. I too there used to
saunter forth, But found it noxious in the north.*

3

An honest man who'd served sincerely,
His father ran up debts galore;
He gave a ball some three times yearly,
Until he had no means for more.

<p>Судьба Евгения хранила: Сперва Madame за ним ходила, Потом Monsieur ее сменил. Ребенок был резов, но мил. Monsieur l'Abbe, француз убогой, Чтоб не измучилось дитя, Учил его всему шутя, Не докучал моралью строгой, Слегка за шалости бранил И в Летний сад гулять водил.</p>	<p>Fate watched Eugene in his dependence; At first Madame was in attendance; And then Monsieur took on the child, A charming lad, though somewhat wild. Monsieur l'Abbe, a needy fellow, To spare his charge excessive pain, Kept lessons light and rather plain; His views on morals ever mellow, He seldom punished any lark, And walked the boy in Letny Park.*</p>
<p>IV</p> <p>Когда же юности мятежной Пришла Евгению пора, Пора надежд и грусти нежной, Monsieur прогнали со двора. Вот мой Онегин на свободе; Острижен по последней моде, Как dandy {2} лондонский одет - И наконец увидел свет. Он по-французски совершенно Мог изъясняться и писал; Легко мазурку танцевал И кланялся непринужденно: Чего ж вам больше? Свет решил, Что он умен и очень мил.</p>	<p>4</p> <p>But when the age of restless turnings Became in time our young man's fate, The age of hopes and tender yearnings, Monsieur l'Abbe was shown the gate. And here's Onegin-liberated, To fad and fashion newly mated: A London dandy, hair all curled, At last he's ready for the world! In French he could and did acutely Express himself and even write; In dancing too his step was light, And bows he'd mastered absolutely. Who'd ask for more? The world could tell That he had wit and charm as well.</p>
<p>V</p> <p>Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь, Так воспитаньем, слава богу, У нас немудрено блеснуть. Онегин был по мнению многих (Судей решительных и строгих) Ученый малый, но педант: Имел он счастливый талант Без принужденья в разговоре Коснуться до всего слегка, С ученым видом знатока Хранить молчанье в важном споре И возбуждать улыбку дам Огнем нежданных эпиграмм.</p>	<p>5</p> <p>We've all received an education In something somehow, have we not? So thank the Lord that in this nation A little learning means a lot. Onegin was, so some decided (Strict judges, not to be derided), A learned, if pedantic, sort. He did possess the happy forte Of free and easy conversation, Or in a grave dispute he'd wear The solemn expert's learned air And keep to silent meditation; And how the ladies' eyes he lit With flashes of his sudden wit!</p>
<p>VI</p> <p>Латынь из моды вышла ныне: Так, если правду вам сказать, Он знал довольно по-латыне, Чтоб эпиграфы разбирать, Потолковать об Ювенале, В конце письма поставить vale, Да помнил, хоть не без греха, Из Энеиды два стиха. Он рыться не имел охоты В хронологической пыли Бытописания земли: Но дней минувших анекдоты От Ромула до наших дней Хранил он в памяти своей.</p>	<p>6</p> <p>The Latin vogue today is waning, And yet I'll say on his behalf, He had sufficient Latin training To gloss a common epigraph, Cite Juvenal in conversation, Put vale in a salutation; And he recalled, at least in part, A line or two of Virgil's art. He lacked, it's true, all predilection For rooting in the ancient dust Of history's annals full of must, But knew by heart a fine collection Of anecdotes of ages past: From Romulus to Tuesday last.</p>
<p>VII</p> <p>Высокой страсти не имея Для звуков жизни не щадить, Не мог он ямба от хорея, Как мы ни бились, отличить. Бранил Гомера, Феокрита; Зато читал Адама Смита И был глубокой эконом, То есть умел судить о том, Как государство богатеет, И чем живет, и почему Не нужно золота ему, Когда простой продукт имеет. Отец понять его не мог И земли отдавал в залог.</p>	<p>7</p> <p>Lacking the fervent dedication That sees in sounds life's highest quest, He never knew, to our frustration, A dactyl from an anapest. Theocritus and Homer bored him, But reading Adam Smith restored him, And economics he knew well; Which is to say that he could tell The ways in which a state progresses- The actual things that make it thrive, And why for gold it need not strive, When basic products it possesses. His father never understood And mortgaged all the land he could.</p>

<p>VIII</p> <p>Всего, что знал еще Евгений, Пересказать мне недосуг; Но в чем он истинный был гений, Что знал он тверже всех наук, Что было для него измлада И труд, и мука, и отрада, Что занимало целый день Его тоскующую лень, - Была наука страсти нежной, Которую воспел Назон, За что страдальцем кончил он Свой век блестящий и мятежный В Молдавии, в глуши степей, Вдали Италии своей.</p>	<p>8</p> <p>I have no leisure for retailing The sum of all our hero's parts, But where his genius proved unfailing, The thing he'd learned above all arts, What from his prime had been his pleasure, His only torment, toil, and treasure, What occupied, the livelong day, His languid spirit's fretful play Was love itself, the art of ardour, Which Ovid sang in ages past, And for which song he paid at last By ending his proud days a martyr- In dim Moldavia's vacant waste, Far from the Rome his heart embraced.</p>
<p>IX</p> <p>.....</p>	
<p>X</p> <p>Как рано мог он лицемерить, Таить надежду, ревновать, Разуверять, заставить верить, Казаться мрачным, изнывать, Являться гордым и послушным, Внимательным иль равнодушным! Как томно был он молчалив, Как пламенно красноречив, В сердечных письмах как небрежен! Одним дыша, одно любя, Как он умел забыть себя! Как взор его был быстр и нежен, Стыдлив и дерзок, а порой Блистал послушно слезой!</p>	<p>(9)* 10</p> <p>How early on he could dissemble, Conceal his hopes, play jealous swain, Compel belief, or make her tremble, Seem cast in gloom or mute with pain, Appear so proud or so forbearing, At times attentive, then uncaring! What languor when his lips were sealed, What fiery art his speech revealed! What casual letters he would send her! He lived, he breathed one single dream, How self-oblivious he could seem! How keen his glance, how bold and tender; And when he wished, he'd make appear The quickly summoned, glistening tear!</p>
<p>XI</p> <p>Как он умел казаться новым, Шутя невинность изумлять, Пугать отчаяньем готовым, Приятной лестью забавлять, Ловить минуту умиления, Невинных лет предубежденья Умом и страстью побеждать, Невольной ласки ожидать, Молить и требовать признанья, Подслушать сердца первый звук, Преследовать любовь, и вдруг Добиться тайного свиданья... И после ей наедине Давать уроки в тишине!</p>	<p>11</p> <p>How shrewdly he could be inventive And playfully astound the young, Use flattery as warm incentive, Or frighten with despairing tongue. And how he'd seize a moment's weakness To conquer youthful virtue's meekness Through force of passion and of sense, And then await sweet recompense. At first he'd beg a declaration, And listen for the heart's first beat, Then stalk love faster-and entreat A lover's secret assignation... And then in private he'd prepare In silence to instruct the fair!</p>
<p>XII</p> <p>Как рано мог уж он тревожить Сердца кокеток записных! Когда ж хотелось уничтожить Ему соперников своих, Как он язвительно злословил! Какие сети им готовил! Но вы, блаженные мужья, С ним оставались вы друзья: Его ласкал супруг лукавый, Фобласа давний ученик, И недоверчивый старик, И рогоносец величавый, Всегда довольный сам собой, Своим обедом и женой.</p>	<p>12</p> <p>How early he could stir or worry The hearts of even skilled coquettes! And when he found it necessary To crush a rival-oh, what nets, What clever traps he'd set before him! And how his wicked tongue would gore him! But you, you men in wedded bliss, You stayed his friends despite all this: The crafty husband fawned and chuckled (Faublas* disciple and his tool), As did the skeptical old fool, And the majestic, antlered cuckold- So pleased with all he had in life: Himself, his dinner, and his wife.</p>
<p>XIII. XIV</p> <p>.....</p>	<p>(13-14) 15</p>

<p>.....</p> <p>XV</p> <p>Бывало, он еще в постеле: К нему записочки несут. Что? Приглашенья? В самом деле, Три дома на вечер зовут: Там будет бал, там детский праздник. Куда ж поскачет мой проказник? С кого начнет он? Все равно: Везде поспеть немудрено. Покамест в утреннем уборе, Надев широкий боливар {3}, Онегин едет на бульвар И там гуляет на просторе, Пока недремлющий брежет Не прозвонит ему обед.</p> <p>XVI</p> <p>Уж темно: в санки он садится. "Пади, пади!" - раздался крик; Морозной пылью серебрится Его бобровый воротник. К Talon {4} помчался: он уверен, Что там уж ждет его Каверин. Вошел: и пробка в потолок, Вина кометы брызнул ток; Пред ним roast-beef окровавленный, И трюфли, роскошь юных лет, Французской кухни лучший цвет, И Страсбурга пирог нетленный Меж сыром лимбургским живым И ананасом золотым.</p> <p>XVII</p> <p>Еще бокалов жажда просит Залить горячий жир котлет, Но звон брегета им доносит, Что новый начался балет. Театра злой законодатель, Непостоянный обожатель Очаровательных актрис, Почетный гражданин кулис, Онегин полетел к театру, Где каждый, вольностью дыша, Готов охлопать entrechat, Обшикать Федру, Клеопатру, Моину вызвать (для того, Чтоб только слышали его).</p> <p>XVIII</p> <p>Волшебный край! там в стары годы, Сатиры смелый властелин, Блистал Фонвизин, друг свободы, И переимчивый Княжнин; Там Озеров невольны дани Народных слез, рукоплесканий С младой Семеновой делил; Там наш Катенин воскресил Корнеля гений величавый; Там вывел колкий Шаховской Своих комедий шумный рой, Там и Дидло венчался славой, Там, там под сению кулис Младые дни мои неслись.</p> <p>XIX</p> <p>Мои богини! что вы? где вы? Внемлите мой печальный глас: Все те же ль вы? другие ль девы, Сменив, не заменили вас? Услышу ль вновь я ваши хоры?</p>	<p>Some mornings still abed he drowzes, Until his valet brings his tray. What? Invitations? Yes, three houses Have asked him to a grand soiree. There'll be a ball, a children's party; Where will he dash to, my good hearty? Where will he make the night's first call? Oh, never mind-he'll make them all. But meanwhile, dressed for morning pleasure, Bedecked in broad-brimmed Bolivar,* He drives to Nevsky Boulevard, To stroll about at total leisure, Until Breguet's* unsleeping chime Reminds him that it's dinner time.</p> <p>16</p> <p>He calls a sleigh as daylight's dimming; The cry resounds: 'Make way! Let's go!' His collar with its beaver trimming Is silver bright with frosted snow. He's off to Talon's,* late, and racing, Quite sure he'll find Kaverin* pacing; He enters-cork and bottle spout! The comet wine* comes gushing out, A bloody roastbeef's on the table, And truffles, youth's delight so keen, The very flower of French cuisine, And Strasbourg pie,* that deathless fable; While next to Limburg's lively mould Sits ananas in splendid gold.</p> <p>17</p> <p>Another round would hardly hurt them, To wash those sizzling cutlets down; But now the chime and watch alert them: The brand new ballet's on in town! He's off!-this critic most exacting Of all that touches art or acting, This fickle swain of every star, And honoured patron of the barre- To join the crowd, where each is ready To greet an entrechat with cheers, Or Cleopatra with his jeers, To hiss at Phedre-so unsteady, Recall Moi'na*... and rejoice That everyone has heard his voice.</p> <p>18</p> <p>Enchanted land! There for a season, That friend of freedom ruled the scene, The daring satirist Fonvizin, As did derivative Knyazhnin; There Ozerov received the nation's Unbidden tears and its ovations, Which young Semyonova did share; And our Katenin gave us there Corneille's full genius resurrected; And there the caustic Shakhovskoy Refreshed the stage with comic joy, Didelot his crown of fame perfected.* There too, beneath the theatre's tent, My fleeting, youthful days were spent.</p> <p>19</p> <p>My goddesses! You vanished faces! Oh, hearken to my woeful call: Have other maidens gained your places, Yet not replaced you after all? Shall once again I hear your chants?</p>
---	--

<p>Узрю ли русской Терпсихоры Душой исполненный полет? Иль взор унылый не найдет Знакомых лиц на сцене скучной, И, устремив на чуждый свет Разочарованный лорнет, Веселья зритель равнодушный, Безмолвно буду я зевать И о былом вспоминать?</p>	<p>Or see the Russian muse of dance Perform her soaring, soulful flight? Or shall my mournful gaze alight On unknown faces on the stages? And when across this world I pass A disenchanting opera glass, Shall I grow bored with mirth and rages, And shall I then in silence yawn And recollect a time that's gone?</p>
<p>XX</p>	<p>20</p>
<p>Театр уж полон; ложи блещут; Партер и кресла - все кипит; В райке нетерпеливо плещут, И, взвившись, занавес шумит. Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна, Толпою нимф окружена, Стоит Истомина; она, Одной ногой касаясь пола, Другою медленно кружит, И вдруг прыжок, и вдруг летит, Летит, как пух от уст Эола; То стан совет, то разовьет И быстрой ножкой ножку бьет.</p>	<p>The theatre's full, the boxes glitter; The restless gallery claps and roars; The stalls and pit are all ajitter; The curtain rustles as it soars. And there... ethereal... resplendent, Poised to the magic bow attendant, A throng of nymphs her guardian band, Istomina* takes up her stand. One foot upon the ground she places, And then the other slowly twirls, And now she leaps! And now she whirls! Like down from Eol's lips she races; Then spins and twists and stops to beat Her rapid, dazzling, dancing feet.</p>
<p>XXI</p>	<p>21</p>
<p>Все хлопает. Онегин входит, Идет меж кресел по ногам, Двойной лорнет скосясь наводит На ложи незнакомых дам; Все ярусы окинул взором, Все видел: лицами, убором Ужасно недоволен он; С мужчинами со всех сторон Раскланялся, потом на сцену В большом рассеянье взглянул, Отворотился - и зевнул, И молвил: "Всех пора на смену; Балеты долго я терпел, Но и Дидло мне надоел" {5}.</p>	<p>As all applaud, Onegin enters- And treads on toes to reach his seat; His double glass he calmly centres On ladies he has yet to meet. He takes a single glance to measure These clothes and faces with displeasure; Then trading bows on every side With men he knew or friends he spied, He turned at last and vaguely fluttered His eyes toward the stage and play- Then yawned and turned his head away: 'It's time for something new,' he muttered, 'I've suffered ballets long enough, But now Didelot is boring stuff.'</p>
<p>XXII</p>	<p>22</p>
<p>Еще амуры, черти, змеи На сцене скачут и шумят; Еще усталые лакеи На шубах у подъезда спят; Еще не перестали топтать, Сморгаться, кашлять, шикать, хлопать; Еще снаружи и внутри Везде блистают фонари; Еще, прозябнув, бьются кони, Наскуча упряжью своей, И кучера, вокруг огней, Бранят господ и бьют в ладони - А уж Онегин вышел вон; Домой одеться едет он.</p>	<p>While all those cupids, devils, serpents Upon the stage still romp and roar, And while the weary band of servants Still sleeps on furs at carriage door; And while the people still are tapping, Still sniffing, coughing, hissing, clapping; And while the lamps both in and out Still glitter grandly all about; And while the horses, bored at tether, Still fidget, freezing, in the snow, And coachmen by the fire's glow Curse masters and beat palms together; Onegin now has left the scene And driven home to change and preen.</p>
<p>XXIII</p>	<p>23</p>
<p>Изобразю ль в картине верной Уединенный кабинет, Где мод воспитанник примерный Одет, раздет и вновь одет? Все, чем для прихоти обильной Торгует Лондон щепетильный И по Балтийским волнам За лес и сало возит нам, Все, что в Париже вкус голодный, Полезный промысел избрав, Изобретает для забав, Для роскоши, для неги модной, - Все украшало кабинет Философа в осьмнадцать лет.</p>	<p>Shall I abandon every scruple And picture truly with my pen The room where fashion's model pupil Is dressed, undressed, and dressed again? Whatever clever London offers To those with lavish whims and coffers, And ships to us by Baltic seas In trade for tallow and for trees; Whatever Paris, seeking treasure, Devises to attract the sight, Or manufactures for delight, For luxury, for modish pleasure- All this adorned his dressing room, Our sage of eighteen summers' bloom.</p>

<p>XXIV</p> <p>Янтарь на трубках Цареграда, Фарфор и бронза на столе, И, чувств изнеженных отрада, Духи в граненом хрустале; Гребенки, пилочки стальные, Прямые ножницы, кривые И щетки тридцати родов И для ногтей и для зубов. Руссо (замечу мимоходом) Не мог понять, как важный Грим Смел чистить ногти перед ним, Красноречивым сумасбродом {б}. Защитник вольности и прав В сем случае совсем неправ.</p>	<p>24</p> <p>Imported pipes of Turkish amber, Fine china, bronzes- all displayed; And purely to delight and pamper, Perfumes in crystal jars arrayed; Steel files and combs in many guises, Straight scissors, curved ones, thirty sizes Of brushes for the modern male- For hair and teeth and fingernail. Rousseau (permit me this digression) Could not conceive how solemn Grimm* Dared clean his nails in front of him, The brilliant maddcap of confession. In this case, though, one has to say That Freedom's Champion went astray.</p>
<p>XXV</p> <p>Быть можно дельным человеком И думать о красе ногтей: К чему бесплодно спорить с веком? Обычай деспот меж людей. Второй Чадаев, мой Евгений, Боясь ревнивых осуждений, В своей одежде был педант И то, что мы назвали франт. Он три часа по крайней мере Пред зеркалами проводил И из уборной выходил Подобный ветреной Венере, Когда, надев мужской наряд, Богиня едет в маскарад.</p>	<p>25</p> <p>For one may be a man of reason And mind the beauty of his nails. Why argue vainly with the season?- For custom's rule o'er man prevails. Now my Eugene, Chadayev's* double, From jealous critics fearing trouble, Was quite the pedant in his dress And what we called a fop, no less. At least three hours he peruses His figure in the looking-glass; Then through his dressing room he'll pass Like flighty Venus when she chooses In man's attire to pay a call At masquerade or midnight ball.</p>
<p>XXVI</p> <p>В последнем вкусе туалетом Заняв ваш любопытный взгляд, Я мог бы пред ученым светом Здесь описать его наряд; Конечно б это было смело, Описывать мое же дело: Но панталоны, фрак, жилет, Всех этих слов на русском нет; А вижу я, винюсь пред вами, Что уж и так мой бедный слог Пестреть гораздо б меньше мог Иноплеменными словами, Хоть и заглядывал я встарь В Академический словарь.</p>	<p>26</p> <p>Your interest piqued and doubtless growing In current fashions of toilette, I might describe in terms more knowing His clothing for the learned set. This might well seem an indiscretion, Description, though, is my profession; But pantaloons, gilet, and frock- These words are hardly Russian stock; And I confess (in public sorrow) That as it is my diction groans With far too many foreign loans; But if indeed I overborrow, I have of old relied upon Our Academic Lexicon.</p>
<p>XXVII</p> <p>У нас теперь не то в предмете: Мы лучше поспешим на бал, Куда стремглав в ямской карете Уж мой Онегин поскакал. Перед померкшими домами Вдоль сонной улицы рядами Двойные фонари карет Веселый изливают свет И радуги на снег наводят; Усеян площадками кругом, Блестит великолепный дом; По цельным окнам тени ходят, Мелькают профили голов И дам и модных чудаков.</p>	<p>27</p> <p>But let's abandon idle chatter And hasten rather to forestall Our hero's headlong, dashing clatter In hired coach towards the ball. Before the fronts of darkened houses, Along a street that gently drowns, The double carriage lamps in rows Pour forth their warm and cheerful glows And on the snow make rainbows glitter. One splendid house is all alight, Its countless lampions burning bright; While past its glassed-in windows flitter In quick succession silhouettes Of ladies and their modish pets.</p>

<p>XXVIII</p> <p>Вот наш герой подъехал к сениям; Швейцара мимо он стрелой Взлетел по мраморным ступеням, Расправил волоса рукой, Вошел. Полна народу зала; Музыка уж греметь устала; Толпа мазуркой занята; Кругом и шум и теснота; Бренчат кавалергарда шпоры; Летают ножки милых дам; По их пленительным следам Летают пламенные взоры, И ревом скрипок заглушен Ревнивый шепот модных жен.</p> <p>XXIX</p> <p>Во дни веселий и желаний Я был от балов без ума: Верней нет места для признаний И для вручения письма. О вы, почтенные супруги! Вам предложу свои услуги; Прошу мою заметить речь: Я вас хочу предостеречь. Вы также, маменьки, поостроже За дочерьми смотрите вслед: Держите прямо свой лорнет! Не то... не то, избави боже! Я это потому пишу, Что уж давно я не грешу.</p> <p>XXX</p> <p>Увы, на разные забавы Я много жизни погубил! Но если б не страдали нравы, Я балы б до сих пор любил. Люблю я бешеную младость, И тесноту, и блеск, и радость, И дам обдуманый наряд; Люблю их ножки: только вряд Найдете вы в России целой Три пары стройных женских ног. Ах! долго я забыть не мог Две ножки... Грустный, охладель, Я все их помню, и во сне Они тревожат сердце мне.</p> <p>XXXI</p> <p>Когда ж и где, в какой пустыне, Безумец, их забудешь ты? Ах, ножки, ножки! где вы ныне? Где мнете вешние цветы? Взлелеяны в восточной неге, На северном, печальном снеге Вы не оставили следов: Любили мягких вы ковров Роскошное прикосновенье. Давно ль для вас я забывал И жажду славы и похвал, И край отцов, и заточенье? Исчезло счастье юных лет, Как на лугах ваш легкий след.</p>	<p>28</p> <p>But look, Onegin's at the gateway; He's past the porter, up the stair, Through marble entry rushes straightway, Then runs his fingers through his hair, And steps inside. The crush increases, The droning music never ceases; A bold mazurka grips the crowd, The press intense, the hubbub loud; The guardsman clinks his spurs and dances, The charming ladies twirl their feet- Enchanting creatures that entreat A hot pursuit of flaming glances; While muffled by the violin The wives their jealous gossip spin.</p> <p>29</p> <p>In days of dreams and dissipations On balls I madly used to dote: No surer place for declarations, Or for the passing of a note. And so I offer, worthy spouses, My services to save your houses: I pray you, heed my sound advice, A word of warning should suffice. You too, you mamas, I commend you To keep your daughters well in sight; Don't lower your lorgnettes at night! Or else... or else... may God defend you! All this I now can let you know, Since I dropped sinning long ago.</p> <p>30</p> <p>So much of life have I neglected In following where pleasure calls! Yet were not morals ill affected I even now would worship balls. I love youth's wanton, fevered madness, The crush, the glitter, and the gladness, The ladies' gowns so well designed; I love their feet-although you'll find That all of Russia scarcely numbers Three pairs of shapely feet... And yet, How long it took me to forget Two special feet. And in my slumbers They still assail a soul grown cold And on my heart retain their hold.</p> <p>31</p> <p>In what grim desert, madman, banished, Will you at last cut memory's thread? Ah, dearest feet, where have you vanished? What vernal flowers do you tread? Brought up in Oriental splendour, You left no prints, no pressings tender, Upon our mournful northern snow. You loved instead to come and go On yielding rugs in rich profusion; While I-so long ago it seems!- For your sake smothered all my dreams Of glory, country, proud seclusion. All gone are youth's bright years of grace, As from the meadow your light trace.</p>
--	--

<p>XXXII</p> <p>Дианы грудь, ланиты Флоры Прелестны, милые друзья! Однако ножка Терпсихоры Прелестней чем-то для меня. Она, пророчествуя взгляду Неоцененную награду, Влечет условною красой Желаний своевольный рой. Люблю ее, мой друг Эльвина, Под длинной скатертью столов, Весной на мураве лугов, Зимой на чугуне камина, На зеркальном паркете зал, У моря на граните скал.</p> <p>XXXIII</p> <p>Я помню море пред грозой: Как я завидовал волнам, Бегущим бурной чередою С любовью лечь к ее ногам! Как я желал тогда с волнами Коснуться милых ног устами! Нет, никогда средь пылких дней Кипящей младости моей Я не желал с таким мученьем Лобзать уста молодых Армид, Иль розы пламенных ланит, Иль перси, полные томленьем; Нет, никогда порыв страстей Так не терзал души моей!</p> <p>XXXIV</p> <p>Мне памятно другое время! В заветных иногда мечтах Держу я счастливое стремя... И ножку чувствую в руках; Опять кипит воображенье, Опять ее прикосновенье Зажгло в увядшем сердце кровь, Опять тоска, опять любовь!.. Но полно прославлять надменных Болтливой лирою своей; Они не стоят ни страстей, Ни песен, ими вдохновенных: Слова и взор волшебниц сих Обманчивы... как ножки их.</p> <p>XXXV</p> <p>Что ж мой Онегин? Полусонный В постелю с бала едет он: А Петербург неугомонный Уж барабаном пробужден. Встает купец, идет разносчик, На биржу тянется извозчик, С кувшином охтенка спешит, Под ней снег утренний хрустит. Проснулся утра шум приятный. Открыты ставни; трубный дым Столбом восходит голубым, И хлебник, немец аккуратный, В бумажном колпаке, не раз Уж отворял свой васисдас.</p> <p>XXXVI</p> <p>Но, шумом бала утомленный И утро в полночь обратя, Спокойно спит в тени блаженной Забав и роскоши дитя. Проснется за полдень, и снова До утра жизнь его готова, Однообразна и пестра. И завтра то же, что вчера.</p>	<p>32</p> <p>Diana's breast is charming, brothers, And Flora's cheek, I quite agree; But I prefer above these others The foot of sweet Terpsichore. It hints to probing, ardent glances Of rich rewards and peerless trances; Its token beauty stokes the fires, The wilful swarm of hot desires. My dear Elvina, I adore it- Beneath the table barely seen, In springtime on the meadow's green, In winter with the hearth before it, Upon the ballroom's mirrored floor, Or perched on granite by the shore.</p> <p>33</p> <p>I recollect the ocean rumbling: O how I envied then the waves- Those rushing tides in tumult tumbling To fall about her feet like slaves! I longed to join the waves in pressing Upon those feet these lips... caressing. No, never midst the fiercest blaze Of wildest youth's most fervent days Was I so racked with yearning's anguish: No maiden's lips were equal bliss, No rosy cheek that I might kiss, Or sultry breast on which to languish. No, never once did passion's flood So rend my soul, so flame my blood.</p> <p>34</p> <p>Another memory finds me ready: In cherished dreams I sometimes stand And hold the lucky stirrup steady, Then feel her foot within my hand! Once more imagination surges, Once more that touch ignites and urges The blood within this withered heart: Once more the love... once more the dart! But stop... Enough! My babbling lyre Has overpraised these haughty things: They're hardly worth the songs one sings Or all the passions they inspire; Their charming words and glances sweet Are quite as faithless as their feet.</p> <p>35</p> <p>But what of my Eugene? Half drowsing, He drives to bed from last night's ball, While Petersburg, already rousing, Answers the drumbeat's duty call. The merchant's up, the pedlar scurries, With jug in hand the milkmaid hurries, Crackling the freshly fallen snow; The cabby plods to hackney row. In pleasant hubbub morn's awaking! The shutters open, smoke ascends In pale blue shafts from chimney ends. The German baker's up and baking, And more than once, in cotton cap, Has opened up his window-trap.</p> <p>36</p> <p>But wearied by the ballroom's clamour, He sleeps in blissful, sheer delight- This child of comfort and of glamour, Who turns each morning into night. By afternoon he'll finally waken, The day ahead all planned and taken: The endless round, the varied game; Tomorrow too will be the same.</p>
---	---

<p>Но был ли счастлив мой Евгений, Свободный, в цвете лучших лет, Среди блистательных побед, Среди вседневных наслаждений? Вотще ли был он средь пиров Неосторожен и здоров?</p> <p>XXXVII</p> <p>Нет: рано чувства в нем остыли; Ему наскучил света шум; Красавицы не долго были Предмет его привычных дум; Измены утомить успели; Друзья и дружба надоели, Затем, что не всегда же мог Beef-steaks и страсбургский пирог Шампанской обливать бутылкой И сыпать острые слова, Когда болела голова; И хоть он был повеса пылкой, Но разлюбил он наконец И брань, и саблю, и свинец.</p> <p>XXXVIII</p> <p>Недуг, которого причину Давно бы отыскать пора, Подобный английскому сплину, Короче: русская хандра Им овладела понемногу; Он застрелиться, слава богу, Попробовать не захотел, Но к жизни вовсе охладел. Как Child-Harold, угрюмый, томный В гостиных появлялся он; Ни сплетни света, ни бостон, Ни милый взгляд, ни вздох нескромный, Ничто не трогало его, Не замечал он ничего.</p> <p>XXXIX. XL. XLI</p> <p>.....</p> <p>XLII</p> <p>Причудницы большого света! Всех прежде вас оставил он; И правда то, что в наши лета Довольно скучен высший тон; Хоть, может быть, иная дама Толкует Сея и Бентама, Но вообще их разговор Несносный, хоть невинный вздор; К тому ж они так непорочны, Так величавы, так умны, Так благочестия полны, Так осмотрительны, так точны, Так неприступны для мужчин, Что вид их уж рождает сплин {7}.</p> <p>XLIII</p> <p>И вы, красотки молодые, Которых позднею порой Уносят дрожки удалые По петербургской мостовой, И вас покинул мой Евгений.</p>	<p>But was he happy in the flower- The very springtime of his days, Amid his pleasures and their blaze, Amid his conquests of the hour? Or was he profligate and hale Amid his feasts to no avail?</p> <p>37</p> <p>Yes, soon he lost all warmth of feeling: The social buzz became a bore, And all those beauties, once appealing, Were objects of his thought no more. Inconstancy grew too fatiguing; And friends and friendship less intriguing; For after all he couldn't drain An endless bottle of champagne To help those pies and beefsteaks settle, Or go on dropping words of wit With throbbing head about to split: And so, for all his fiery mettle, He did at last give up his love Of pistol, sword, and ready glove.</p> <p>38</p> <p>We still, alas, cannot forestall it- This dreadful ailment's heavy toll; The spleen is what the English call it, We call it simply Russian soul. 'Twas this our hero had contracted; And though, thank God, he never acted To put a bullet through his head, His former love of life was dead. Like Byron's Harold, lost in trances, Through drawing rooms he'd pass and stare; But neither whist, nor gossip there, Nor wanton sighs, nor tender glances- No, nothing touched his sombre heart, He noticed nothing, took no part.</p> <p>(39-41) 42</p> <p>Capricious belles of lofty station! You were the first that he forswore; For nowadays in our great nation, The manner grand can only bore. I wouldn't say that ladies never Discuss a Say or Bentham*-ever; But generally, you'll have to grant, Their talk's absurd, if harmless, cant. On top of which, they're so unerring, So dignified, so awfully smart, So pious and so chaste of heart, So circumspect, so strict in bearing, So inaccessibly serene, Mere sight of them brings on the spleen.*</p> <p>43</p> <p>You too, young mistresses of leisure, Who late at night are whisked away In racing droshkies bound for pleasure Along the Petersburg chaussee- He dropped you too in sudden fashion.</p>
---	--

<p>Отступник бурных наслаждений, Онегин дома заперся, Зевая, за перо взялся, Хотел писать - но труд упорный Ему был тошен; ничего Не вышло из пера его, И не попал он в цех задорный Людей, о коих не сужу, Затем, что к ним принадлежу.</p>	<p>Apostate from the storms of passion, He locked himself within his den And, with a yawn, took up his pen And tried to write. But art's exaction Of steady labour made him ill, And nothing issued from his quill; So thus he failed to join the faction Of writers-whom I won't condemn Since, after all, I'm one of them.</p>
<p>XLIV</p>	<p>44</p>
<p>И снова, преданный безделью, Томясь душевной пустотой, Уселся он - с похвальной целью Себе присвоить ум чужой; Отрядом книг оставил полку, Читал, читал, а все без толку: Там скука, там обман иль бред; В том совести, в том смысла нет; На всех различные вериги; И устарела старина, И старым бредит новизна. Как женщин, он оставил книги, И полку, с пыльной их семьей, Задержнул траурной тафтой.</p>	<p>Once more an idler, now he smothers The emptiness that plagues his soul By making his the thoughts of others- A laudable and worthy goal. He crammed his bookshelf overflowing, Then read and read-frustration growing: Some raved or lied, and some were dense; Some lacked all conscience; some, all sense; Each with a different dogma girded; The old was dated through and through, While nothing new was in the new; So books, like women, he deserted, And over all that dusty crowd He draped a linen mourning shroud.</p>
<p>XLV</p>	<p>45</p>
<p>Условий света свергнув бремя, Как он, отстав от суеты, С ним подружился я в то время. Мне нравились его черты, Мечтам невольная преданность, Неподражательная странность И резкий, охлажденный ум. Я был озлоблен, он угрюм; Страстей игру мы знали оба; Томила жизнь обоих нас; В обоих сердца жар угас; Обоих ожидала злоба Слепой Фортуны и людей На самом утре наших дней.</p>	<p>I too had parted with convention, With vain pursuit of worldly ends; And when Eugene drew my attention, I liked his ways and we made friends. I liked his natural bent for dreaming, His strangeness that was more than seeming, The cold sharp mind that he possessed; I was embittered, he depressed; With passion's game we both were sated; The fire in both our hearts was pale; Our lives were weary, flat, and stale; And for us both, ahead there waited- While life was still but in its morn- Blind fortune's malice and men's scorn.</p>
<p>XLVI</p>	<p>46</p>
<p>Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей; Кто чувствовал, того тревожит Призрак невозвратимых дней: Тому уж нет очарований, Того змия воспоминаний, Того раскаянье грызет. Все это часто придает Большую прелесть разговору. Сперва Онегина язык Меня смущал; но я привык К его язвительному спору, И к шутке, с желчью пополам, И злости мрачных эпиграмм.</p>	<p>He who has lived as thinking being Within his soul must hold men small; He who can feel is always fleeing The ghost of days beyond recall; For him enchantment's deep infection Is gone; the snake of recollection And grim repentance gnaws his heart. All this, of course, can help impart Great charm to private conversation; And though the language of my friend At first disturbed me, in the end I liked his caustic disputation- His blend of banter and of bile, His sombre wit and biting style.</p>
<p>XLVII</p>	<p>47</p>
<p>Как часто летнею порою, Когда прозрачно и светло Ночное небо над Невою {8} И вод веселое стекло Не отражает лик Дианы, Вспомня прежних лет романы, Вспомня прежнюю любовь, Чувствительны, беспечны вновь, Дыханьем ночи благосклонной Безмолвно упивались мы! Как в лес зеленый из тюрьмы Перенесен колодник сонный, Так уносились мы мечтой К началу жизни молодой.</p>	<p>How often in the summer quarter, When midnight sky is limpid-light Above the Neva's placid water- The river gay and sparkling bright, Yet in its mirror not reflecting Diana's visage-recollecting The loves and intrigues of the past, Alive once more and free at last, We drank in silent contemplation The balmy fragrance of the night! Like convicts sent in dreaming flight To forest green and liberation, So we in fancy then were borne Back to our springtime's golden morn.</p>

<p>XLVIII</p> <p>С душою, полной сожалений, И опершись на гранит, Стоял задумчиво Евгений, Как описал себя пиит {9}. Все было тихо; лишь ночные Перекликались часовые, Да дрожек отдаленный стук С Мильонной раздавался вдруг; Лишь лодка, веслами махая, Плыла по дремлющей реке: И нас пленяли вдалеке Рожок и песня удалая... Но слаще, средь ночных забав, Напев Торкватовых октав!</p> <p>XLIX</p> <p>Адриатические волны, О Брента! нет, увижу вас И, вдохновенья снова полный, Услышу ваш волшебный глас! Он свят для внуков Аполлона; По гордой лире Альбиона Он мне знаком, он мне родной. Ночей Италии златой Я негой наслажусь на воле, С венецианкою младой, То говорливой, то немой, Плывя в таинственной гондоле; С ней обретут уста мои Язык Петрарки и любви.</p> <p>L</p> <p>Придет ли час моей свободы? Пора, пора! - взываю к ней; Брожу над морем {10}, жду погоды, Маню ветрила кораблей. Под ризой бурь, с волнами споря, По вольному распутью моря Когда ж начну я вольный бег? Пора покинуть скучный брег Мне неприязненной стихии И средь полуденных зыбей, Под небом Африки моей {11}, Вздыхать о сумрачной России, Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил.</p> <p>LI</p> <p>Онегин был готов со мною Увидеть чуждые страны; Но скоро были мы судьбою На долгой срок разведены. Отец его тогда скончался. Перед Онегиным собрался Займодавец жадный полк. У каждого свой ум и толк: Евгений, тяжбы ненавидя, Довольный жребием своим, Наследство предоставил им, Большой потери в том не видя Иль предузнав издалика Кончину дяди старика.</p>	<p>48</p> <p>Filled with his heart's regrets, and leaning Against the rampart's granite shelf, Eugene stood lost in pensive dreaming (As once some poet drew himself). The night grew still... with silence falling; Only the sound of sentries calling, Or suddenly from Million Street Some distant droshky's rumbling beat; Or floating on the drowsy river, A lonely boat would sail along, While far away some rousing song Or plaintive horn would make us shiver. But sweeter still, amid such nights, Are Tasso's octaves' soaring flights.</p> <p>49</p> <p>? Adriatic! Grand Creation! O Brenta!* I shall yet rejoice, When, filled once more with inspiration, I hear at last your magic voice! It's sacred to Apollo's choir; Through Albion's great and haughty lyre* It speaks to me in words I know. On soft Italian nights I'll go In search of pleasure's sweet profusion; A fair Venetian at my side, Now chatting, now a silent guide, I'll float in gondola's seclusion; And she my willing lips will teach Both love's and Petrarch's ardent speech.</p> <p>50</p> <p>Will freedom come-and cut my tether? It's time, it's time! I bid her hail; I roam the shore,* await fair weather, And beckon to each passing sail. ? when, my soul, with waves contesting, And caped in storms, shall I go questing Upon the crossroads of the sea? It's time to quit this dreary lee And land of harsh, forbidding places; And there, where southern waves break high, Beneath my Africa's warm sky,* To sigh for sombre Russia's spaces, Where first I loved, where first I wept, And where my buried heart is kept.</p> <p>51</p> <p>Eugene and I had both decided To make the foreign tour we'd planned; But all too soon our paths divided, For fate took matters into hand. His father died-quite unexpected, And round Eugene there soon collected The greedy horde demanding pay. Each to his own, or so they say. Eugene, detesting litigation And quite contented with his fate, Released to them the whole estate... With no great sense of deprivation; Perhaps he also dimly knew His aged uncle's time was due.</p>
--	--

<p>LII</p> <p>Вдруг получил он в самом деле От управителя доклад, Что дядя при смерти в постеле И с ним проститься был бы рад. Прочтя печальное посланье, Евгений тотчас на свиданье Стремглав по почте поскакал И уж заранее зевал, Приготовляясь, денег ради, На вздохи, скуку и обман (И тем я начал мой роман); Но, прилетев в деревню дяди, Его нашел уж на столе, Как дань готовую земле.</p>	<p>52</p> <p>And sure enough a note came flying; The bailiff wrote as if on cue: Onegin's uncle, sick and dying, Would like to bid his heir adieu. He gave the message one quick reading, And then by post Eugene was speeding, Already bored, to uncle's bed, While thoughts of money filled his head. He was prepared-like any craven- To sigh, deceive, and play his part (With which my novel took its start); But when he reached his uncle's haven, A laid-out corpse was what he found, Prepared as tribute for the ground.</p>
<p>LIII</p> <p>Нашел он полон двор услуги; К покойнику со всех сторон Съезжались недруги и друзья, Охотники до похорон. Покойника похоронили. Попы и гости ели, пили И после важно разошлись, Как будто делом занялись. Вот наш Онегин - сельский житель, Заводов, вод, лесов, земель Хозяин полный, а досель Порядка враг и расточитель, И очень рад, что прежний путь Переменил на что-нибудь.</p>	<p>53</p> <p>He found the manor fairly bustling With those who'd known the now deceased; Both friends and foes had come a-hustling, True lovers of a funeral feast. They laid to rest the dear departed; Then, wined and dined and heavy-hearted, But pleased to have their duty done, The priests and guests left one by one. And here's Onegin-lord and master Of woods and mills and streams and lands; A country squire, there he stands, That former wastrel and disaster; And rather glad he was, it's true, That he'd found something else to do.</p>
<p>LIV</p> <p>Два дня ему казались новы Уединенные поля, Прохлада сумрачной дубровы, Журчанье тихого ручья; На третий роща, холм и поле Его не занимали боле; Потом уж навели сон; Потом увидел ясно он, Что и в деревне скука та же, Хоть нет ни улиц, ни дворцов, Ни карт, ни балов, ни стихов. Хандра ждала его на страже, И бегала за ним она, Как тень иль верная жена.</p>	<p>54</p> <p>For two full days he was enchanted By lonely fields and burbling brook, By sylvan shade that lay implanted Within a cool and leafy nook. But by the third he couldn't stick it: The grove, the hill, the field, the thicket- Quite ceased to tempt him any more And, presently, induced a snore; And then he saw that country byways- With no great palaces, no streets, No cards, no balls, no poets' feats- Were just as dull as city highways; And spleen, he saw, would dog his life, Like shadow or a faithful wife.</p>
<p>LV</p> <p>Я был рожден для жизни мирной, Для деревенской тишины; В глуши звучнее голос лирный, Живее творческие сны. Досугам посвятяться невинным, Брожу над озером пустынным, И far niente мой закон. Я каждым утром пробужден Для сладкой неги и свободы: Читаю мало, долго сплю, Летучей славы не ловлю. Не так ли я в былые годы Провел в бездействии, в тени Мои счастливейшие дни?</p>	<p>55</p> <p>But I was born for peaceful roaming, For country calm and lack of strife; My lyre sings! And in the gloaming My fertile fancies spring to life. I give myself to harmless pleasures And far niente rules my leasures: Each morning early I'm awake To wander by the lonely lake Or seek some other sweet employment: I read a little, often sleep, For fleeting fame I do not weep. And was it not in past enjoyment Of shaded, idle times like this, I spent my days of deepest bliss?</p>

<p>LVI</p> <p>Цветы, любовь, деревня, праздность, Поля! я предан вам душой. Всегда я рад заметить разность Между Онегиным и мной, Чтобы насмешливый читатель Или какой-нибудь издатель Замысловатой клеветы, Сличая здесь мои черты, Не повторял потом безбожно, Что намарал я свой портрет, Как Байрон, гордости поэт, Как будто нам уж невозможно Писать поэмы о другом, Как только о себе самом.</p>	<p>56</p> <p>The country, love, green fields and flowers, Sweet idleness! You have my heart. With what delight I praise those hours That set Eugene and me apart. For otherwise some mocking reader Or, God forbid, some wretched breeder Of twisted slanders might combine My hero's features here with mine And then maintain the shameless fiction That, like proud Byron, I have penned A mere self-portrait in the end; As if today, through some restriction, We're now no longer fit to write On any theme but our own plight.</p>
<p>LVII</p> <p>Замечу кстати: все поэты - Любви мечтательной друзья. Бывало, милые предметы Мне снились, и душа моя Их образ тайный сохранила; Их после муза оживила: Так я, беспечен, воспевал И деву гор, мой идеал, И пленниц берегов Салгира. Теперь от вас, мои друзья, Вопрос нередко слышу я: "О ком твоя вздыхает лира? Кому, в толпе ревнивых дев, Ты посвятил ее напев?"</p>	<p>57</p> <p>All poets, I need hardly mention, Have drawn from love abundant themes; I too have gazed in rapt attention When cherished beings filled my dreams. My soul preserved their secret features; The Muse then made them living creatures: Just so in carefree song I paid My tribute to the mountain maid, And sang the Salghir captives' praises.* And now, my friends, I hear once more That question you have put before: 'For whom these sighs your lyre raises? To whom amid the jealous throng Do you today devote your song?' 58</p> <p>'Whose gaze, evoking inspiration, Rewards you with a soft caress? Whose form, in pensive adoration, Do you now clothe in sacred dress?' Why no one, friends, as God's my witness, For I have known too well the witless And maddened pangs of love's refrain. Oh, blest is he who joins his pain To fevered rhyme: for thus he doubles The sacred ecstasy of art; Like Petrarch then, he calms the heart, Subduing passion's host of troubles, And captures worldly fame to boot!- But I, in love, was dense and mute.</p>
<p>LVIII</p> <p>Чей взор, волнуня вдохновенье, Умильной лаской наградил Твое задумчивое пенье? Кого твой стих боготворил?" И, други, никого, ей-богу! Любви безумную тревогу Я безотрадно испытал. Блажен, кто с нею сочетал Горячку рифм: он тем удвоил Поэзии священный бред, Петрарке шествуя вослед, А муки сердца успокоил, Поймал и славу между тем; Но я, любя, был глуп и нем.</p>	<p>59</p> <p>The Muse appeared as love was ending And cleared the darkened mind she found. Once free, I seek again the blending Of feeling, thought, and magic sound. I write... and want no more embraces; My straying pen no longer traces, Beneath a verse left incomplete, The shapes of ladies' heads and feet. Extinguished ashes won't rekindle, And though I grieve, I weep no more; And soon, quite soon, the tempest's core Within my soul will fade and dwindle: And then I'll write this world a song That's five and twenty cantos long!</p>
<p>LIX</p> <p>Прошла любовь, явилась муза, И прояснился темный ум. Свободен, вновь ищу союза Волшебных звуков, чувств и дум; Пишу, и сердце не тоскует, Перо, забывшись, не рисует, Близ неоконченных стихов, Ни женских ножек, ни голов; Погасший пепел уж не вспыхнет, Я все грущу; но слез уж нет, И скоро, скоро бури след В душе моей совсем утихнет: Тогда-то я начну писать Поэму песен в двадцать пять.</p>	<p>59</p> <p>The Muse appeared as love was ending And cleared the darkened mind she found. Once free, I seek again the blending Of feeling, thought, and magic sound. I write... and want no more embraces; My straying pen no longer traces, Beneath a verse left incomplete, The shapes of ladies' heads and feet. Extinguished ashes won't rekindle, And though I grieve, I weep no more; And soon, quite soon, the tempest's core Within my soul will fade and dwindle: And then I'll write this world a song That's five and twenty cantos long!</p>

<p>LX</p> <p>Я думал уж о форме плана И как героя назову; Покамест моего романа Я кончил первую главу; Пересмотрел все это строго: Противоречий очень много, Но их исправить не хочу. Цензуре долг свой заплачу И журналистам на съеденье Плоды трудов моих отдам: Иди же к невским берегам, Новорожденное творенье, И заслужи мне славы дань: Кривые толки, шум и брань!</p> <p>ГЛАВА ВТОРАЯ</p> <p>О rus!..</p> <p>Ног.</p> <p>О Русь!</p> <p>I</p> <p>Деревня, где скучал Евгений, Была прелестный уголок; Там друг невинных наслаждений Благословить бы небо мог. Господский дом уединенный, Горой от ветров огражденный, Стоял над речкою. Вдали Пред ним пестрели и цвели Луга и нивы золотые, Мелькали селы: здесь и там Стада бродили по лугам, И сени расширял густые Огромный, запущенный сад, Приют задумчивых дриад.</p> <p>II</p> <p>Почтенный замок был построен, Как замки строиться должны: Отменно прочен и спокоен Во вкусе умной старины. Везде высокие покои, В гостиной штофные обои, Царей портреты на стенах, И печи в пестрых изразцах. Все это ныне обветшало, Не знаю, право, почему; Да, впрочем, другу моему В том нужды было очень мало, Затем, что он равно зевал Средь модных и старинных зал.</p> <p>III</p> <p>Он в том покое поселился, Где деревенский старожил Лет сорок с ключницей бранился, В окно смотрел и мух давил. Все было просто: пол дубовый, Два шкафа, стол, диван пуховый, Нигде ни пятнышка чернил. Онегин шкафы отворил; В одном нашел тетрадь расхода, В другом наливки целый строй, Кувшины с яблочной водой И календарь осьмого года: Старик, имея много дел, В иные книги не глядел.</p>	<p>60</p> <p>I've drawn a plan and know what's needed, The hero's named, the plotting's done; And meantime I've just now completed My present novel's Chapter One. I've looked it over most severely; It has its contradictions, clearly, But I've no wish to change a line; I'll grant the censor's right to shine And send these fruits of inspiration To feed the critics' hungry pen. Fly to the Neva's water then, My spirit's own newborn creation! And earn me tribute paid to fame: Distorted readings, noise, and blame!</p> <p>Chapter 2</p> <p>? rus! Horace ? Rus!*</p> <p>1</p> <p>The place Eugene found so confining Was quite a lovely country nest, Where one who favoured soft reclining Would thank his stars to be so blest. The manor house, in proud seclusion, Screened by a hill from wind's intrusion, Stood by a river. Far away Green meads and golden cornfields lay, Lit by the sun as it paraded; Small hamlets too the eye could see And cattle wand'ring o'er the lea; While near at hand, all dense and shaded, A vast neglected garden made A nook where pensive dryads played.</p> <p>2</p> <p>The ancient manse had been erected For placid comfort-and to last; And all its solid form reflected The sense and taste of ages past. Throughout the house the ceilings towered, From walls ancestral portraits glowered; The drawing room had rich brocades And stoves of tile in many shades. All this today seems antiquated- I don't know why; but in the end It hardly mattered to my friend, For he'd become so fully jaded, He yawned alike where'er he sat, In ancient hall or modern flat.</p> <p>3</p> <p>He settled where the former squire For forty years had heaved his sighs, Had cursed the cook in useless ire, Stared out the window, and squashed flies. The furnishings were plain but stable: A couch, two cupboards, and a table, No spot of ink on oaken floors. Onegin opened cupboard doors And found in one a list of wages, Some fruit liqueurs and applejack, And in the next an almanac From eighteen-eight with tattered pages; The busy master never took A glance in any other book.</p>
--	--

<p>IV</p> <p>Один среди своих владений, Чтоб только время проводить, Сперва задумал наш Евгений Порядок новый учредить. В своей глуши мудрец пустынный, Ярем он барщины старинной Оброком легким заменил; И раб судьбу благословил. Зато в углу своем надулся, Увидя в этом страшный вред, Его расчетливый сосед; Другой лукаво улыбнулся, И в голос все решили так, Что он опаснейший чудак.</p>	<p>4</p> <p>Alone amid his new possessions, And merely as an idle scheme, Eugene devised a few concessions And introduced a new regime. A backwoods genius, he commuted The old corvee and substituted A quittance at a modest rate;* His peasants thanked their lucky fate, But thrifty neighbours waxed indignant And in their dens bewailed as one The dreadful harm of what he'd done. Still others sneered or turned malignant, And everyone who chose to speak Called him a menace and a freak.</p>
<p>V</p> <p>Сначала все к нему езжали; Но так как с заднего крыльца Обыкновенно подавали Ему донского жеребца, Лишь только вдоль большой дороги Заслышат их домашни дроги, - Поступком оскорбясь таким, Все дружбу прекратили с ним. "Сосед наш неуч; сумасбродит; Он фармазон; он пьет одно Стаканом красное вино; Он дамам к ручке не подходит; Все да да нет; не скажет да-с Иль нет-с". Таков был общий глас.</p>	<p>5</p> <p>At first the neighbours' calls were steady; But when they learned that in the rear Onegin kept his stallion ready So he could quickly disappear The moment one of them was sighted Or heard approaching uninvited, They took offence and, one and all, They dropped him cold and ceased to call. 'The man's a boor, he's off his rocker.' 'Must be a Mason;* drinks, they say... Red wine, by tumbler, night and day!' 'Won't kiss a lady's hand, the mocker.' 'Won't call me "sir" the way he should.' The general verdict wasn't good.</p>
<p>VI</p> <p>В свою деревню в ту же пору Помещик новый прискакал И столь же строгому разбору В соседстве повод подавал: По имени Владимир Ленской, С душою прямо геттингенской, Красавец, в полном цвете лет, Поклонник Канта и поэт. Он из Германии туманной Привез учености плоды: Вольнолюбивые мечты, Дух пылкий и довольно странный, Всегда восторженную речь И кудри черные до плеч.</p>	<p>6</p> <p>Another squire chose this season To reappear at his estate And gave the neighbours equal reason For scrutiny no less irate. Vladimir Lensky, just returning From Gottingen with soulful yearning, Was in his prime-a handsome youth And poet filled with Kantian truth. From misty Germany our squire Had carried back the fruits of art: A freedom-loving, noble heart, A spirit strange but full of fire, An always bold, impassioned speech, And raven locks of shoulder reach.</p>
<p>VII</p> <p>От хладного разврата света Еще увянуть не успев, Его душа была согрета Приветом друга, лаской дев; Он сердцем милый был невежда, Его лелеяла надежда, И мира новый блеск и шум Еще пленяли юный ум. Он забавлял мечтою сладкой Сомненья сердца своего; Цель жизни нашей для него Была заманчивой загадкой, Над ней он голову ломал И чудеса подозревал.</p>	<p>7</p> <p>As yet unmarked by disillusion Or chill corruption's deadly grasp, His soul still knew the warm effusion Of maiden's touch and friendship's clasp. A charming fool at love's vocation, He fed on hope's eternal ration; The world's fresh glitter and its call Still held his youthful mind in thrall; He entertained with fond illusions The doubts that plagued his heart and will; The goal of life, he found, was still A tempting riddle of confusions; He racked his brains and rather thought That miracles could still be wrought.</p>
<p>VIII</p> <p>Он верил, что душа родная Соединиться с ним должна, Что, безотрадно изнывая, Его вседневно ждет она;</p>	<p>8</p> <p>He knew a kindred soul was fated To join her life to his career, That even now she pined and waited, Expecting he would soon appear.</p>

<p>Он верил, что друзья готовы За честь его приять оковы И что не дрогнет их рука Разбить сосуд клеветника; Что есть избранные судьбами, Людей священные друзья; Что их бессмертная семья Неотразимыми лучами Когда-нибудь нас озарит И мир блаженством одарит.</p>	<p>And he believed that men would tender Their freedom for his honour's splendour; That friendly hands would surely rise To shatter slander's cup of lies; That there exists a holy cluster Of chosen ones whom men should heed, A happy and immortal breed, Whose potent light in all its lustre Would one day shine upon our race And grant the world redeeming grace.*</p>
<p>IX</p>	<p>9</p>
<p>Негодование, сожаленье, Ко благу чистая любовь И славы сладкое мученье В нем рано волновали кровь. Он с лирой странствовал на свете; Под небом Шиллера и Гете Их поэтическим огнем Душа воспламенилась в нем; И муз возвышенных искусства, Счастливец, он не постыдил: Он в песнях гордо сохранил Всегда возвышенные чувства, Порывы девственной мечты И прелесть важной простоты.</p>	<p>Compassion, noble indignation, A perfect love of righteous ways, And fame's delicious agitation Had stirred his soul since early days. He roamed the world with singing lyre And found the source of lyric fire Beneath the skies of distant lands, From Goethe's and from Schiller's hands. He never shamed, the happy creature, The lofty Muses of his art; He proudly sang with open heart Sublime emotion's every feature, The charm of gravely simple things, And youthful hopes on youthful wings.</p>
<p>X</p>	<p>10</p>
<p>Он пел любовь, любви послушный, И песнь его была ясна, Как мысли девы простодушной, Как сон младенца, как луна В пустынях неба безмятежных, Богиня тайн и вздохов нежных. Он пел разлуку и печаль, И нечто, и туманну даль, И романтические розы; Он пел те дальние страны, Где долго в лоно тишины Лились его живые слезы; Он пел поблеклый жизни цвет Без малого в осьмнадцать лет.</p>	<p>He sang of love, by love commanded, A simple and affecting tune, As clear as maiden thoughts, as candid As infant slumber, as the moon In heaven's peaceful desert flying, That queen of secrets and of sighing. He sang of parting and of pain, Of something vague, of mists and rain; He sang the rose, romantic flower, And distant lands where once he'd shed His living tears upon the bed Of silence at a lonely hour; He sang life's bloom gone pale and sere- He'd almost reached his eighteenth year.</p>
<p>XI</p>	<p>11</p>
<p>В пустыне, где один Евгений Мог оценить его дары, Господ соседственных селений Ему не нравились пиры; Бежал он их беседы шумной. Их разговор благоразумный О сенокосе, о вине, О псарне, о своей родне, Конечно, не блистал ни чувством, Ни поэтическим огнем, Ни острою, ни умом, Ни общежития искусством; Но разговор их милых жен Гораздо меньше был умен.</p>	<p>Throughout that barren, dim dominion Eugene alone could see his worth; And Lensky formed a low opinion Of neighbours' feasts and rounds of mirth; He fled their noisy congregations And found their solemn conversations- Of liquor, and of hay brought in, Of kennels, and of distant kin, Devoid of any spark of feeling Or hint of inner lyric grace; Both wit and brains were out of place, As were the arts of social dealing; But then their charming wives he found At talk were even less profound.</p>
<p>XII</p>	<p>12</p>
<p>Богат, хорош собою, Ленский Везде был принят как жених; Таков обычай деревенский; Все дочек прочили своих За полурусского соседа;</p>	<p>Well-off... and handsome in addition, Young Lensky seemed the perfect catch; And so, by countryside tradition, They asked him round and sought to match Their daughters with this semi-Russian.</p>

<p>Взойдет ли он, тотчас беседа Заводит слово стороной О скуке жизни холостой; Зовут соседа к самовару, А Дуня разливает чай; Ей шепчут: "Дуня, примечай!" Потом приносят и гитару: И запищит она (бог мой!): Приди в чертог ко мне златой!.. {12}</p>	<p>He'd call-and right away discussion Would touch obliquely on the point That bachelors' lives were out of joint; And then the guest would be invited To take some tea while Dunya poured; They whisper: 'Dunya, don't look bored!'- Then bring in her guitar, excited... And then, good God, she starts to bawl: 'Come to my golden chamberhall!'</p>
<p>XIII</p>	<p>13</p>
<p>Но Ленский, не имев, конечно, Охоты узы брака несть, С Онегиным желал сердечно Знакомство покороче свесть. Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой. Сперва взаимной разнотой Они друг другу были скучны; Потом понравились; потом Съезжались каждый день верхом И скоро стали неразлучны. Так люди (первый каюсь я) От делать нечего друзья.</p>	<p>But Lensky, having no desire For marriage bonds or wedding bell, Had cordial hopes that he'd acquire The chance to know Onegin well. And so they met-like wave with mountain, Like verse with prose, like flame with fountain: Their natures distant and apart. At first their differences of heart Made meetings dull at one another's; But then their friendship grew, and soon They'd meet on horse each afternoon, And in the end were close as brothers. Thus people-so it seems to me- Become good friends from sheer ennui.</p>
<p>XIV</p>	<p>14</p>
<p>Но дружбы нет и той меж нами. Все предрассудки истребя, Мы почитаем всех нулями, А единицами - себя. Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей миллионы Для нас орудие одно; Нам чувство дико и смешно. Сноснее многих был Евгений; Хоть он людей, конечно, знал И вообще их презирал, - Но (правил нет без исключений) Иных он очень отличал И вчуже чувство уважал.</p>	<p>But even friendships like our heroes' Exist no more: for we've outgrown All sentiments and deem men zeros- Except of course ourselves alone. We all take on Napoleon's features, And millions of our fellow creatures Are nothing more to us than tools... Since feelings are for freaks and fools. Eugene, of course, had keen perceptions And on the whole despised mankind, Yet wasn't, like so many, blind; And since each rule permits exceptions, He did respect a noble few, And, cold himself, gave warmth its due.</p>
<p>XV</p>	<p>15</p>
<p>Он слушал Ленского с улыбкой. Поэта пылкий разговор, И ум, еще в сужденьях зыбкой, И вечно вдохновенный взор, - Онегину все было ново; Он охладительное слово В устах старался удержать И думал: глупо мне мешать Его минутному блаженству; И без меня пора придет; Пускай покамест он живет Да верит мира совершенству; Простим горячке юных лет И юный жар и юный бред.</p>	<p>He smiled at Lensky's conversation. Indeed the poet's fervent speech, His gaze of constant inspiration, His mind, still vacillant in reach- All these were new and unexpected, And so, for once, Eugene elected To keep his wicked tongue in check, And thought: What foolishness to wreck The young man's blissful, brief infection; Its time will pass without my knife, So let him meanwhile live his life Believing in the world's perfection; Let's grant to fevered youthful days Their youthful ravings and their blaze.</p>
<p>XVI</p>	<p>16</p>
<p>Меж ими все рождало споры И к размышлению влекло: Племен минувших договоры, Плоды наук, добро и зло, И предрассудки вековые, И гроба тайны роковые, Судьба и жизнь в свою черду, Все подвергалось их суду. Поэт в жару своих суждений Читал, забывшись, между тем Отрывки северных поэм, И снисходительный Евгений, Хоть их не много понимал, Прилежно юноше внимал.</p>	<p>The two found everything a basis For argument or food for thought: The covenants of bygone races, The fruits that learned science brought, The prejudice that haunts all history, The grave's eternal, fateful mystery, And Good and Evil, Life and Fate- On each in turn they'd ruminate. The poet, lost in hot contention, Would oft recite, his eyes ablaze, Brief passages from Nordic lays; Eugene, with friendly condescension, Would listen with a look intense, Although he seldom saw their sense.</p>

<p>XVII</p> <p>Но чаще занимали страсти Умы пустынных моих. Ушед от их мятежной власти, Онегин говорил об них С невольным вздохом сожаленья: Блажен, кто ведал их волненья И наконец от них отстал; Блаженней тот, кто их не знал, Кто охлаждал любовь - разлукой, Вражду - злословием; порой Зевал с друзьями и с женой, Ревнивой не тревожась мукой, И дедов верный капитал Коварной двойке не верял.</p>	<p>17</p> <p>More often, though, my two recluses Would muse on passions* and their flights. Eugene, who'd fled their wild abuses, Regretted still his past delights And sighed, recalling their interment. Oh, happy he who's known the ferment Of passions and escaped their lot; More happy he who knew them not, Who cooled off love with separation And enmity with harsh contempt; Who yawned with wife and friends, exempt From pangs of jealous agitation; Who never risked his sound estate Upon a deuce, that cunning bait.</p>
<p>XVIII</p> <p>Когда прибегнем мы под знамя Благоразумной тишины, Когда страстей угаснет пламя, И нам становятся смешны Их своеволие иль порывы И запоздалые отзывы, - Смиранные не без труда, Мы любим слушать иногда Страстей чужих язык мятежный, И нам он сердце шевелит. Так точно старый инвалид Охотно клонит слух прилежный Рассказам юных усачей, Забытый в хижине своей.</p>	<p>18</p> <p>When we at last turn into sages And flock to tranquil wisdom's crest; When passion's flame no longer rages, And all the yearnings in our breast, The wayward fits, the final surges, Have all become mere comic urges, And pain has made us humble men- We sometimes like to listen then As others tell of passions swelling; They stir our hearts and fan the flame. Just so a soldier, old and lame, Forgotten in his wretched dwelling, Will strain to hear with bated breath The youngbloods' yarns of courting death.</p>
<p>XIX</p> <p>Зато и пламенная младость Не может ничего скрывать. Вражду, любовь, печаль и радость Она готова разболтать. В любви считаясь инвалидом, Онегин слушал с важным видом, Как, сердца исповедь любя, Поэт высказывал себя; Свою доверчивую совесть Он простодушно обнажал. Евгений без труда узнал Его любви младую повесть, Обильный чувствами рассказ, Давно не новыми для нас.</p>	<p>19</p> <p>But flaming youth in all its madness Keeps nothing of its heart concealed: Its loves and hates, its joy and sadness, Are babbled out and soon revealed. Onegin, who was widely taken As one whom love had left forsaken, Would listen gravely to the end When self-expression gripped his friend; The poet, feasting on confession, Naively poured his secrets out; And so Eugene learned all about The course of youthful love's progression- A story rich in feelings too, Although to us they're hardly new.</p>
<p>XX</p> <p>Ах, он любил, как в наши лета Уже не любят; как одна Безумная душа поэта Еще любить осуждена: Всегда, везде одно мечтанье, Одно привычное желанье, Одна привычная печаль. Ни охлаждающая даль, Ни долгие лета разлуки, Ни музам данные часы, Ни чужеземные красоты, Ни шум веселий, ни науки Души не изменили в нем, Согретой девственным огнем.</p>	<p>20</p> <p>Ah yes, he loved in such a fashion As men today no longer do; As only poets, mad with passion, Still love... because they're fated to. He knew one constant source of dreaming, One constant wish forever gleaming, One ever-present cause for pain! And neither distance, nor the chain Of endless years of separation, Nor pleasure's rounds, nor learning's well, Nor foreign beauties' magic spell, Nor yet the Muse, his true vocation, Could alter Lensky's deep desire, His soul aflame with virgin fire.</p>
<p>XXI</p> <p>Чуть отрок, Ольгою плененный, Сердечных мук еще не зная, Он был свидетель умиленный Ее младенческих забав;</p>	<p>21</p> <p>When scarce a boy and not yet knowing The torment of a heart in flames, He'd been entranced by Olga growing And fondly watched her girlhood games;</p>

<p>В тени хранительной дубравы Он разделял ее забавы, И детям прочили венцы Друзья-соседы, их отцы. В глуши, под сению смиренной, Невинной прелести полна, В глазах родителей, она Цвела, как ландыш потаенный, Незнаемый в траве глухой Ни мотыльками, ни пчелой.</p>	<p>Beneath a shady park's protection He'd shared her frolics with affection. Their fathers, who were friends, had plans To read one day their marriage banns. And deep within her rustic bower, Beneath her parents' loving gaze, She blossomed in a maiden's ways- A valley-lily come to flower Off where the grass grows dense and high, Unseen by bee or butterfly.</p>
<p>XXII</p>	<p>22</p>
<p>Она поэту подарила Младых восторгов первый сон, И мысль об ней одушевила Его цевницы первый стон. Простите, игры золотые! Он рощи полюбил густые, Уединенье, тишину, И ночь, и звезды, и луну, Луну, небесную лампаду, Которой посвящали мы Прогулки средь вечерней тьмы, И слезы, тайных мук отраду... Но нынче видим только в ней Замену тусклых фонарей.</p>	<p>She gave the poet intimations Of youthful ecstasies unknown, And, filling all his meditations, Drew forth his flute's first ardent moan. Farewell, ? golden games' illusion! He fell in love with dark seclusion, With stillness, stars, the lonely night, And with the moon's celestial light- That lamp to which we've consecrated A thousand walks in evening's calm And countless tears- the gentle balm Of secret torments unabated... Today, though, all we see in her Is just another lantern's blur.</p>
<p>XXIII</p>	<p>23</p>
<p>Всегда скромна, всегда послушна, Всегда как утро весела, Как жизнь поэта простодушна, Как поцелуй любви мила; Глаза, как небо, голубые, Улыбка, локоны льняные, Движенья, голос, легкий стан, Все в Ольге... но любой роман Возьмите и найдете верно Ее портрет: он очень мил, Я прежде сам его любил, Но надоел он мне безмерно. Позвольте мне, читатель мой, Заняться старшею сестрой.</p>	<p>Forever modest, meek in bearing, As gay as morning's rosy dress, Like any poet-open, caring, As sweet as love's own soft caress; Her sky-blue eyes, devoid of guile, Her flaxen curls, her lovely smile, Her voice, her form, her graceful stance, Oh, Olga's every trait... But glance In any novel-you'll discover Her portrait there; it's charming, true; I liked it once no less than you, But round it boredom seems to hover; And so, dear reader, grant me pause To plead her elder sister's cause.</p>
<p>XXIV</p>	<p>24</p>
<p>Ее сестра звалась Татьяна... {13} Впервые именем таким Страницы нежные романа Мы своевольно освятим. И что ж? оно приятно, звучно; Но с ним, я знаю, неразлучно Воспоминанье старины Иль девичьей! Мы все должны Признаться: вкусу очень мало У нас и в наших именах (Не говорим уж о стихах); Нам просвещение не пристало, И нам досталось от него Жеманство, - больше ничего.</p>	<p>Her sister bore the name Tatyana. And we now press our wilful claim To be the first who thus shall honour A tender novel with that name.* Why not? I like its intonation; It has, I know, association With olden days beyond recall, With humble roots and servants' hall; But we must grant, though it offend us: Our taste in names is less than weak (Of verses I won't even speak); Enlightenment has failed to mend us, And all we've learned from its great store Is affectation-nothing more.</p>
<p>XXV</p>	<p>25</p>
<p>Итак, она звалась Татьяной. Ни красотой сестры своей, Ни свежестью ее румяной Не привлекла б она очей. Дика, печальна, молчалива, Как лань лесная боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой. Она ласкаться не умела К отцу, ни к матери своей; Дитя сама, в толпе детей Играть и прыгать не хотела И часто целый день одна Сидела молча у окна.</p>	<p>So she was called Tatyana, reader. She lacked that fresh and rosy tone That made her sister's beauty sweeter And drew all eyes to her alone. A wild creature, sad and pensive, Shy as a doe and apprehensive, Tatyana seemed among her kin A stranger who had wandered in. She never learned to show affection, To hug her parents-either one; A child herself, for children's fun She lacked the slightest predilection, And oftentimes she'd sit all day In silence at the window bay.</p>

XXVI

Задумчивость, ее подруга
От самых колыбельных дней,
Течение сельского досуга
Мечтами украшала ей.
Ее изнеженные пальцы
Не знали игл; склонясь на пальцы,
Узором шелковым она
Не оживляла полотна.
Охоты властвовать примета,
С послушной куклою дитя
Приготовляется шутя
К приличию - закону света,
И важно повторяет ей
Уроки маменьки своей.

XXVII

Но куклы даже в эти годы
Татьяна в руки не брала;
Про вести города, про моды
Беседы с нею не вела.
И были детские проказы
Ей чужды: страшные рассказы
Зимой в темноте ночей
Пленяли больше сердце ей.
Когда же няня собирала
Для Ольги на широкий луг
Всех маленьких ее подруг,
Она в горелки не играла,
Ей скучен был и звонкий смех,
И шум их ветреных утех.

XXVIII

Она любила на балконе
Предупреждать зари восход,
Когда на бледном небосклоне
Звезд исчезает хоровод,
И тихо край земли светлеет,
И, вестник утра, ветер веет,
И всходит постепенно день.
Зимой, когда ночная тень
Полмиром доле обладает,
И доле в праздной тишине,
При отуманенной луне,
Восток ленивый почивает,
В привычный час пробуждена
Вставала при свечах она.

XXIX

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.
Отец ее был добрый малый,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда:
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.
Жена ж его была сама
От Ричардсона без ума.

26

But pensiveness, her friend and treasure
Through all her years since cradle days,
Adorned the course of rural
leisure By bringing dreams before her gaze. She never
touched a fragile finger To thread a needle, wouldn't
linger Above a tambour to enrich A linen cloth with
silken stitch. Mark how the world compels submission:
The little girl with docile doll Prepares in play for
protocol, For every social admonition; And to her doll,
without demur, Repeats what mama taught to her.

27

But dolls were never Tanya's passion,
When she was small she didn't choose
To talk to them of clothes or fashion
Or tell them all the city news.
And she was not the sort who glories
In girlish pranks; but grisly stories
Quite charmed her heart when they were told
On winter nights all dark and cold.
Whenever nanny brought together
Young Olga's friends to spend the day,
Tatyana never joined their play
Or games of tag upon the heather;
For she was bored by all their noise,
Their laughing shouts and giddy joys.

28

Upon her balcony appearing,
She loved to greet Aurora's show,
When dancing stars are disappearing
Against the heavens' pallid glow,
When earth's horizon softly blushes,
And wind, the morning's herald, rushes,
And slowly day begins its flight.
In winter, when the shade of night
Still longer half the globe encumbers,
And 'neath the misty moon on high
An idle stillness rules the sky,
And late the lazy East still slumbers-
Awakened early none the less,
By candlelight she'd rise and dress.

29

From early youth she read romances, And novels set
her heart aglow; She loved the fictions and the fancies
Of Richardson and of Rousseau. Her father was a kindly
fellow- Lost in a past he found more mellow; But still,
in books he saw no harm, And, though immune to
reading's charm, Deemed it a minor peccadillo; Nor did
he care what secret tome His daughter read or kept at
home Asleep till morn beneath her pillow; His wife
herself, we ought to add, For Richardson was simply
mad.

<p>XXX</p> <p>Она любила Ричардсона Не потому, чтобы прочла, Не потому, чтоб Грандисона Она Ловласу предпочла; {14} Но в старину княжна Алина, Ее московская кузина, Твердила часто ей об них. В то время был еще жених Ее супруг, но по неволе; Она вздыхала по другом, Который сердцем и умом Ей нравился гораздо боле: Сей Грандисон был славный фронт, Игрок и гвардии сержант.</p>	<p>30</p> <p>It wasn't that she'd read him, really, Nor was it that she much preferred To Lovelace Grandison, but merely That long ago she'd often heard Her Moscow cousin, Princess Laura, Go on about their special aura. Her husband at the time was still Her fiance-against her will! For she, in spite of family feeling, Had someone else for whom she pined- A man whose heart and soul and mind She found a great deal more appealing; This Grandison was fashion's pet, A gambler and a guards cadet.</p>
<p>XXXI</p> <p>Как он, она была одета Всегда по моде и к лицу; Но, не спросясь ее совета, Девушку повезли к венцу. И, чтоб ее рассеять горе, Разумный муж уехал вскоре В свою деревню, где она, Бог знает кем окружена, Рвалась и плакала сначала, С супругом чуть не развелась; Потом хозяйством занялась, Привыкла и довольна стала. Привычка свыше нам дана: Замена счастью она {15}.</p>	<p>31</p> <p>About her clothes one couldn't fault her; Like him, she dressed as taste decreed. But then they led her to the altar And never asked if she agreed. The clever husband chose correctly To take his grieving bride directly To his estate, where first she cried (With God knows whom on every side), Then tossed about and seemed demented; And almost even left her spouse; But then she took to keeping house And settled down and grew contented. Thus heaven's gift to us is this: That habit takes the place of bliss.</p>
<p>XXXII</p> <p>Привычка усладила горе, Не отразимое ничем; Открытие большое вскоре Ее утешило совсем: Она меж делом и досугом Открыла тайну, как супругом Самодержавно управлять, И все тогда пошло на статью. Она езжала по работам, Солила на зиму грибы, Вела расходы, брила лбы, Ходила в баню по субботам, Служанок била осердясь - Все это мужа не спросясь.</p>	<p>32</p> <p>'Twas only habit then that taught her The way to master rampant grief; And soon a great discovery brought her A final and complete relief. Betwixt her chores and idle hours She learned to use her woman's powers To rule the house as autocrat, And life went smoothly after that. She'd drive around to check the workers, She pickled mushrooms for the fall, She made her weekly bathhouse call, She kept the books, she shaved the shirkers,* She beat the maids when she was cross- And left her husband at a loss.</p>
<p>XXXIII</p> <p>Бывало, писывала кровью Она в альбомы нежных дев, Звала Полиною Прасковью И говорила нараспев, Корсет носила очень узкий, И русский Н как N французский Произносить умела в нос; Но скоро все перевелось: Корсет, альбом, княжну Алину, Стишков чувствительных тетрадь Она забыла: стала звать Акулькой прежнюю Селину И обновила наконец На вате шлафор и чепец.</p>	<p>33</p> <p>She used to write, with blood, quotations In maidens' albums, thought it keen To speak in singsong intonations, Would call Praskovya 'chere Pauline'. She laced her corset very tightly, Pronounced a Russian n as slightly As n in French... and through the nose; But soon she dropped her city pose: The corset, albums, chic relations, The sentimental verses too, Were quite forgot; she bid adieu To all her foreign affectations, And took at last to coming down In just her cap and quilted gown.</p>
<p>XXXIV</p> <p>Но муж любил ее сердечно, В ее затеи не входил, Во всем ей веровал беспечно, А сам в халате ел и пил; Покойно жизнь его катилась; Под вечер иногда сходилась Соседей добрая семья,</p>	<p>34</p> <p>And yet her husband loved her dearly; In all her schemes he'd never probe; He trusted all she did sincerely And ate and drank in just his robe. His life flowed on-quite calm and pleasant- With kindly neighbours sometimes present For hearty talk at evenfall,</p>

Нецеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чем.
Проходит время; между тем
Прикажут Ольге чай готовить,
Там ужин, там и спать пора,
И гости едут со двора.

XXXV

Они хранили в жизни мирной
Привычки милой старины;
У них на масленице жирной
Водились русские блины;
Два раза в год они говели;
Любили круглые качели,
Подблюдны песни, хоровод;
В день Троицын, когда народ,
Зевая, слушает молебен,
Умильно на пучок зари
Они роняли слезки три;
Им квас как воздух был потребен,
И за столом у них гостям
Носили блюда по чинам.

XXXVI

И так они старели оба.
И отворились наконец
Перед супругом двери гроба,
И новый он приял венец.
Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней, чем иной.
Он был простой и добрый барин,
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

XXXVII

Своим пенатам возвращенный,
Владимир Ленский посетил
Соседа памятник смиренный,
И вздох он пеплу посвятил;
И долго сердцу грустно было.
"Poor Yorick! {16} - молвил он уныло. -
Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!
Он Ольгу прочил за меня,
Он говорил: дождусь ли дня?..
И, полный искренней печалью,
Владимир тут же начертал
Ему надгробный мадригал.

XXXVIII

И там же надписью печальной
Отца и матери, в слезах,
Почтил он прах патриархальный...
Увы! на жизненных браздах
Мгновенной жатвой поколенья,
По тайной воле провиденья,
Восходят, зреют и падут;
Другие им вослед идут...
Так наше ветреное племя
Растет, волнуется, кипит
И к гробу прадедов теснит.
Придет, придет и наше время,
И наши внуки в добрый час
Из мира вытеснят и нас!

Just casual friends who'd often call
To shake their heads, to prate and prattle,
To laugh a bit at something new;
And time would pass, till Olga'd brew
Some tea to whet their tittle-tattle;
Then supper came, then time for bed,
And off the guests would drive, well fed.

35

Amid this peaceful life they cherished, They held all
ancient customs dear; At Shrovetide feasts their table
flourished With Russian pancakes, Russian cheer; Twice
yearly too they did their fasting; Were fond of songs for
fortune-casting, Of choral dances, garden swings. At
Trinity, when service brings The people, yawning, in for
prayer, They'd shed a tender tear or two Upon their
buttercups of rue. They needed kvas no less than air,
And at their table guests were served By rank in turn as
each deserved.*

36

And thus they aged, as do all mortals.
Until at last the husband found
That death had opened wide its portals,
Through which he entered, newly crowned.
He died at midday's break from labour,
Lamented much by friend and neighbour,
By children and by faithful wife-
Far more than some who part this life.
He was a kind and simple barin,
And there where now his ashes lie
A tombstone tells the passer-by:
The humble sinner Dmitry Larin
A slave of God and Brigadier
Beneath this stone now resteth here.

37

Restored to home and its safekeeping, Young Lensky
came to cast an eye Upon his neighbour's place of
sleeping, And mourned his ashes with a sigh. And long
he stood in sorrow aching; 'Poor Yorick!' then he
murmured, shaking, 'How oft within his arms I lay, How
oft in childhood days I'd play With his Ochakov
decoration!*' He destined Olga for my wife And used to
say: "Oh grant me, life, To see the day!" '... In
lamentation, Right then and there Vladimir penned A
funeral verse for his old friend.

38

And then with verse of quickened sadness
He honoured too, in tears and pain,
His parents' dust... their memory's gladness...
Alas! Upon life's furrowed plain-
A harvest brief, each generation,
By fate's mysterious dispensation,
Arises, ripens, and must fall;
Then others too must heed the call.
For thus our giddy race gains power:
It waxes, stirs, turns seething wave,
Then crowds its forebears toward the grave.
And we as well shall face that hour
When one fine day our grandsons true
Straight out of life will crowd us too!

<p>XXXIX</p> <p>Покамест упивайтесь ею, Сей легкой жизнью, друзья! Ее ничтожность разумею И мало к ней привязан я; Для призраков закрыл я вежды; Но отдаленные надежды Тревожат сердце иногда: Без неприметного следа Мне было б грустно мир оставить. Живу, пишу не для похвал; Но я бы, кажется, желал Печальный жребий свой прославить, Чтоб обо мне, как верный друг, Напомнил хоть единый звук.</p>	<p>39</p> <p>So meanwhile, friends, enjoy your blessing: This fragile life that hurries so! Its worthlessness needs no professing, And I'm not loathe to let it go; I've closed my eyes to phantoms gleaming, Yet distant hopes within me dreaming Still stir my heart at times to flight: I'd grieve to quit this world's dim light And leave no trace, however slender. I live, I write-not seeking fame; And yet, I think, I'd wish to claim For my sad lot its share of splendour- At least one note to linger long, Recalling, like some friend, my song.</p>
<p>XL</p> <p>И чье-нибудь он сердце тронет; И, сохраненная судьбой, Быть может, в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной; Быть может (лестная надежда!), Укажет будущий невежда На мой прославленный портрет И молвит: то-то был поэт! Прими ж мои благодаренья, Поклонник мирных аонид, О ты, чья память сохранит Мои летучие творенья, Чья благосклонная рука Потреплет лавры старика!</p>	<p>40</p> <p>And it may touch some heart with fire; And thus preserved by fate's decree, The stanza fashioned by my lyre May yet not drown in Lethe's sea; Perhaps (a flattering hope's illusion!) Some future dunce with warm effusion Will point my portrait out and plead: 'This was a poet, yes indeed!' Accept my thanks and admiration, You lover of the Muse's art, ? you whose mind shall know by heart The fleeting works of my creation, Whose cordial hand shall then be led To pat the old man's laurelled head!</p>
<p>ГЛАВА ТРЕТЬЯ</p> <p>Elle etait fille, elle etait amoureuse. Malfilatre.</p>	<p>Chapter 3</p> <p>Elle etait fille, elle etait amoureuse.* Malfilatre</p>
<p>I</p> <p>"Куда? Уж эти мне поэты!" - Прощай, Онегин, мне пора. "Я не держу тебя; но где ты Свои проводишь вечера?" - У Лариных. - "Вот это чудно. Помилуй! и тебе не трудно Там каждый вечер убивать?" - Нимало. - "Не могу понять. Отселе вижу, что такое: Во-первых (слушай, прав ли я?), Простая, русская семья, К гостям усердие большое, Варенье, вечный разговор Про дождь, про лен, про скотный двор..."</p>	<p>1</p> <p>'Ah me, these poets... such a hurry!' 'Goodbye, Onegin... time I went.' 'Well, I won't keep you, have no worry, But where are all your evenings spent?' 'The Larin place.'- 'What reckless daring! Good God, man, don't you find it wearing Just killing time that way each night?' 'Why not at all.'-'Well, serves you right; I've got the scene in mind so clearly: For starters (tell me if I'm wrong), A simple Russian family throng; The guests all treated so sincerely; With lots of jam and talk to spare. On rain and flax and cattle care...'</p>
<p>II</p> <p>- Я тут еще беды не вижу. "Да скука, вот беда, мой друг". - Я модный свет ваш ненавижу; Милее мне домашний круг, Где я могу... - "Опять эклога! Да полно, милый, ради бога. Ну что ж? ты едешь: очень жаль. Ах, слушай, Ленский; да нельзя ль Увидеть мне Филлиду эту, Предмет и мыслей, и пера, И слез, и рифм et cetera?.. Представь меня". - Ты шутишь. - "Нету". - Я рад. - "Когда же?" - Хоть сейчас. Они с охотой примут нас.</p>	<p>2</p> <p>'Well, where's the harm... the evening passes.' 'The boredom, brother, there's the harm.' 'Well, I despise your upper classes And like the family circle's charm; It's where I find...'-More pastoral singing! Enough, old boy, my ears are ringing! And so you're off... forgive me then. But tell me Lensky, how and when I'll see this Phyllis so provoking- Who haunts your thoughts and writer's quill, Your tears and rhymes and what-you-will? Present me, do.'-'You must be joking! 'I'm not.'-'Well then, why not tonight? They'll welcome us with great delight.'</p>
<p>III</p>	

<p>Поедем. - Поскакали други, Явились; им расточены Порой тяжелые услуги Гостеприимной старины. Обряд известный угощенья: Несут на блюдечках варенья, На столик ставят воцаной Кувшин с брусничною водой. </p>	<p>3 'Let's go.' And so the friends departed- And on arrival duly meet That sometimes heavy, but good-hearted, Old-fashioned Russian welcome treat. The social ritual never changes: The hostess artfully arranges On little dishes her preserves, And on her covered table serves A drink of lingonberry flavour. With folded arms, along the hall, The maids have gathered, one and all, To glimpse the Larins' brand new neighbour; While in the yard their men reproach Onegin's taste in horse and coach.*</p>
<p>IV</p> <p>Они дорогой самой краткой Домой летят во весь опор (17). Теперь подслушаем украдкой Героев наших разговор: - Ну что ж, Онегин? ты зеваешь. - "Привычка, Ленский". - Но скучаешь Ты как-то больше. - "Нет, равно. Однако в поле уж темно; Скорей! пошел, пошел, Андрюшка! Какие глупые места! А кстати: Ларина проста, Но очень милая старушка; Боюсь: брусничная вода Мне не наделала б вреда.</p>	<p>4</p> <p>Now home's our heroes' destination, As down the shortest road they fly; Let's listen to their conversation And use a furtive ear to spy. 'Why all these yawns, Onegin? Really!' 'Mere habit, Lensky.'-'But you're clearly More bored than usual.'-'No, the same. The fields are dark now, what a shame. Come on, Andryushka, faster, matey! These stupid woods and fields and streams! Oh, by the way, Dame Larin seems A simple but a nice old lady; I fear that lingonberry brew May do me in before it's through.'</p>
<p>V</p> <p>Скажи: которая Татьяна?" - Да та, которая, грустна И молчалива, как Светлана, Вошла и села у окна. - "Неужто ты влюблен в меньшую?" - А что? - "Я выбрал бы другую, Когда б я был, как ты, поэт. В чертах у Ольги жизни нет. Точь-в-точь в Вандиковой Мадоне: Кругла, красна лицом она, Как эта глупая луна На этом глупом небосклоне". Владимир сухо отвечал И после во весь путь молчал.</p>	<p>5</p> <p>'But tell me, which one was Tatyana?' 'Why, she who with a wistful air- All sad and silent like Svetlana'- Came in and took the window chair.' 'And really you prefer the other?' 'Why not?'-'Were I the poet, brother, I'd choose the elder one instead- Your Olga's look is cold and dead, As in some dull, Van Dyck madonna; So round and fair of face is she, She's like that stupid moon you see, Up in that stupid sky you honour.' Vladimir gave a curt reply And let the conversation die.</p>
<p>VI</p> <p>Меж тем Онегина явленье У Лариных произвело На всех большое впечатленье И всех соседей развлекло. Пошла догадка за догадкой. Все стали толковать украдкой, Шутить, судить не без греха, Татьяне прочить жениха; Иные даже утверждали, Что свадьба слажена совсем, Но остановлена затем, Что модных колец не достали. О свадьбе Ленского давно У них уж было решено.</p>	<p>6</p> <p>Meanwhile... Onegin's presentation At Madame Larin's country seat Produced at large a great sensation And gave the neighbours quite a treat. They all began to gossip slyly, To joke and comment (rather wryly); And soon the general verdict ran, That Tanya'd finally found a man; Some even knowingly conceded That wedding plans had long been set, And then postponed till they could get The stylish rings the couple needed. As far as Lensky's wedding stood, They knew they'd settled that for good.</p>
<p>VII</p> <p>Татьяна слушала с досадой Такие сплетни; но тайком С неизъяснимою отрадой Невольню думала о том;</p>	<p>7</p> <p>Tatyana listened with vexation To all this gossip; but it's true That with a secret exultation, Despite herself she wondered too;</p>

И в сердце дума заронилась;
 Пора пришла, она влюбилась.
 Так в землю падшее зерно
 Весны огнем оживлено.
 Давно ее воображенье,
 Сгорая негой и тоской,
 Алкало пищи роковой;
 Давно сердечное томленье
 Теснило ей младую грудь;
 Душа ждала... кого-нибудь,

VIII

И дождалась... Открылись очи;
 Она сказала: это он!
 Увы! теперь и дни и ночи,
 И жаркий одинокий сон,
 Все полно им; все деве милой
 Без умолку волшебной силой
 Твердит о нем. Докучны ей
 И звуки ласковых речей,
 И взор заботливой прислуги.
 В уныние погружена,
 Гостей не слушает она
 И проклиная их досуги,
 Их неожиданный приезд
 И продолжительный присест.

IX

Теперь с каким она вниманьем
 Читает сладостный роман,
 С каким живым очарованьем
 Пьет обольстительный обман!
 Счастливой силою мечтанья
 Одушевленные созданья,
 Любовник Юлии Вольмар,
 Малек-Адель и де Линар,
 И Вертер, мученик мятежный,
 И бесподобный Грандисон {18},
 Который нам наводит сон, -
 Все для мечтательницы нежной
 В единый образ облеклись,
 В одном Онегине слились.

X

Воображаясь героиней?
 Своих возлюбленных творцов,
 Кларисой, Юлией, Дельфиной,
 Татьяна в тишине лесов
 Одна с опасной книгой бродит,
 Она в ней ищет и находит
 Свой тайный жар, свои мечты,
 Плоды сердечной полноты,
 Вздыхает и, себе присвоив
 Чужой восторг, чужую грусть,
 В забвенье шепчет наизусть
 Письмо для милого героя...
 Но наш герой, кто б ни был он,
 Уж верно был не Грандисон.

XI

Свой слог на важный лад настроя,
 Бывало, пламенный творец
 Являл нам своего героя
 Как совершенства образец.
 Он одарял предмет любимый,
 Всегда несправедно гонимый,
 Душой чувствительной, умом
 И привлекательным лицом.
 Питая жар чистейшей страсти,
 Всегда восторженный герой
 Готов был жертвовать собой,
 И при конце последней части
 Всегда наказан был порок,
 Добру достойный был венок.

And in her heart the thought was planted...
 Until at last her fate was granted:
 She fell in love. For thus indeed
 Does spring awake the buried seed.
 Long since her keen imagination,
 With tenderness and pain imbued,
 Had hungered for the fatal food;
 Long since her heart's sweet agitation
 Had choked her maiden breast too much:
 Her soul awaited... someone's touch.

8

And now at last the wait has ended; Her eyes have
 opened... seen his face! And now, alas!... she lives
 attended- All day, all night, in sleep's embrace- By
 dreams of him; each passing hour The world itself with
 magic power But speaks of him. She cannot bear The
 way the watchful servants stare, Or stand the sound of
 friendly chatter. Immersed in gloom beyond recall, She
 pays no heed to guests at all, And damns their idle ways
 and patter, Their tendency to just drop in- And talk all
 day once they begin.

9

And now with what great concentration
 To tender novels she retreats,
 With what a vivid fascination
 Takes in their ravishing deceits!
 Those figures fancy has created
 Her happy dreams have animated:
 The lover of Julie Wolmar,*
 Malek-Adhel* and de Linar,*
 And Werther, that rebellious martyr,
 And Grandison, the noble lord
 (With whom today we're rather bored)-
 All these our dreamy maiden's ardour
 Has pictured with a single grace,
 And seen in all... Onegin's face.

10

And then her warm imagination
 Perceives herself as heroine -
 Some favourite author's fond creation:
 Clarissa,* Julia,* or Delphine.*
 She wanders with her borrowed lovers
 Through silent woods and so discovers
 Within a book her heart's extremes,
 Her secret passions, and her dreams.
 She sighs... and in her soul possessing
 Another's joy, another's pain,
 She whispers in a soft refrain
 The letter she would send caressing
 Her hero... who was none the less
 No Grandison in Russian dress.

11

Time was, with grave and measured diction,
 A fervent author used to show
 The hero in his work of fiction
 Endowed with bright perfection's glow.
 He'd furnish his beloved child-
 Forever hounded and reviled-
 With tender soul and manly grace,
 Intelligence and handsome face.
 And nursing noble passion's rages,
 The ever dauntless hero stood
 Prepared to die for love of good;
 And in the novel's final pages,
 Deceitful vice was made to pay
 And honest virtue won the day.

XII

А нынче все умы в тумане,
 Мораль на нас наводит сон,
 Порок любезен - и в романе,
 И там уж торжествует он.
 Британской музы небылицы
 Тревожат сон отроковицы,
 И стал теперь ее кумир
 Или задумчивый Вампир,
 Или Мельмот, бродяга мрачный,
 Иль Вечный жид, или Корсар,
 Или таинственный Сбогар {19}.
 Лорд Байрон прихотью удачной
 Облек в унылый романтизм
 И безнадежный эгоизм.

XIII

Друзья мои, что ж толку в этом?
 Быть может, волею небес,
 Я перестану быть поэтом,
 В меня вселится новый бес,
 И, Фебобы презрев угрозы,
 Унижусь до смиренной прозы;
 Тогда роман на старый лад
 Займет веселый мой закат.
 Не муки тайные злодейства
 Я грозно в нем изображу,
 Но просто вам перескажу
 Преданья русского семейства,
 Любви пленительные сны
 Да нравы нашей старины.

XIV

Перескажу простые речи
 Отца или дяди-старика,
 Детей условленные встречи
 У старых лип, у ручейка;
 Несчастной ревности мученья,
 Разлуку, слезы примиренья,
 Поссору вновь, и наконец
 Я поведу их под венец...
 Я вспомню речи неги страстной,
 Слова тоскующей любви,
 Которые в минувши дни
 У ног любовницы прекрасной
 Мне приходили на язык,
 От коих я теперь отвык.

XV

Татьяна, милая Татьяна!
 С тобой теперь я слезы лью;
 Ты в руки модного тирана
 Уж отдала судьбу свою.
 Погибнешь, милая; но прежде
 Ты в ослепительной надежде
 Блаженство темное зовешь,
 Ты негу жизни узнаешь,
 Ты пьешь волшебный яд желаний,
 Тебя преследуют мечты:
 Везде воображаешь ты
 Приюты счастливых свиданий;
 Везде, везде перед тобой
 Твой искуситель роковой.

12

But now our minds have grown inactive,
 We're put to sleep by talk of 'sin';
 Our novels too make vice attractive,
 And even there it seems to win.
 It's now the British Muse's fables
 That lie on maidens' bedside tables
 And haunt their dreams. They worship now
 The Vampire with his pensive brow,
 Or gloomy Melmoth, lost and pleading,
 The Corsair, or the Wandering Jew,
 And enigmatic Sbogar* too.
 Lord Byron, his caprice succeeding,
 Cloaked even hopeless egotism
 In saturnine romanticism.

13

But what's the point? I'd like to know it.
 Perhaps, my friends, by fate's decree,
 I'll cease one day to be a poet -
 When some new demon seizes me;
 And scorning then Apollo's ire
 To humble prose I'll bend my lyre:
 A novel in the older vein
 Will claim what happy days remain.
 No secret crimes or passions gory
 Shall I in grim detail portray,
 But simply tell as best I may
 A Russian family's age-old story,
 A tale of lovers and their lot,
 Of ancient customs unforget.

14

I'll give a father's simple greetings, An aged uncle's-in
 my book; I'll show the children's secret meetings By
 ancient lindens near the brook, Their jealous torments,
 separation, Their tears of reconciliation; I'll make them
 quarrel yet again, But lead them to the altar then. I'll
 think up speeches tenderhearted, Recall the words of
 passion's heat, Those words with which-before the feet
 Of some fair mistress long departed- My heart and
 tongue once used to soar, But which today I use no
 more.

15

Tatyana, O my dear Tatyana!
 I shed with you sweet tears too late;
 Relying on a tyrant's honour,
 You've now resigned to him your fate.
 My dear one, you are doomed to perish;
 But first in dazzling hope you nourish
 And summon forth a sombre bliss,
 You learn life's sweetness... feel its kiss,
 And drink the draught of love's temptations,
 As phantom daydreams haunt your mind:
 On every side you seem to find
 Retreats for happy assignations;
 While everywhere before your eyes
 Your fateful tempter's figure lies.

<p>XVI</p> <p>Тоска любви Татьяну гонит, И в сад идет она грустить, И вдруг недвижны очи клонит, И лень ей далее ступить. Приподнялася грудь, ланиты Мгновенным пламенем покрыты, Дыханье замерло в устах, И в слухе шум, и блеск в очах... Настанет ночь; луна обходит Дозором дальный свод небес, И соловей во мгле древес Напевы звучные заводит. Татьяна в темноте не спит И тихо с няней говорит:</p>	<p>16</p> <p>The ache of love pursues Tatyana; She takes a garden path and sighs, A sudden faintness comes upon her, She can't go on, she shuts her eyes; Her bosom heaves, her cheeks are burning, Scarce-breathing lips grow still with yearning, Her ears resound with ringing cries, And sparkles dance before her eyes. Night falls; the moon begins parading The distant vault of heaven's hood; The nightingale in darkest wood Breaks out in mournful serenading. Tatyana tosses through the night And wakes her nurse to share her plight.</p>
<p>XVII</p> <p>"Не спится, няня: здесь так душно! Открой окно да сядь ко мне". - Что, Таня, что с тобой? - "Мне скучно, Поговорим о старине". - О чем же, Таня? Я, бывало, Хранила в памяти не мало Старинных былей, небылиц Про злых духов и про девиц; А нынче все мне темно, Таня: Что знала, то забыла. Да, Пришла худая черед! Зашибло... - "Расскажи мне, няня, Про ваши старые года: Была ты влюблена тогда?"</p>	<p>17</p> <p>'I couldn't sleep... ? nurse, it's stifling! Put up the window... sit by me.' 'What ails you, Tanya?-'Life's so trifling, Come tell me how it used to be.' 'Well, what about it? Lord, it's ages... I must have known a thousand pages Of ancient facts and fables too 'Bout evil ghosts and girls like you; But nowadays I'm not so canny, I can't remember much of late. Oh, Tanya, it's a sorry state; I get confused...' - 'But tell me, nanny, About the olden days... you know, Were you in love then, long ago?'</p>
<p>XVIII</p> <p>- И, полно, Таня! В эти лета Мы не слышали про любовь; А то бы согнала со света Меня покойница свекровь. - "Да как же ты венчалась, няня?" - Так, видно, бог велел. Мой Ваня Моложе был меня, мой свет, А было мне тринадцать лет. Недели две ходила сваха К моей родне, и наконец Благословил меня отец. Я горько плакала со страха, Мне с плачем косу расплели Да с пеньем в церковь повели.</p>	<p>18</p> <p>'Oh, come! Our world was quite another! We'd never heard of love, you see. Why, my good husband's sainted mother Would just have been the death of me!' 'Then how'd you come to marry, nanny?' 'The will of God, I guess... My Danny Was younger still than me, my dear, And I was just thirteen that year. The marriage maker kept on calling For two whole weeks to see my kin, Till father blessed me and gave in. I got so scared... my tears kept falling; And weeping, they undid my plait, Then sang me to the churchyard gate.</p>
<p>XIX</p> <p>И вот ввели в семью чужую... Да ты не слушаешь меня... - "Ах, няня, няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя: Я плакать, я рыдать готова!..." - Дитя мое, ты нездорова; Господь помилуй и спаси! Чего ты хочешь, попроси... Дай окроплю святой водою, Ты вся горишь... - "Я не больна: Я... знаешь, няня... влюблена". - Дитя мое, господь с тобою! - И няня девушку с мольбой Крестила дряхлою рукой.</p>	<p>19</p> <p>'And so they took me off to strangers... But you're not even listening, pet.' 'Oh, nanny, life's so full of dangers, I'm sick at heart and all upset, I'm on the verge of tears and wailing!' 'My goodness, girl, you must be ailing; Dear Lord have mercy. God, I plead! Just tell me, dearest, what you need. I'll sprinkle you with holy water, You're burning up!'-'Oh, do be still, I'm... you know, nurse... in love, not ill.' 'The Lord be with you now, my daughter!' And with her wrinkled hand the nurse Then crossed the girl and mumbled verse.</p>
<p>XX</p> <p>"Я влюблена", - шептала снова Старушке с горестью она. - Сердечный друг, ты нездорова. "Оставь меня: я влюблена".</p>	<p>20</p> <p>'Oh, I'm in love,' again she pleaded With her old friend. 'My little dove, You're just not well, you're overheated.' 'Oh, let me be now... I'm in love.</p>

<p>И между тем луна сияла И томным светом озаряла Татьяны бледные красы, И распушенные волосы, И капли слез, и на скамейке Пред героиней молодой, С платком на голове седой, Старушку в длинной телогрейке; И все дремало в тишине При вдохновительной луне.</p>	<p>' And all the while the moon was shining And with its murky light defining Tatyana's charms and pallid air, Her long, unloosened braids of hair, And drops of tears... while on a hassock, Beside the tender maiden's bed, A kerchief on her grizzled head, Sat nanny in her quilted cassock; And all the world in silence lay Beneath the moon's seductive ray.</p>
<p>XXI</p>	<p>21</p>
<p>И сердцем далеко носилась Татьяна, смотря на луну... Вдруг мысль в уме ее родилась... "Пооди, оставь меня одну. Дай, няня, мне перо, бумагу, Да стол подвинь; я скоро лягу; Прости". И вот она одна. Все тихо. Светит ей луна. Облокотясь, Татьяна пишет, И все Евгений на уме, И в необдуманном письме Любовь невинной девы дышит. Письмо готово, сложено... Татьяна! для кого ж оно?</p>	<p>Far off Tatyana ranged in dreaming, Bewitched by moonlight's magic curse... And then a sudden thought came gleaming: 'I'd be alone now... leave me, nurse. But give me first a pen and paper; I won't be long... just leave the taper. Good night.' She's now alone. All's still. The moonlight shines upon her sill. And propped upon an elbow, writing, Tatyana pictures her Eugene, And in a letter, rash and green, Pours forth a maiden's blameless plighting. The letter's ready-all but sent... For whom, Tatyana, is it meant?</p>
<p>XXII</p>	<p>22</p>
<p>Я знал красавиц недоступных, Холодных, чистых, как зима, Неумолимых, неподкупных, Непостижимых для ума; Дивился я их спеси модной, Их добродетели природной, И, признаюсь, от них бежал, И, мнится, с ужасом читал Над их бровями надпись ада: Оставь надежду навсегда {20}. Внушать любовь для них беда, Пугать людей для них отрада. Быть может, на брегах Невы Подобных дам видали вы.</p>	<p>I've known great beauties proudly distant, As cold and chaste as winter snow; Implacable, to all resistant, Impossible for mind to know; I've marvelled at their haughty manner, Their natural virtue's flaunted banner; And I confess, from them I fled, As if in terror I had read Above their brows the sign of Hades: Abandon Hope, Who Enter Here! Their joy is striking men with fear, For love offends these charming ladies. Perhaps along the Neva's shore You too have known such belles before.</p>
<p>XXIII</p>	<p>23</p>
<p>Среди поклонников послушных Других причудниц я видал, Самолюбиво равнодушных Для вздохов страстных и похвал. И что ж нашел я с изумленьем? Они, суровым повеленьем Пугая робкую любовь, Ее привлечь умели вновь По крайней мере сожаленьем, По крайней мере звук речей Казался иногда нежней, И с легковерным ослепленьем Опять любовник молодой Бежал за милой суетой.</p>	<p>Why I've seen ladies so complacent Before their loyal subjects' gaze, That they would even grow impatient With sighs of passion and with praise. But what did I, amazed, discover? On scaring off some timid lover With stern behaviour's grim attack, These creatures then would lure him back!- By joining him at least in grieving, By seeming in their words at least More tender to the wounded beast; And blind as ever, still believing, The youthful lover with his yen Would chase sweet vanity again.</p>
<p>XXIV</p>	<p>24</p>
<p>За что ж виновнее Татьяна? За то ль, что в милой простоте Она не ведает обмана И верит избранной мечте? За то ль, что любит без искусства, Послушная влеченью чувства, Что так доверчива она, Что от небес одарена Воображением мятежным, Умом и волею живой,</p>	<p>So why is Tanya, then, more tainted? Is it because her simple heart Believes the chosen dream she's painted And in deceit will take no part? Because she heeds the call of passion In such an honest, artless fashion? Because she's trusting more than proud, And by the Heavens was endowed With such a rashness in surrender, With such a lively mind and will,</p>

И своенравной головой,
И сердцем пламенным и нежным?
Ужели не простите ей
Вы легкомыслия страстей?

XXV

Кокетка судит хладнокровно,
Татьяна любит не шутя
И предается безусловно
Любви, как милое дитя.
Не говорит она: отложим -
Любви мы цену тем умножим,
Вернее в сети заведем;
Сперва тщеславие кольнем
Надеждой, там недоуменьем
Измучим сердце, а потом
Ревнивым оживим огнем;
А то, скучая наслажденьем,
Невольник хитрый из оков
Всечасно вырваться готов.

XXVI

Еще предвижу затрудненья:
Родной земли спасая честь,
Я должен буду, без сомненья,
Письмо Татьяны перевести.
Она по-русски плохо знала,
Журналов наших не читала
И выражалася с трудом
На языке своем родном,
Итак, писала по-французски...
Что делать! повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски,
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

XXVII

Я знаю: дам хотят заставить
Читать по-русски. Право, страх!
Могут ли их себе представить
С "Благонамеренным" {21} в руках!
Я шлюсь на вас, мои поэты;
Не правда ль: милые предметы,
Которым, за свои грехи,
Писали втайне вы стихи,
Которым сердце посвящали,
Не все ли, русским языком
Владея слабо и с трудом,
Его так мило искажали,
И в их устах язык чужой
Не обратился ли в родной?

XXVIII

Не дай мне бог сойтись на бале
Иль при разъезде на крыльце
С семинаристом в желтой шале
Иль с академиком в цепце!
Как уст румяных без улыбки,
Без грамматической ошибки
Я русской речи не люблю.
Быть может, на беду мою,
Красавиц новых поколенья,
Журналов вняв молящий глас,
К грамматике приучит нас;
Стихи введут в употребленье;
Но я... какое дело мне?
Я верен буду старине.

And with a spirit never still, And with a heart that's
warm and tender? But can't you, friends, forgive her,
pray, The giddiness of passion's sway?

25

The flirt will always reason coldly;
Tatyana's love is deep and true:
She yields without conditions, boldly-
As sweet and trusting children do.
She does not say: 'Let's wait till later
To make love's value all the greater
And bind him tighter with our rope;
Let's prick vainglory first with hope,
And then with doubt in fullest measure
We'll whip his heart, and when it's tame...
Revive it with a jealous flame;
For otherwise, grown bored with pleasure,
The cunning captive any day
Might break his chains and slip away.'

26

I face another complication:
My country's honour will demand
Without a doubt a full translation
Of Tanya's letter from my hand.
She knew the Russian language badly,
Ignored our journals all too gladly,
And in her native tongue, I fear,
Could barely make her meaning clear;
And so she turned for love's discussion
To French... There's nothing I can do!
A lady's love, I say to you,
Has never been expressed in Russian;
Our mighty tongue, God only knows,
Has still not mastered postal prose.

27

Some would that ladies be required
To read in Russian. Dread command!
Why, I can picture them-
inspired, "The Good Samaritan" in hand!
I ask you now to tell me truly,
You poets who have sinned unduly:
Have not those creatures you adore,
Those objects of your verse... and more,
Been weak at Russian conversation?
And have they not, the charming fools,
Distorted sweetly all the rules
Of usage and pronunciation;
While yet a foreign language slips
With native glibness from
their lips?

28

God spare me from the apparition,
On leaving some delightful ball,
Of bonneted Academician
Or scholar in a yellow shawl!
I find a faultless Russian style
Like crimson lips without a smile,
Mistakes in grammar charm the mind.
Perhaps (if fate should prove unkind!)
This generation's younger beauties,
Responding to our journals' call,
With grammar may delight us all,
And verses will be common duties.
But what care I for all they do?
To former ways I'll still be true.

XXIX

Неправильный, небрежный лепет,
Неточный выговор речей
По-прежнему сердечный трепет
Произведут в груди моей;
Раскаяться во мне нет силы,
Мне галлицизмы будут милы,
Как прошлой юности грехи,
Как Богдановича стихи.
Но полно. Мне пора заняться
Письмом красавицы моей;
Я слово дал, и что ж? ей-ей
Теперь готов уж отказаться.
Я знаю: нежного Парни
Перо не в моде в наши дни.

XXX

Певец Пиров и грусти томной {22},
Когда б еще ты был со мной,
Я стал бы просьбою нескромной
Тебя тревожить, милый мой:
Чтоб на волшебные напевы
Переложил ты страстной девы
Иноплеменные слова.
Где ты? приди: свои права
Передаю тебе с поклоном...
Но посреди печальных скал,
Отвыкнув сердцем от похвал,
Один, под финским небосклоном,
Он бродит, и душа его
Не слышит горя моего.

XXXI

Письмо Татьяны предо мною;
Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитать не могу.
Кто ей внушал и эту нежность,
И слов любезную небрежность?
Кто ей внушал умильный вздор,
Безумный сердца разговор,
И увлекательный и вредный?
Я не могу понять. Но вот
Неполный, слабый перевод,
С живой картины список бледный
Или разыгранный Фрейшиц
Перстами робких учениц:

Письмо Татьяны к Онегину

Я к вам пишу - чего же боле?
Что я могу еще сказать?
Теперь, я знаю, в вашей воле
Меня презреньем наказать.
Но вы, к моей несчастной доле
Хоть каплю жалости храня,
Вы не оставите меня.
Сначала я молчать хотела;
Поверьте: моего стыда
Вы не узнали б никогда,
Когда б надежду я имела
Хоть редко, хоть в неделю раз
В деревне нашей видеть вас,
Чтоб только слышать ваши речи,
Вам слово молвить, и потом
Все думать, думать об одном
И день и ночь до новой встречи.

Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы... ничем мы не блестим,
Хоть вам и рады простодушно.

29 A careless drawl, a tiny stutter, Some imprecision
of the tongue- Can still produce a lovely flutter Within
this breast no longer young; I lack the strength for true
repentance, And Gallicisms in a sentence Seem sweet
as youthful sins remote, Or verse that Bogdanovich*
wrote. But that will do. My beauty's letter Must occupy
my pen for now; I gave my word, but, Lord, I vow,
Retracting it would suit me better. I know that gentle
Parny's* lays Are out of fashion nowadays.

30

Bard of The Feasts* and languid sorrow,
If you were with me still, my friend,
Immodestly I'd seek to borrow
Your genius for a worthy end:
I'd have you with your art refashion
A maiden's foreign words of passion
And make them magic songs anew.
Where are you? Come! I bow to you
And yield my rights to love's translation...
But there beneath the Finnish sky,
Amid those mournful crags on high,
His heart grown deaf to commendation-
Alone upon his way he goes
And does not heed my present woes.

31

Tatyana's letter lies beside me,
And reverently I guard it still;
I read it with an ache inside me
And cannot ever read my fill.
Who taught her then this soft surrender,
This careless gift for waxing tender,
This touching whimsy free of art,
This raving discourse of the heart-
Enchanting, yet so fraught with trouble?
I'll never know. But none the less,
I give it here in feeble dress:
A living picture's pallid double,
Or Freischutz* played with timid skill
By fingers that are learning still.

Tatyana's Letter to Onegin

I'm writing you this declaration- What more can I in
candour say? It may be now your inclination To scorn
me and to turn away; But if my hapless situation Evokes
some pity for my woe, You won't abandon me, I know. I
first tried silence and evasion; Believe me, you 'd have
never learned My secret shame, had I discerned The
slightest hope that on occasion- But once a week-I'd see
your face, Behold you at our country place, Might hear
you speak a friendly greeting, Could say a word to you;
and then, Could dream both day and night again Of but
one thing, till our next meeting.

They say you like to be alone And find the country
unappealing; We lack, I know, a worldly tone, But still,
we welcome you with feeling.

Зачем вы посетили нас?
В глуши забытого селенья
Я никогда не знала б вас,
Не знала б горького мученья.
Души неопытной волненья
Смирив со временем (как знать?),
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

Другой!.. Нет, никому на свете
Не отдала бы сердца я!
То в вышнем суждено совете...
То воля неба: я твоя;
Вся жизнь моя была залогом
Свиданья верного с тобой;
Я знаю, ты мне послан богом,
До гроба ты хранитель мой...

Ты в сновиденьях мне являлся
Незримый, ты мне был уж мил,
Твой чудный взгляд меня томил,
В душе твой голос раздавался
Давно... нет, это был не сон!
Ты чуть вошел, я вмиг узнала,
Вся обомлела, запылала
И в мыслях молвила: вот он!

Не правда ль? я тебя слыхала:
Ты говорил со мной в тиши,
Когда я бедным помогала
Или молитвой улаждала
Тоску волнуемой души?
И в это самое мгновенье
Не ты ли, милое виденье,
В прозрачной темноте мелькнул,
Приникнул тихо к изголовью?
Не ты ль, с отрадой и любовью,
Слова надежды мне шепнул?
Кто ты, мой ангел ли хранитель,
Или коварный искушитель:

Мои сомненья разреши.
Быть может, это все пустое,
Обман неопытной души!
И суждено совсем иное...
Но так и быть! Судьбу мою
Отныне я тебе вручаю,
Перед тобою слезы лью,
Твоей защиты умоляю...
Вообрази: я здесь одна,
Никто меня не понимает,
Рассудок мой изнемогает,
И молча гибнуть я должна.
Я жду тебя: единым взором
Надежды сердца оживи
Иль сон тяжелый перерви,
Увы, заслуженным укором!

Кончаю! Страшно перечить...
Стыдом и страхом замираю...
Но мне порукой ваша честь,
И смело ей себя вверяю...

XXXII

Татьяна то вздохнет, то охнет;
Письмо дрожит в ее руке;
Облатка розовая сохнет
На воспаленном языке.
К плечу головешкой склонилась,
Сорочка легкая спустилась
С ее прелестного плеча...

Why did you ever come to call?
In this forgotten country dwelling
I'd not have known you then at all,
Nor known this bitter heartache's swelling.
Perhaps, when time had helped in quelling
The girlish hopes on which I fed,
I might have found (who knows?) another
And been a faithful wife and mother,
Contented with the life I led.

Another! No! In all creation There's no one else whom
I'd adore; The heavens chose my destination And made
me thine for evermore! My life till now has been a
token In pledge of meeting you, my friend; And in your
coming, God has spoken, You'll be my guardian till the
end...

You filled my dreams and sweetest trances; As yet
unseen, and yet so dear,
You stirred me with your wondrous glances,
Your voice within my soul rang clear... And then the
dream came true for me!
When you came in, I seemed to waken, I turned to
flame, I felt all shaken, And in my heart I cried: It's he!

And was it you I heard replying
Amid the stillness of the night,
Or when I helped the poor and dying,
Or turned to heaven, softly crying,
And said a prayer to soothe my plight?
And even now, my dearest vision,
Did I not see your apparition
Flit softly through this lucent night?
Was it not you who seemed to hover
Above my bed, a gentle lover,
To whisper hope and sweet delight?
Are you my angel of salvation
Or hell's own demon of temptation?

Be kind and send my doubts away;
For this may all be mere illusion,
The things a simple girl would say,
While Fate intends no grand conclusion...
So be it then! Henceforth I place My faith in you and
your affection; I plead with tears upon my face And beg
you for your kind protection. You cannot know: I'm so
alone, There's no one here to whom I've spoken, My
mind and will are almost broken, And I must die without
a moan. I wait for you... and your decision: Revive my
hopes with but a sign, Or halt this heavy dream of
mine- Alas, with well-deserved derision!

I close. I dare not now reread... I shrink with shame and
fear. But surely, Your honour's all the pledge I need,
And I submit to it securely.

32

The letter trembles in her fingers; By turns Tatyana
groans and sighs. The rosy sealing wafer lingers Upon
her fevered tongue and dries. Her head is bowed, as if
she's dozing; Her light chemise has slipped, exposing
Her lovely shoulder to the night.

Но вот уж лунного луча
Сиянье гаснет. Там долина
Сквозь пар яснеет. Там поток
Засеребрился; там рожок
Пастуший будит селянина.
Вот утро: встали все давно,
Моей Татьяне все равно.

XXXIII

Она зари не замечает,
Сидит с поникшею главою
И на письмо не напирает
Своей печати вырезной.
Но, дверь тихонько отпирая,
Уж ей Филиппевна седая
Приносит на подносе чай.
"Пора, дитя мое, вставай:
Да ты, красавица, готова!
О пташка ранняя моя!
Вечор уж как боялась я!
Да, слава богу, ты здорова!
Тоски ночной и следу нет,
Лицо твое как маков цвет".

XXXIV

- Ах! няня, сделай одолжение. -
"Изволь, родная, прикажи".
- Не думай... право... подозренье...
Но видишь... ах! не откажи. -
"Мой друг, вот бог тебе порука".
- Итак, пошли тихонько внука
С запиской этой к О... к тому...
К соседу... да велеть ему,
Чтоб он не говорил ни слова,
Чтоб он не называл меня... -
"Кому же, милая моя?
Я нынче стала бестолкова.
Кругом соседей много есть;
Куда мне их и перечечь".

XXXV

- Как недогадлива ты, няня! -
"Сердечный друг, уж я стара,
Стара; тупеет разум, Таня;
А то, бывало, я востра,
Бывало, слово барской воли..."
- Ах, няня, няня! до того ли?
Что нужды мне в твоём уме?
Ты видишь, дело о письме
К Онегину. - "Ну, дело, дело.
Не гневайся, душа моя,
Ты знаешь, непонятна я...
Да что ж ты снова побледнела?"
- Так, няня, право ничего.
Пошли же внука своего.

XXXVI

Но день протек, и нет ответа.
Другой настал: все нет как нет.
Бледна, как тень, с утра одета,
Татьяна ждет: когда ж ответ?
Приехал Ольгин обожатель.
"Скажите: где же ваш приятель? -
Ему вопрос хозяйки был. -
Он что-то нас совсем забыл".
Татьяна, вспыхнув, задрожала.
- Сегодня быть он обещал, -
Старушке Ленский отвечал, -

Да, видно, почта задержала. -

But now the moonbeams' glowing light
Begins to fade.
The vale emerges Above the mist.
And now the stream
In silver curves begins to gleam.
The shepherd's pipe
resounds and urges
The villager to rise. It's morn!
My Tanya, though, is so forlorn.

33

She takes no note of dawn's procession,
Just sits with lowered head, remote;
Nor does she put her seal's impression
Upon the letter that she wrote.
But now her door is softly swinging:
It's grey Filatievna, who's bringing
Her morning tea upon a tray.
'It's time, my sweet, to greet the day;
Why, pretty one, you're up already!
You're still my little early bird!
Last night you scared me, 'pon my word!
But thank the Lord, you seem more steady;
No trace at all of last night's fret,
Your cheeks are poppies now, my pet.'

34

'Oh, nurse, a favour, please... and hurry!
'Why, sweetheart, anything you choose.'
'You mustn't think... and please don't worry...
But see... Oh, nanny, don't refuse!
'As God's my witness, dear, I promise.'
'Then send your grandson, little Thomas,
To take this note of mine to ? _____',
Our neighbour, nurse, the one... you know! And tell
him that he's not to mention My name, or breathe a
single word...' 'But who's it for, my little bird? I'm trying
hard to pay attention; But we have lots of neighbours
call, I couldn't even count them all.'

35

'Oh nurse, your wits are all befuddled!
'But, sweetheart, I've grown old... I mean...
I'm old; my mind... it does get muddled.
There was a time when I was keen,
When just the master's least suggestion...'
'Oh, nanny, please, that's not the question,
It's not your mind I'm talking of,
I'm thinking of Onegin, love;
This note's to him.'-'Now don't get riled,
You know these days I'm not so clear,
I'll take the letter, never fear.
But you've gone pale again, my child!
'It's nothing, nanny, be at ease,
Just send your grandson, will you please.'

36

The day wore on, no word came flying.
Another fruitless day went by.
All dressed since dawn, dead-pale and sighing,
Tatyana waits: will he reply?
Then Olga's suitor came a-wooing.
'But tell me, what's your friend been doing?'
Asked Tanya's mother, full of cheer;
'He's quite forgotten us, I fear.'
Tatyana blushed and trembled gently.
'He promised he would come today,'
Said Lensky in his friendly way,
'The mail has kept him evidently.'

Татьяна потупила взор,
Как будто слыша злой укор.

XXXVII

Смеркалось; на столе, блистая,
Шипел вечерний самовар,
Китайский чайник нагревая;
Под ним клубился легкий пар.
Разлитый Ольгиной рукою,
По чашкам темною струею
Уже душистый чай бежал,
И сливки мальчик подавал;
Татьяна пред окном стояла,
На стекла хладные дыша,
Задумавшись, моя душа,
Прелестным пальчиком писала
На отуманенном стекле
Заветный вензель О да Е.

XXXVIII

И между тем душа в ней ныла,
И слез был полон томный взор.
Вдруг топот!.. кровь ее застыла.
Вот ближе! скачут... и на двор
Евгений! "Ах!" - и легче тени
Татьяна прыг в другие сени,
С крыльца на двор, и прямо в сад,
Летит, летит; взглянуть назад
Не смеет; мигом обежала
Куртины, мостики, лужок,
Аллею к озеру, лесок,
Кусты сирен переломала,
По цветникам летя к ручью.
И, задыхаясь, на скамью

XXXIX

Упала...

"Здесь он! здесь Евгений!
О боже! что подумал он!"
В ней сердце, полное мучений,
Хранит надежды темный сон;
Она дрожит и жаром пышет,
И ждет: нейдет ли? Но не слышит.
В саду служанки, на грядах,
Сбирали ягоду в кустах
И хором по наказу пели
(Наказ, основанный на том,
Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели
И пеньем были заняты:
Затея сельской острогы!)

Песня девушек

Девичы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь девицы,
Разгуляйтесь, милые!
Затяните песенку,
Песенку заветную,
Заманите молодца
К хороводу нашему,
Как заманим молодца,
Как завидим издали,
Разбежимтесь, милые,
Закидаем вишеньем,
Вишеньем, малиною,
Красною смородиной.
Не ходи подслушивать
Песенки заветные,
Не ходи подсматривать
Игры наши девичьи.

Tatyana bowed her head in shame,
As if they all thought her to blame.

37

'Twas dusk; and on the table, gleaming,
The evening samovar grew hot;
It hissed and sent its vapour steaming
In swirls about the china pot.
And soon the fragrant tea was flowing
As Olga poured it, dark and glowing,
In all the cups; without a sound
A serving boy took cream around.
Tatyana by the window lingers
And breathes upon the chilly glass;
All lost in thought, the gentle lass
Begins to trace with lovely fingers
Across the misted panes a row
Of hallowed letters: E and O.

38

And all the while her soul was aching,
Her brimming eyes could hardly see.
Then sudden hoofbeats!... Now she's quaking...
They're closer... coming here... it's he!
Onegin! 'Oh!'-And light as air,
She's out the backway, down the stair
From porch to yard, to garden straight;
She runs, she flies; she dare not wait
To glance behind her; on she pushes-
Past garden plots, small bridges, lawn,
The lakeway path, the wood; and on
She flies and breaks through lilac bushes,
Past seedbeds to the brook-so fast
That, panting, on a bench at last

39

She falls...

'He's here! But all those faces! ? God, what must he think of me!' But still her anguished heart embraces A misty dream of what might be. She trembles, burns, and waits... so near him! But will he come?... She doesn't hear him. Some serf girls in the orchard there, While picking berries, filled the air With choral song-as they'd been bidden (An edict that was meant, you see, To keep sly mouths from feeling free To eat the master's fruit when hidden, By filling them with song instead- For rural cunning isn't dead!):

The Girls' Song

'Lovely maidens, pretty ones, Dearest hearts and darling friends, Romp away, sweet lassies, now, Have your fling, my dear ones, do! Strike you up a rousing song, Sing our secret ditty now, Lure some likely lusty lad To the circle of our dance.

When we lure the fellow on, When we see him from afar, Darlings, then, let's scamper off, Pelting him with cherries then, Cherries, yes, and raspberries, Ripe red currants let us throw!

Never come to listen in
When we sing our secret songs,
Never come to spy on us
When we play our maiden games!

<p>XL</p> <p>Они поют, и, с небреженьем Внимая звонкий голос их, Ждала Татьяна с нетерпеньем, Чтоб трепет сердца в ней затих, Чтобы прошло ланит пыланье. Но в персях то же трепетанье, И не проходит жар ланит, Но ярче, ярче лишь горит... Так бедный мотылек и блещет И бьется радужным крылом, Пленный школьным шалуном; Так зайчик в озими трепещет, Увидя вдруг издалека В кусты припадшего стрелка.</p> <p>XLI</p> <p>Но наконец она вздохнула И встала со скамьи своей; Пошла, но только повернула В аллею, прямо перед ней, Блестящая взорами, Евгений Стоит подобно грозной тени, И, как огнем обожжена, Остановилась она. Но следствия нежданной встречи Сегодня, милые друзья, Пересказать не в силах я; Мне должно после долгой речи И погулять и отдохнуть: Докончу после как-нибудь.</p> <p>ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ</p> <p>La morale est dans la nature des choses.</p> <p>Necker.</p> <p>I. II. III. IV. V. VI. VII</p> <p>Чем меньше женщину мы любим, Тем легче нравимся мы ей И тем ее вернее губим Средь обольстительных сетей. Разврат, бывало, хладнокровный Наукой славился любовной, Сам о себе везде трубя И наслаждаясь не любя. Но эта важная забава Достойна старых обезьян Хваленых дедовских времен: Ловласов обветшала слава Со славой красных каблучков И величавых париков.</p> <p>VIII</p> <p>Кому не скучно лицемерить, Различно повторять одно, Стараться важно в том уверить, В чем все уверены давно, Все те же слышать возраженья, Уничтожать предрассужденья, Которых не было и нет У девочки в тринадцать лет! Кого не утомят угрозы, Моления, клятвы, мнимый страх, Записки на шести листах, Обманы, сплетни, кольцы, слезы, Надзоры теток, матерей И дружба тяжкая мужей!</p>	<p>40</p> <p>Tatyana listens, scarcely hearing The vibrant voices, sits apart, And waits impatient in her clearing To calm the tremor in her heart And halt the constant surge of blushes; But still her heart in panic rushes, Her cheeks retain their blazing glow And ever brighter, brighter grow. Just so a butterfly both quivers And beats an iridescent wing When captured by some boy in spring; Just so a hare in winter shivers, When suddenly far off it sees The hunter hiding in the trees.</p> <p>41</p> <p>But finally she rose, forsaken, And, sighing, started home for bed; But hardly had she turned and taken The garden lane, when straight ahead, His eyes ablaze, Eugene stood waiting- Like some grim shade of night's creating; And she, as if by fire seared, Drew back and stopped when he appeared... Just now though, friends, I feel too tired To tell you how this meeting went And what ensued from that event; I've talked so long that I've required A little walk, some rest and play; I'll finish up another day.</p> <p>Chapter 4</p> <p>La morale est dans la nature des choses* Necker</p> <p>(1-6)7</p> <p>The less we love her when we woo her, The more we draw a woman in, And thus more surely we undo her Within the witching webs we spin. Time was, when cold debauch was lauded As love's high art... and was applauded For trumpeting its happy lot In taking joy while loving not. But that pretentious game is dated, But fit for apes, who once held sway Amid our forbears' vaunted day; The fame of Lovelaces has faded- Along with fashions long since dead: Majestic wigs and heels of red.</p> <p>8</p> <p>Who doesn't find dissembling dreary; Or trying gravely to convince (Recasting platitudes till weary)- When all agree and have long since; How dull to hear the same objections, To overcome those predilections That no young girl thirteen, I vow, Has ever had and hasn't now! Who wouldn't grow fatigued with rages, Entreaties, vows, pretended fears, Betrayals, gossip, rings, and tears, With notes that run to seven pages, With watchful mothers, aunts who stare, And friendly husbands hard to bear!</p>
--	--

<p>IX</p> <p>Так точно думал мой Евгений. Он в первой юности своей Был жертвой бурных заблуждений И необузданных страстей. Привычкой жизни избалован, Одним на время очарован, Разочарованный другим, Желаньем медленно томим, Томим и ветреным успехом, Внимая в шуме и в тиши Роптанье вечное души, Зевоту подавляя смехом: Вот как убил он восемь лет, Утратя жизни лучший цвет.</p>	<p>9</p> <p>Well, this was my Eugene's conclusion. In early youth he'd been the prey Of every raging mad delusion, And uncurbed passions ruled the day. Quite pampered by a life of leisure, Enchanted with each passing pleasure, But disenchanting just as quick, Of all desire at length grown sick, And irked by fleet success soon after, He'd hear mid hum and hush alike His grumbling soul the hours strike, And smothered yawns with brittle laughter: And so he killed eight years of youth And lost life's very bloom, in truth.</p>
<p>X</p> <p>В красавиц он уж не влюблялся, А волочился как-нибудь; Откажут - мигом утешался; Изменят - рад был отдохнуть. Он их искал без упоенья, А оставлял без сожаленья, Чуть помня их любовь и злость. Так точно равнодушный гость На вист вечерний приезжает, Садится; кончилась игра: Он уезжает со двора, Спокойно дома засыпает И сам не знает поутру, Куда поедет ввечеру.</p>	<p>10</p> <p>He ceased to know infatuation, Pursuing belles with little zest; Refused, he found quick consolation; Betrayed, was always glad to rest. He sought them out with no elation And left them too without vexation, Scarce mindful of their love or spite. Just so a casual guest at night Drops in for whist and joins routinely; And then upon the end of play, Just takes his leave and drives away To fall asleep at home serenely; And in the morning he won't know What evening holds or where he'll go.</p>
<p>XI</p> <p>Но, получив посланье Тани, Онегин живо тронут был: Язык девических мечтаний В нем думы роем возмутил; И вспомнил он Татьяны милой И бледный цвет и вид унылый; И в сладостный, безгрешный сон Душою погрузился он. Быть может, чувствий пыл старинный Им на минуту овладел; Но обмануть он не хотел Доверчивость души невинной. Теперь мы в сад перелетим, Где встретилась Татьяна с ним.</p>	<p>11</p> <p>But having read Tatyana's letter, Onegin was profoundly stirred: Her maiden dreams had helped unfetter A swarm of thoughts with every word; And he recalled Tatyana's pallor, Her mournful air, her touching valour- And then he soared, his soul alight With sinless dreams of sweet delight. Perhaps an ancient glow of passion Possessed him for a moment's sway... But never would he lead astray A trusting soul in callous fashion. And so let's hasten to the walk Where he and Tanya had their talk.</p>
<p>XII</p> <p>Минуты две они молчали, Но к ней Онегин подошел И молвил: "Вы ко мне писали, Не отпирайтесь. Я прочел Души доверчивой признанья, Любви невинной излиянья; Мне ваша искренность мила; Она в волненье привела Давно умолкнувшие чувства; Но вас хвалить я не хочу; Я за нее вам отплачу Признаньем также без искусства; Примите исповедь мою: Себя на суд вам отдаю.</p>	<p>12</p> <p>Some moments passed in utter quiet, And then Eugene approached and spoke: 'You wrote to me. Do not deny it. I've read your words and they evoke My deep respect for your emotion, Your trusting soul... and sweet devotion. Your candour has a great appeal And stirs in me, I won't conceal, Long dormant feelings, scarce remembered. But I've no wish to praise you now; Let me repay you with a vow As artless as the one you tendered; Hear my confession too, I plead, And judge me both by word and deed.</p>

<p>XIII</p> <p>Когда бы жизнь домашним кругом Я ограничить захотел; Когда б мне быть отцом, супругом Приятный жребий повелел; Когда б семейственной картиной Пленился я хоть миг единый, - То, верно б, кроме вас одной Невесты не искал иной. Скажу без блесков мадригальных: Нашед мой прежний идеал, Я, верно б, вас одну избрал В подруги дней моих печальных, Всего прекрасного в залог, И был бы счастлив... сколько мог!</p>	<p>13</p> <p>'Had I in any way desired To bind with family ties my life; Or had a happy fate required That I turn father, take a wife; Had pictures of domestication For but one moment held temptation- Then, surely, none but you alone Would be the bride I'd make my own. I'll say without wrought-up insistence That, finding my ideal in you, I would have asked you-yes, it's true- To share my baneful, sad existence, In pledge of beauty and of good, And been as happy... as I could!</p>
<p>XIV</p> <p>Но я не создан для блаженства; Ему чужда душа моя; Напрасны ваши совершенства: Их вовсе недостоин я. Поверьте (совесть в том порукой), Супружество нам будет мукой. Я, сколько ни любил бы вас, Привыкнув, разлюблю тотчас; Начнете плакать: ваши слезы Не тронут сердца моего, А будут лишь бесить его. Судите ж вы, какие розы Нам заготовит Гименей И, может быть, на много дней.</p>	<p>14</p> <p>'But I'm not made for exaltation: My soul's a stranger to its call; Your virtues are a vain temptation, For I'm not worthy of them all. Believe me (conscience be your token): In wedlock we would both be broken. However much I loved you, dear, Once used to you... I'd cease, I fear; You'd start to weep, but all your crying Would fail to touch my heart at all, Your tears in fact would only gall. So judge yourself what we'd be buying, What roses Hymen means to send- Quite possibly for years on end!</p>
<p>XV</p> <p>Что может быть на свете хуже Семьи, где бедная жена Грустит о недостойном муже, И днем и вечером одна; Где скучный муж, ей цену зная (Судьбу, однако ж, проклиная), Всегда нахмурен, молчалив, Сердит и холодно-ревнив! Таков я. И того ль искали Вы чистой, пламенной душой, Когда с такою простотой, С таким умом ко мне писали? Ужели жребий вам такой Назначен строгою судьбой?</p>	<p>15</p> <p>'In all this world what's more perverted Than homes in which the wretched wife Bemoans her worthless mate, deserted- Alone both day and night through life; Or where the husband, knowing truly Her worth (yet cursing fate unduly) Is always angry, sullen, mute- A coldly jealous, selfish brute! Well, thus am I. And was it merely For this your ardent spirit pined When you, with so much strength of mind, Unsealed your heart to me so clearly? Can Fate indeed be so unkind? Is this the lot you've been assigned?</p>
<p>XVI</p> <p>Мечтам и годам нет возврата; Не обновлю души моей... Я вас люблю любовью брата И, может быть, еще нежней. Послушайте ж меня без гнева: Сменит не раз младая дева Мечтами легкие мечты; Так деревцо свои листы Меняет с каждою весною. Так видно небом суждено. Полюбите вы снова: но... Учитесь властвовать собою; Не всякий вас, как я, поймет; К беде неопытность ведет".</p>	<p>16</p> <p>'For dreams and youth there's no returning; I cannot resurrect my soul. I love you with a tender yearning, But mine must be a brother's role. So hear me through without vexation: Young maidens find quick consolation- From dream to dream a passage brief; Just so a sapling sheds its leaf To bud anew each vernal season. Thus heaven wills the world to turn. You'll fall in love again; but learn... To exercise restraint and reason, For few will understand you so, And innocence can lead to woe.'</p>
<p>XVII</p> <p>Так проповедовал Евгений. Сквозь слез не видя ничего, Едва дыша, без возражений, Татьяна слушала его.</p>	<p>17</p> <p>Thus spake Eugene his admonition. Scarce breathing and bereft of speech, Gone blind with tears, in full submission, Tatyana listened to him preach.</p>

<p>Он подал руку ей. Печально (Как говорится, машинально) Татьяна молча оперлась, Головкой томною склонясь; Пошли домой вкруг огорода; Явились вместе, и никто Не вздумал им пенять на то. Имеет сельская свобода Свои счастливые права, Как и надменная Москва.</p> <p>XVIII</p> <p>Вы согласитесь, мой читатель, Что очень мило поступил С печальной Таней наш приятель; Не в первый раз он тут явил Души прямое благородство, Хотя людей недоброхотство В нем не щадило ничего: Враги его, друзья его (Что, может быть, одно и то же) Его честили так и сяк. Врагов имеет в мире всяк, Но от друзей спаси нас, боже! Уж эти мне друзья, друзья! Об них недаром вспомнил я.</p> <p>XIX</p> <p>А что? Да так. Я усypляю Пустые, черные мечты; Я только в скобках замечая, Что нет презренной клеветы, На чердаке вралем рожденной И светской чернью ободренной, Что нет нелепицы такой, Ни эпиграммы площадной, Которой бы ваш друг с улыбкой, В кругу порядочных людей, Без всякой злобы и затей, Не повторил стократ ошибкой; А впрочем, он за вас горой: Он вас так любит... как родной!</p> <p>XX</p> <p>Гм! гм! Читатель благородный, Здорова ль ваша вся родня? Позвольте: может быть, угодно Теперь узнать вам от меня, Что значит именно родные. Родные люди вот какие: Мы их обязаны ласкать, Любить, душевно уважать И, по обычаю народа, О рождестве их навещать Или по почте поздравлять, Чтоб остальное время года Не думали о нас они... Итак, дай бог им долгих дни!</p> <p>XXI</p> <p>Зато любовь красавиц нежных Надежней дружбы и родства: Над нею и средь бурь мятежных Вы сохраняете права. Конечно так. Но вихорь моды, Но своенравие природы, Но мненья светского поток... А милый пол, как пух, легок.</p>	<p>He offered her his arm. Despairing, She took it and with languid bearing ('Mechanically', as people say), She bowed her head and moved away... They passed the garden's dark recesses, Arriving home together thus- Where no one raised the slightest fuss: For country freedom too possesses Its happy rights... as grand as those That high and mighty Moscow knows.</p> <p>18</p> <p>I know that you'll agree, my reader, That our good friend was only kind And showed poor Tanya when he freed her A noble heart and upright mind. Again he'd done his moral duty, But spiteful people saw no beauty And quickly blamed him, heaven knows! Good friends no less than ardent foes (But aren't they one, if they offend us?) Abused him roundly, used the knife. Now every man has foes in life, But from our friends, dear God, defend us! Ah, friends, those friends! I greatly fear, I find their friendship much too dear.</p> <p>19</p> <p>What's that? Just that. Mere conversation To lull black empty thoughts awhile; In passing, though, one observation: There's not a calumny too vile- That any garret babbler hatches, And all the social rabble snatches; There's no absurdity or swathe, Nor any vulgar gutter verse, That your good friend won't find delightful, Repeating it a hundred ways To decent folk for days and days, While never meaning to be spiteful; He's yours, he'll say, through thick and thin: He loves you so!... Why, you're like kin!</p> <p>20</p> <p>Hm, hm, dear reader, feeling mellow? And are your kinfolk well today? Perhaps you'd like, you gentle fellow, To hear what I'm prepared to say On 'kinfolk' and their implications? Well, here's my view of close relations: They're people whom we're bound to prize, To honour, love, and idolize, And, following the old tradition, To visit come the Christmas feast, Or send a wish by mail at least; All other days they've our permission To quite forget us, if they please- So grant them, God, long life and ease!</p> <p>21</p> <p>Of course the love of tender beauties Is surer far than friends or kin: Your claim upon its joyous duties Survives when even tempests spin. Of course it's so. And yet be wary, For fashions change, and views will vary, And nature's made of wayward stuff- The charming sex is light as fluff.</p>
--	---

<p>К тому ж и мнения супруга Для добродетельной жены Всегда почтенны быть должны; Так ваша верная подруга Бывает вмиг увлечена: Любовью шутит сатана.</p>	<p>What's more, the husband's frank opinion Is bound by any righteous wife To be respected in this life; And so your mistress (faithful minion) May in a trice be swept away: For Satan treats all love as play.</p>
<p>XXII</p>	<p>22</p>
<p>Кого ж любить? Кому же верить? Кто не изменит нам один? Кто все дела, все речи мерит Услужливо на наш аршин? Кто клеветы про нас не сеет? Кто нас заботливо лелеет? Кому порок наш не беда? Кто не наскутит никогда? Призрака суетный искатель, Трудов напрасно не губя, Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! Предмет достойный: ничего Любезней, верно, нет его.</p>	<p>But whom to love? To trust and treasure? Who won't betray us in the end? And who'll be kind enough to measure Our words and deeds as we intend? Who won't sow slander all about us? Who'll coddle us and never doubt us? To whom will all our faults be few? Who'll never bore us through and through? You futile, searching phantom-breeder, Why spend your efforts all in vain; Just love yourself and ease the pain, My most esteemed and honoured reader! A worthy object! Never mind, A truer love you'll never find.</p>
<p>XXIII</p>	<p>23</p>
<p>Что было следствием свиданья? Увы, не трудно угадать! Любви безумные страдания Не перестали волновать Младой души, печали жадной; Нет, пуще страстью безотрадной Татьяна бедная горит; Ее постели сон бежит; Здоровье, жизни цвет и сладость, Улыбка, девственный покой, Пропало все, что звук пустой, И меркнет милой Тани младость: Так одевает бури тень Едва рождающийся день.</p>	<p>But what ensued from Tanya's meeting? Alas, it isn't hard to guess! Within her heart the frenzied beating Coursed on and never ceased to press Her gentle soul, athirst with aching; Nay, ever more intensely quaking, Poor Tanya burns in joyless throes; Sleep shuns her bed, all sweetness goes, The glow of life has vanished starkly; Her health, her calm, the smile she wore- Like empty sounds exist no more, And Tanya's youth now glimmers darkly: Thus stormy shadows cloak with grey The scarcely risen, newborn day.</p>
<p>XXIV</p>	<p>24</p>
<p>Увы, Татьяна увядает, Бледнеет, гаснет и молчит! Ничто ее не занимает, Ее души не шевелит. Качая важно головою, Соседи шепчут меж собою: Пора, пора бы замуж ей!.. Но полно. Надо мне скорей Развеселить воображенья Картиной счастливой любви. Невольню, милые мои, Меня стесняет сожаленье; Простите мне: я так люблю Татьяну милую мою!</p>	<p>Alas, Tatyana's fading quickly; She's pale and wasted, doesn't speak! Her soul, unmoved, grows wan and sickly; She finds all former pleasures bleak. The neighbours shake their heads morosely And whisper to each other closely: 'It's time she married... awful waste...' But that's enough. I must make haste To cheer the dark imagination With pictures of a happy pair; I can't, though, readers, help but care And feel a deep commiseration; Forgive me, but it's true, you know, I love my dear Tatyana so!</p>
<p>XXV</p>	<p>25</p>
<p>Час от часу плененный боле Красами Ольги молодой, Владимир сладостной неволе Предался полною душой. Он вечно с ней. В ее покое Они сидят в потемках двое; Они в саду, рука с рукой, Гуляют утренней порой; И что ж? Любовью упоенный, В смятенье нежного стыда, Он только смеет иногда, Улыбкой Ольги ободренный, Развитым локоном играть Иль край одежды целовать.</p>	<p>Each passing hour more captivated By Olga's winning, youthful charms, Vladimir gave his heart and waited To serve sweet bondage with his arms. He's ever near. In gloomy weather They sit in Olga's room together; Or arm in arm they make their rounds Each morning through the park and grounds. And so? Inebriated lover, Confused with tender shame the while (Encouraged, though, by Olga's smile), He sometimes even dares to cover One loosened curl with soft caress Or kiss the border of her dress.</p>

<p>XXVI</p> <p>Он иногда читает Оле Нравоучительный роман, В котором автор знает боле Природу, чем Шатобриан, А между тем две, три страницы (Пустые бредни, небылицы, Опасные для сердца дев) Он пропускает, покраснев. Уединясь от всех далеко, Они над шахматной доской, На стол облокотясь, порой Сидят, задумавшись глубоко, И Ленский пешкою ладью Берет в рассеянье свою.</p> <p>XXVII</p> <p>Поедет ли домой, и дома Он занят Ольгою своею. Летучие листки альбома Прилежно украшает ей: То в них рисует сельски виды, Надгробный камень, храм Киприды, Или на лире голубка Пером и красками слегка; То на листках воспоминанья Пониже подписи других Он оставляет нежный стих, Безмолвный памятник мечтанья, Мгновенной думы долгий след, Все тот же после многих лет.</p> <p>XXVIII</p> <p>Конечно, вы не раз видали Уездной барышни альбом, Что все подружки измарали С конца, с начала и кругом. Сюда, назло правописанью, Стихи без меры, по преданью В знак дружбы верной внесены, Уменьшены, продолжены. На первом листике встречаешь Qu'écritez-vous sur ces tablettes, И подпись: t. a v. Annette; А на последнем прочитаешь: "Кто любит более тебя, Пусть пишет далее меня".</p> <p>XXIX</p> <p>Тут непременно вы найдете Два сердца, факел и цветки; Тут верно клятвы вы прочтете В любви до гробовой доски; Какой-нибудь пиит армейский Тут подмахнул стишок злодейский. В такой альбом, мои друзья, Признаться, рад писать и я, Уверен будучи душою, Что всякий мой усердный вздор Заслужит благосклонный взор И что потом с улыбкой злою Не станут важно разбирать, Остро иль нет я мог соврать.</p> <p>XXX</p> <p>Но вы, разрозненные томы Из библиотеки чертей, Великолепные альбомы, Мученье модных рифмачей, Вы, украшенные проворно Толстого кистью чудотворной Иль Баратынского пером, Пускай сожжет вас божий гром!</p>	<p>26</p> <p>At times he reads her works of fiction- Some moralistic novel, say, Whose author's powers of depiction Make Chateaubriand's works seem grey; But sometimes there are certain pages (Outlandish things, mere foolish rages, Unfit for maiden's heart or head), Which Lensky, blushing, leaves unread... They steal away whenever able And sit for hours seeing naught, Above the chessboard deep in thought, Their elbows propped upon the table; Where Lensky with his pawn once took, Bemused and muddled, his own rook.</p> <p>27</p> <p>When he drives home, she still engages His poet's soul, his artist's mind; He fills her album's fleeting pages With every tribute he can find: He draws sweet views of rustic scenery, A Venus temple, graves and greenery; He pens a lyre... and then a dove, Adds colour lightly and with love; And on the leaves of recollection, Beneath the lines from other hands, He plants a tender verse that stands- Mute monument to fond reflection: A moment's thought whose trace shall last Unchanged when even years have passed.</p> <p>28</p> <p>I'm sure you've known provincial misses; Their albums too you must have seen, Where girlfriends scribble hopes and blisses- From frontside, backside, in between. With spellings awesome in abuse, Unmetred lines of hallowed usage Are entered by each would-be friend- Diminished, lengthened, turned on end. Upon the first page you'll discover: Qu'écritez-vous sur ces tablettes? And 'neath it: toute a vous Annette; While on the last one you'll uncover: 'Who loves you more than I must sign And fill the page that follows mine.'</p> <p>29</p> <p>You're sure to find there decorations: Rosettes, a torch, a pair of hearts; You'll read, no doubt, fond protestations: With all my love, till death us parts; Some army scribbler will have written A roguish rhyme to tease the smitten. In just such albums, friends, I too Am quite as glad to write as you, For there, at heart, I feel persuaded That any zealous vulgar phrase Will earn me an indulgent gaze, And won't then be evaluated With wicked grin or solemn eye To judge the wit with which I lie.</p> <p>30</p> <p>But you, odd tomes of haughty ladies, You gorgeous albums stamped with guilt, You libraries of darkest Hades And racks where modish rhymesters wilt, You volumes nimbly ornamented By Tolstoy's* magic brush, and scented By Baratynsky's pen-I vow: Let God's own lightning strike you now!</p>
---	--

<p>Когда блистательная дама Мне свой in-quarto подает, И дрожь и злость меня берет, И шевелится эпиграмма Во глубине моей души, А мадригалы им пиши!</p> <p>XXXI</p> <p>Не мадригалы Ленский пишет В альбоме Ольги молодой; Его перо любовью дышит, Не хладно блещет остротой; Что ни заметит, ни услышит Об Ольге, он про то и пишет: И, полны истины живой, Текут элегии рекой. Так ты, Языков вдохновенный, В порывах сердца своего, Поешь бог ведает кого, И свод элегий драгоценный Представит некогда тебе Всю повесть о твоей судьбе.</p> <p>XXXII</p> <p>Но тише! Слышишь? Критик строгий Повелевает сбросить нам Элегии венки убогий, И нашей братье рифмачам Кричит: "Да перестаньте плакать, И все одно и то же квакать, Жалеть о прежнем, о былом: Довольно, пойте о другом!" - Ты прав, и верно нам укажешь Трубу, личину и кинжал, И мыслей мертвый капитал Отсюда воскресить прикажешь: Не так ли, друг? - Ничуть. Куда! "Пишите оды, господа,</p> <p>XXXIII</p> <p>Как их писали в мощные годы, Как было встарь заведено..." - Одни торжественные оды! И, полно, друг; не все ль равно? Припомни, что сказал сатирик! "Чужого толка" хитрый лирик Ужели для тебя сносной Унылых наших рифмачей? - "Но все в элегии ничтожно; Пустая цель ее жалка; Меж тем цель оды высока И благородна..." Тут бы можно Поспорить нам, но я молчу: Два века ссорить не хочу.</p> <p>XXXIV</p> <p>Поклонник славы и свободы, В волненье бурных дум своих, Владимир и писал бы оды, Да Ольга не читала их. Случалось ли поэтам слезным Читать в глаза своим любезным Свои творенья? Говорят, Что в мире выше нет наград. И впрям, блажен любовник скромный, Читающий мечты свои Предмету песен и любви, Красавице приятно-томной! Блажен... хоть, может быть, она Совсем иным развлечена.</p>	<p>Whenever dazzling ladies proffer Their quartos to be signed by me, I tremble with malicious glee; My soul cries out and longs to offer An epigram of cunning spite- But madrigals they'll have you write!</p> <p>31</p> <p>No madrigals of mere convention Does Olga's Lensky thus compose; His pen breathes love, not pure invention Or sparkling wit as cold as prose; Whatever comes to his attention Concerning Olga, that he'll mention; And filled with truth's own vivid glows A stream of elegies then flows.* Thus you, Yazykov,* with perfection, With all the surgings of your heart, Sing God knows whom in splendid art- Sweet elegies, whose full collection Will on some future day relate The uncut story of your fate.</p> <p>32</p> <p>But hush! A strident critic rises And bids us cast away the crown Of elegy in all its guises And to our rhyming guild calls down: 'Have done with all your lamentations, Your endless croakings and gyrations On "former days" and "times of yore"; Enough now! Sing of something more!' You're right. And will you point with praises To trumpet, mask, and dagger* too, And bid us thuswise to renew Our stock of dead ideas and phrases? Is that it, friend?-'Far from it. Nay! Write odes,* good sirs, write odes, I say...</p> <p>33</p> <p>'The way they did in former ages, Those mighty years still rich in fame...' Just solemn odes?... On all our pages?! Oh come now, friend, it's all the same. Recall the satirist, good brother, And his sly odist in The Other* Do you find him more pleasing, pray, Than our glum rhymesters of today?... 'Your elegy lacks all perception, Its want of purpose is a crime; Whereas the ode has aims sublime.' One might to this take sharp exception, But I'll be mute. I don't propose To bring two centuries to blows.</p> <p>34</p> <p>By thoughts of fame and freedom smitten, Vladimir's stormy soul grew wings; What odes indeed he might have written, But Olga didn't read the things. How oft have tearful poets chances To read their works before the glances Of those they love? Good sense declares That no reward on earth compares. How blest, shy lover, to be granted To read to her for whom you long: The very object of your song, A beauty languid and enchanted! Ah, blest indeed... although it's true, She may be dreaming not of you.</p>
--	--

<p>XXXV</p> <p>Но я плоды моих мечтаний И гармонических затей Читаю только старой няне, Подруге юности моей, Да после скучного обеда Ко мне забредшего соседа, Поймав неожиданно за полу, Душу трагедией в углу, Или (но это кроме шуток), Тоской и рифмами томим, Бродя над озером моим, Пугаю стадо диких уток: Вняв пенью сладкозвучных строф, Они слетают с берегов.</p> <p>XXXVI. XXXVII</p> <p>А что ж Онегин? Кстати, братья! Терпенья вашего прошу: Его вседневные занятия Я вам подробно опишу. Онегин жил анахоретом: В седьмом часу вставал он летом И отправлялся налегке К бегущей под горой реке; Певцу Гюльнары подражая, Сей Геллеспонт переплывал, Потом свой кофе выпивал, Плохой журнал перебирая, И одевался...</p> <p>XXXVIII. XXXIX</p> <p>Прогулки, чтение, сон глубокой, Лесная тень, журчанье струй, Порой белая черной Младой и свежий поцелуй, Узде послушный конь ретивый, Обед довольно прихотливый, Бутылка светлого вина, Уединенье, тишина: Вот жизнь Онегина святая; И нечувствительно он ей Предался, красных летних дней В беспечной неге не считая, Забыв и город, и друзей, И скуку праздничных затей.</p> <p>XL</p> <p>Но наше северное лето, Карикатура южных зим, Мелькнет и нет: известно это, Хоть мы признаться не хотим.</p> <p>Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало, Короче становился день, Лесов таинственная сень С печальным шумом обнажалась, Ложился на поля туман, Гусей крикливых караван Тянулся к югу: приближалась Довольно скучная пора: Стоял ноябрь уж у двора.</p>	<p>35</p> <p>But I my fancy's fruits and flowers (Those dreams and harmonies I tend) Am quite content to read for hours To my old nurse, my childhood's friend; Or sometimes after dinners dreary, When some good neighbour drops in weary- I'll corner him and catch his coat And stuff him with the play I wrote; Or else (and here I'm far from jesting), When off beside my lake I climb- Beset with yearning and with rhyme- I scare a flock of ducks from resting; And hearing my sweet stanzas soar, They flap their wings and fly from shore.</p> <p>36*</p> <p>And as I watch them disappearing, A hunter hidden in the brush Damns poetry for interfering And, whistling, fires with a rush. Each has his own preoccupation, His favourite sport or avocation: One aims a gun at ducks on high; One is entranced by rhyme as I; One swats at flies in mindless folly; One dreams of ruling multitudes; One craves the scent that war exudes; One likes to bask in melancholy; One occupies himself with wine: And good and bad all intertwine.</p> <p>37</p> <p>But what of our Eugene this while? Have patience, friends, I beg you, pray; I'll tell it all in detailed style And show you how he spent each day. Onegin lived in his own heaven: In summer he'd get up by seven And, lightly clad, would take a stroll Down to the stream below the knoll. Gulnare's proud singer* his example, He'd swim across this Hellespont; Then afterwards, as was his wont, He'd drink his coffee, sometimes sample The pages of some dull review, And then he'd dress...</p> <p>(38) 39</p> <p>Long rambles, reading, slumber's blisses, The burbling brook, the wooded shade, At times the fresh and youthful kisses Of white-skinned, dark-eyed country maid; A horse of spirit fit to bridle, A dinner fanciful and idle, A bottle of some sparkling wine, Seclusion, quiet-these, in fine, Were my Onegin's saintly pleasures, To which he yielded one by one, Unmoved to count beneath the sun Fair summer's days and careless treasures, Unmindful too of town or friends And their dull means to festive ends.</p> <p>40</p> <p>Our northern summers, though, are versions Of southern winters, this is clear; And though we're loath to cast aspersions, They seem to go before they're here!</p> <p>The sky breathed autumn, turned and darkled; The friendly sun less often sparkled; The days grew short and as they sped, The wood with mournful murmur shed Its wondrous veil to stand uncovered; The fields all lay in misty peace; The caravan of cackling geese Turned south; and all around there hovered The sombre season near at hand; November marched across the land.</p>
--	---

XLI

Встает заря во мгле холодной;
 На нивах шум работ умолк;
 С своей волчиюю голодной
 Выходит на дорогу волк;
 Его почуя, конь дорожный
 Храпит - и путник осторожный
 Несется в гору во весь дух;
 На утренней заре пастух
 Не гонит уж коров из хлева,
 И в час полуденный в кружок
 Их не зовет его рожок;
 В избушке распевая, дева {23}
 Прядет, и, зимних друг ночей,
 Трещит лучинка перед ней.

XLII

И вот уже трещат морозы
 И серебрятся средь полей...
 (Читатель ждет уж рифмы розы;
 На, вот возьми ее скорей!)
 Опрятней модного паркета
 Блистает речка, льдом одета.
 Мальчишек радостный народ {24}
 Коньками звучно режет лед;
 На красных лапках гусь тяжелый,
 Задумав плыть по лону вод,
 Ступает бережно на лед,
 Скользит и падает; веселый
 Мелькает, вьется первый снег,
 Звездами падая на брег.

XLIII

В глуши что делать в эту пору?
 Гулять? Деревня той порой
 Невольно докучает взору
 Однообразной наготой.
 Скакать верхом в степи суровой?
 Но конь, притупленной подковой
 Неверный зацепляя лед,
 Того и жди, что упадет.
 Сиди под кровлею пустынной,
 Читай: вот Прадт, вот W. Scott.
 Не хочешь? - поверяй расход,
 Сердись иль пей, и вечер длинный
 Кой-как пройдет, а завтра тож,
 И славно зиму проведешь.

XLIV

Прямым Онегин Чильд-Гарольдом
 Вдался в задумчивую лень:
 Со сна садится в ванну со льдом,
 И после, дома целый день,
 Один, в расчеты погруженный,
 Тупым кием вооруженный,
 Он на бильярде в два шара
 Играет с самого утра.
 Настанет вечер деревенский:
 Бильярд оставлен, кий забыт,
 Перед камином стол накрыт,
 Евгений ждет: вот едет Ленский
 На тройке чалых лошадей;
 Давай обедать поскорей!

XLV

Вдовы Клико или Моэта
 Благословенное вино
 В бутылке мерзлой для поэта
 На стол тотчас принесено.
 Оно сверкает Ипокреной: {25}
 Оно своей игрой и пеной
 (Подобием того-сего)
 Меня пленяло: за него
 Последний бедный лепт, бывало,
 Давал я. Помните ль, друзья?

41

The dawn arises cold and cheerless;
 The empty fields in silence wait;
 And on the road... grown lean and fearless,
 The wolf appears with hungry mate;
 Catching the scent, the road horse quivers
 And snorts in fear, the traveller shivers
 And flies uphill with all his speed;
 No more at dawn does shepherd need
 To drive the cows outside with ringing;
 Nor does his horn at midday sound
 The call that brings them gathering round.
 Inside her hut a girl is singing,
 And by the matchwood's crackling light
 She spins away the wintry night.

42

The frost already cracks and crunches; The fields are
 silver where they froze... (And you, good reader, with
 your hunches, Expect the rhyme, so take it-Rose!) No
 fine parquet could hope to muster The ice-clad river's
 glassy lustre; The joyous tribe of boys berates And cuts
 the ice with ringing skates; A waddling red-foot goose
 now scurries To swim upon the water's breast; He
 treads the ice with care to test... And down he goes!
 The first snow flurries Come flitting, flicking, swirling
 round To fall like stars upon the ground.

43

But how is one, in this dull season,
 To help the rural day go by?
 Take walks? The views give little reason,
 When only bareness greets the eye.
 Go ride the steppe's harsh open spaces?
 Your mount, if put to try his paces
 On treacherous ice in blunted shoe,
 Is sure to fall... and so will you.
 So stay beneath your roof... try reading:
 Here's Pradt* or, better, Walter Scott!
 Or check accounts. You'd rather not?
 Then rage or drink... Somehow proceeding,
 This night will pass (the next one too),
 And grandly you'll see winter through!

44

Childe Harold-like, Onegin ponders,
 Adrift in idle, slothful ways;
 From bed to icy bath he wanders,
 And then at home all day he stays,
 Alone, and sunk in calculation,
 His only form of recreation-
 The game of billiards, all day through,
 With just two balls and blunted cue.
 But as the rural dusk encroaches,
 The cue's forgot, the billiards fade;
 Before the hearth the table's laid.
 He waits... At last his guest approaches:
 It's Lensky's troika, three fine roans;
 'Come on, let's dine, my stomach groans!'

45

Moet, that wine most blest and heady, Or Veuve Cliquot, the
 finest class, Is brought in bottle chilled and ready And set
 beside the poet's glass. Like Hippocrene* it sparkles brightly, It
 fizzes, foams, and bubbles lightly (A simile in many ways); It
 charmed me too, in other days: For its sake once, I squandered
 gladly My last poor pence... remember, friend?

<p>Его волшебная струя Рождала глупостей не мало, А сколько шуток и стихов, И споров, и веселых снов!</p> <p>XLVI</p> <p>Но изменяет пеной шумной Оно желудку моему, И я Бордо благоразумный Уж нынче предпочел ему. К Аи я больше не способен; Аи любовнице подобен Блестящей, ветреной, живой, И своенравной, и пустой... Но ты, Бордо, подобен другу, Который, в горе и в беде, Товарищ всегда, везде, Готов нам оказать услугу Иль тихий разделить досуг. Да здравствует Бордо, наш друг!</p> <p>XLVII</p> <p>Огонь потух; едва золою Подернут уголь золотой; Едва заметною струею Виется пар, и теплотой Камин чуть дышит. Дым из трубок В трубу уходит. Светлый кубок Еще шипит среди стола. Вечерняя находит мгла... (Люблю я дружеские враки И дружеский бокал вина Порою той, что названа Пора меж волка и собаки, А почему, не вижу я.) Теперь беседуют друзья:</p> <p>XLVIII</p> <p>"Ну, что соседки? Что Татьяна? Что Ольга резвая твоя?" - Налей еще мне полстакана... Довольно, милый... Вся семья Здорова; кланяться велели. Ах, милый, как похорошели У Ольги плечи, что за грудь! Что за душа!... Когда-нибудь Заедем к ним; ты их обяжешь; А то, мой друг, суди ты сам: Два раза заглянул, а там Уж к ним и носу не покажешь. Да вот... какой же я болван! Ты к ним на той неделе зван.</p> <p>XLIX</p> <p>"Я" - Да, Татьяны именины В субботу. Оленька и мать Велели звать, и нет причины Тебе на зов не приезжать. - "Но куча будет там народу И всякого такого сброду..." - И, никого, уверен я! Кто будет там? своя семья. Поедем, сделай одолжение! Ну, что ж? - "Согласен". - Как ты мил! - При сих словах он осушил Стакан, соседке приношенье, Потом разговорился вновь Про Ольгу: такова любовь!</p>	<p>Its magic stream brought forth no end Of acting foolish, raving madly, And, oh, how many jests and rhymes, And arguments, and happy times!</p> <p>46</p> <p>But all that foamy, frothy wheezing Just plays my stomach false, I fear; And nowadays I find more pleasing Sedate Bordeaux's good quiet cheer. Ai* I find is much too risky, Ai is like a mistress-frisky, Vivacious, brilliant... and too light. But you, Bordeaux, I find just right; You're like a comrade, ever steady, Prepared in trials or in grief To render service, give relief; And when we wish it, always ready To share a quiet evening's end. Long live Bordeaux, our noble friend!</p> <p>47</p> <p>The fire goes out; the coal, still gleaming, Takes on a film of ash and pales; The rising vapours, faintly streaming, Curl out of sight; the hearth exhales A breath of warmth. The pipe smoke passes Up chimney flue. The sparkling glasses Stand fizzing on the table yet; With evening's gloom, the day has set... (I'm fond of friendly conversation And of a friendly glass or two At dusk or entre chien et loup*- As people say without translation, Though why they do, I hardly know). But listen as our friends speak low:</p> <p>48</p> <p>'And how are our dear neighbours faring? Tatyana and your Olga, pray?... 'Just half a glass, old boy, be sparing... The family's well, I think I'd say; They send you greetings and affection... Oh, God, my friend, what sheer perfection In Olga's breast! What shoulders too! And what a soul!... Come visit, do! You ought to, really... they'll be flattered; Or judge yourself how it must look- You dropped in twice and closed the book; Since then, it seems, they've hardly mattered. In fact... Good Lord, my wits are bleak! You've been invited there next week!'</p> <p>49</p> <p>'Tatyana's name-day celebration Is Saturday. Her mother's sent (And Olga too!) an invitation; Now don't refuse, it's time you went.' 'There'll be a crush and lots of babble And all that crowd of local rabble.' 'Why not at all, they just intend To have the family, that's all, friend; Come on, let's go, do me the favour!' 'Alright, I'll go.' 'Well done, first class!' And with these words he drained his glass In toast to his attractive neighbour... And then waxed voluble once more In talk of Olga. Love's a bore!</p>
---	---

<p>L</p> <p>Он весел был. Чрез две недели Назначен был счастливый срок. И тайна брачныя постели, И сладостной любви венок Его восторгов ожидали. Гимена хлопоты, печали, Зевоты хладная череда Ему не снились никогда. Меж тем как мы, враги Гимена, В домашней жизни зрим один Ряд утомительных картин, Роман во вкусе Лафонтена... {26} Мой бедный Ленский, сердцем он Для оной жизни был рожден.</p>	<p>50</p> <p>So Lensky soared as he awaited His wedding day two weeks ahead; With joy his heart anticipated The mysteries of the marriage bed And love's sweet crown of jubilations. But Hymen's cares and tribulations, The frigid, yawning days to be, He never pictured once, not he. While we, the foes of Hymen's banner, Perceive full well that home life means But one long string of dreary scenes- In Lafontaine's* insipid manner. But my poor Lensky, deep at heart, Was born to play this very part.</p>
<p>LI</p> <p>Он был любим... по крайней мере Так думал он, и был счастлив. Стократ блажен, кто предан вере, Кто, хладный ум угомонив, Покоится в сердечной неге, Как пьяный путник на ночлеге, Или, нежней, как мотылек, В весенний впившийся цветок; Но жалок тот, кто все предвидит, Чья не кружится голова, Кто все движенья, все слова В их переводе ненавидит, Чье сердце опыт остудил И забываться запретил!</p>	<p>51</p> <p>Yes, he was loved... beyond deceiving... Or so at least with joy he thought. Oh, blest is he who lives believing, Who takes cold intellect for naught, Who rests within the heart's sweet places As does a drunk in sleep's embraces, Or as, more tenderly I'd say, A butterfly in blooms of May; But wretched he who's too far-sighted, Whose head is never fancy-stirred, Who hates all gestures, each warm word, As sentiments to be derided, Whose heart... experience has cooled And barred from being loved... or fooled!</p>
<p>ГЛАВА ПЯТАЯ</p> <p>О, не знай сих страшных снов Ты, моя Светлана!</p> <p>Жуковский.</p>	<p>Chapter 5</p> <p>Oh, never know these frightful dreams, My dear Svetlana! Zhukovsky</p>
<p>I</p> <p>В тот год осенняя погода Стояла долго на дворе, Зимы ждала, ждала природа. Снег выпал только в январе На третье в ночь. Проснувшись рано, В окно увидела Татьяна Поутру побелевший двор, Куртины, кровли и забор, На стеклах легкие узоры, Деревья в зимнем серебре, Сорок веселых на дворе И мягко устланные горы Зимы блистательным ковром. Все ярко, все бело кругом.</p>	<p>1</p> <p>The fall that year was in no hurry, And nature seemed to wait and wait For winter. Then, in January, The second night, the snow fell late. Next day as dawn was just advancing, Tatyana woke and, idly glancing, Beheld outdoors a wondrous sight: The roofs, the yard, the fence-all white; Each pane a fragile pattern showing; The trees in winter silver dyed, Gay magpies on the lawn outside, And all the hilltops soft and glowing With winter's brilliant rug of snow- The world all fresh and white below.</p>
<p>II</p> <p>Зима!.. Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь; Его лошадка, снег почуя, Плетется рысью как-нибудь; Бразды пушистые взрывая, Летит кибитка удалая; Ямщик сидит на облучке В тулупе, в красном кушаке. Вот бегают дворовый мальчик, В салазки жучку посадив, Себя в коня преобразив; Шалун уж заморозил пальчик: Ему и больно и смешно, А мать грозит ему в окно...</p>	<p>2</p> <p>Ah, wintertime!... The peasant, cheerful, Creates a passage with his sleigh; Aware of snow, his nag is fearful, But shambles somehow down the way. A bold kibitka skips and burrows And ploughs a trail of fluffy furrows; The driver sits behind the dash In sheepskin coat and scarlet sash. And here's a household boy gone sleighing- His Blackie seated on the sled, While he plays horse and runs ahead; The rascal froze his fingers, playing, And laughs out loud between his howls,</p>

<p>III</p> <p>Но, может быть, такого рода Картины вас не привлекут: Все это низкая природа; Изящного не много тут. Согретый вдохновенья богом, Другой поэт роскошным слогом Живописал нам первый снег И все оттенки зимних нег; {27} Он вас пленит, я в том уверен, Рисуя в пламенных стихах Прогулки тайные в санях; Но я бороться не намерен Ни с ним покамест, ни с тобой, Певец финляндки молодой! {28}</p>	<p>While through the glass his mother scowls.</p> <p>3</p> <p>But you, perhaps, are not attracted By pictures of this simple kind, Where lowly nature is enacted And nothing grand or more refined. Warmed by the god of inspiration, Another bard in exaltation Has painted us the snow new-laid And winter's joys in every shade.* I'm sure you'll find him most engaging When he, in flaming verse, portrays Clandestine rides in dashing sleighs; But I have no intent of waging A contest for his crown... or thine, Thou bard of Finland's maid divine!*</p>
<p>IV</p> <p>Татьяна (русская душою, Сама не зная почему) С ее холодною красою Любила русскую зиму, На солнце иний в день морозный, И сани, и зарю поздной Сиянье розовых снегов, И мглу крещенских вечеров. По старине торжествовали В их доме эти вечера: Служанки со всего двора Про барышень своих гадали И им сулили каждый год Мужьев военных и поход.</p>	<p>4</p> <p>Tatyana (with a Russian duty That held her heart, she knew not why) Profoundly loved, in its cold beauty, The Russian winter passing by: Crisp days when sunlit hoarfrost glimmers, The sleighs, and rosy snow that shimmers In sunset's glow, the murky light That wraps about the Yuletide night. Those twelfthtide eves, by old tradition, Were marked at home on their estate: The servant maids would guess the fate Of both young girls with superstition; Each year they promised, as before, Two soldier husbands and a war.</p>
<p>V</p> <p>Татьяна верила преданьям Простонародной старины, И снам, и карточным гаданьям, И предсказаниям луны. Ее тревожили приметы: Таинственно ей все предметы Провозглашали что-нибудь, Предчувствия теснили грудь. Жеманный кот, на печке сидя, Мурлыча, лапкой рыльце мыл: То несомненный знак ей был, Что едут гости. Вдруг увидя Младой двурогий лик луны На небе с левой стороны,</p>	<p>5</p> <p>Tatyana heeded with conviction All ancient folklore night and noon, Believed in dreams and card prediction, And read the future by the moon. All signs and portents quite alarmed her, All objects either scared or charmed her With secret meanings they'd impart; Forebodings filled and pressed her heart. If her prim tomcat sat protected Atop the stove to wash and purr, Then this was certain sign to her That guests were soon to be expected; Or if upon her left she'd spy A waxing crescent moon on high,</p> <p>6</p>
<p>VI</p> <p>Она дрожала и бледнела. Когда ж падучая звезда По небу темному летела И рассыпалась, - тогда В смятенье Таня торопилась, Пока звезда еще катилась, Желанье сердца ей шепнуть. Когда случалось где-нибудь Ей встретить черного монаха Иль быстрый заяц меж полей Перебегал дорогу ей, Не зная, что начать со страха, Предчувствий горестных полна, Ждала несчастья уж она.</p>	<p>Her face would pale, her teeth would chatter. Or when a shooting star flew by To light the sombre sky and shatter In fiery dust before her eye, She'd hurry and, in agitation, Before the star's disintegration, Would whisper it her secret prayer. Or if she happened anywhere To meet a black-robed monk by error, Or if amid the fields one day A fleeing hare would cross her way, She'd be quite overcome with terror, As dark forebodings filled her mind Of some misfortune ill defined.</p>
<p>VII</p> <p>Что ж? Тайну прелесть находила И в самом ужасе она: Так нас природа сотворила, К противуречию склонна. Настали святки. То-то радость! Гадает ветренная младость, Которой ничего не жаль, Перед которой жизни даль</p>	<p>7</p> <p>Yet even in these same afflictions She found a secret charm in part: For nature-fond of contradictions- Has so designed the human heart. The holy days are here. What gladness!... Bright youth divines, not knowing sadness, With nothing that it must regret, With all of life before it yet-</p>

<p>Лежит светла, необозрима; Гадает старость сквозь очки У гробовой своей доски, Все потеряв невозвратно; И все равно: надежда им Лжет детским лепетом своим.</p> <p>VIII</p> <p>Татьяна любопытным взором На воск потопленный глядит: Он чудно вылитым узором Ей что-то чудное гласит; Из блюда, полного водою, Выходят кольца чередою; И вынулось колечко ей Под песенку старинных дней: "Там мужички-то все богаты, Гребут лопатой серебро; Кому поем, тому добро И слава!" Но сулит утраты Сей песни жалостный напев; Милей кошурка сердцу дев {29}.</p> <p>IX</p> <p>Морозна ночь, все небо ясно; Светил небесных дивный хор Течет так тихо, так согласо... Татьяна на широкой двор В открытом платьице выходит, На месяц зеркало наводит; Но в темном зеркале одна Дрожит печальная луна... Чу... снег хрустит... прохожий; дева К нему на цыпочках летит, И голосок ее звучит Нежней свирельного напева: Как ваше имя? {30} Смотрит он И отвечает: Агафон.</p> <p>X</p> <p>Татьяна, по совету няни Сбираясь ночью ворожить, Тихонько приказала в бане На два прибора стол накрыть; Но стало страшно вдруг Татьяне... И я - при мысли о Светлане Мне стало страшно - так и быть... С Татьяной нам не ворожить. Татьяна поясок шелковый Сняла, разделась и в постель Легла. Над нею вьется Лель, А под подушкою пуховой Девичье зеркало лежит. Утихло все. Татьяна спит.</p> <p>XII снится чудный сон Татьяне. Ей снится, будто бы она Идет по снеговой поляне, Печальной мглой окружена; В сугробах снежных перед нею Шумит, клубит волной своею Кипучий, темный и седой Поток, не скованный зимой; Две жердочки, склеены льдиной, Дрожащий, гибельный мосток, Положены через поток; И пред шумящею пучиной, Недоумения полна, Остановилась она.</p>	<p>A distance luminous and boundless... Old age divines with glasses on And sees the grave before it yawn, All thoughts of time returning-groundless; No matter: childish hope appears To murmur lies in aged ears.</p> <p>8</p> <p>Tatyana watches, fascinated, The molten wax submerge and turn To wondrous shapes which designated Some wondrous thing that she would learn. Then from a basin filled with water Their rings are drawn in random order; When Tanya's ring turned up at last, The song they sang was from the past: "The peasants there have hoards of treasure, They spade up silver from a ditch! The one we sing to will be rich And famous!' But the plaintive measure Foretells a death to come ere long, And girls prefer 'The Kitty's Song.'*</p> <p>9</p> <p>A frosty night, the sky resplendent As heaven's galaxy shines down And glides-so peaceful and transcendent... Tatyana, in her low-cut gown, Steps out of doors and trains a mirror Upon the moon to bring it nearer; * But all that shows in her dark glass Is just the trembling moon, alas... What's that... the crunching snow... who's coming?! She flits on tiptoe with a sigh And asks the stranger passing by, Her voice more soft than reed pipe's humming: 'Oh, what's your name?' He hurries on, Looks back and answers: 'Agafon.'*</p> <p>10</p> <p>Tatyana, as her nurse suggested, Prepared to conjure all night through, * And so in secret she requested The bathhouse table laid for two. But then sheer terror seized Tatyana... And I, recalling poor Svetlana, * Feel frightened too-so let it go, We'll not have Tanya conjure so. Instead, her silken sash untying, She just undressed and went to bed. Sweet Lei* now floats above her head, While 'neath her downy pillow lying, A maiden's looking- glass she keeps. Now all is hushed. Tatyana sleeps.</p> <p>11</p> <p>And what an awesome dream she's dreaming: She walks upon a snowy dale, And all around her, dully gleaming, Sad mist and murky gloom prevail; Amid the drifting, snowbound spaces A dark and seething torrent races, A hoary frothing wave that strains And tears asunder winter's chains; Two slender, icebound poles lie linking The chasm's banks atop the ridge: A perilous and shaky bridge; And full of doubt, her spirits sinking, Tatyana stopped in sudden dread</p>
---	---

<p>XII</p> <p>Как на досадную разлуку, Татьяна ропщет на ручей; Не видит никого, кто руку С той стороны подал бы ей; Но вдруг сугроб зашевелился. И кто ж из-под него явился? Большой, взъерошенный медведь; Татьяна ах! а он реветь, И лапу с острыми когтями Ей протянул; она скрепясь Дрожащей ручкой оперлась И боязливыми шагами Перебралась через ручей; Пошла - и что ж? медведь за ней!</p>	<p>Before the raging gulf ahead.</p> <p>12</p> <p>As at a vexing separation, Tatyana murmured, at a loss; She saw no friendly soul on station To lend a hand to help her cross. But suddenly a snowbank shifted, And who emerged when it was lifted? A huge and matted bear appeared! Tatyana screamed! He growled and reared, Then stretched a paw... sharp claws abhorrent, To Tanya, who could barely stand; She took it with a trembling hand And worked her way across the torrent With apprehensive step... then fled! The bear just followed where she led.</p>
<p>XIII</p> <p>Она, взглянуть назад не смея, Поспешный ускоряет шаг; Но от косматого лакея Не может убежать никак; Кряхтя, валит медведь несносный; Пред ними лес; недвижны сосны В своей нахмуренной красе; Отягчены их ветви все Клоками снега; сквозь вершины Осин, берез и лип нагих Сияет луч светил ночных; Дороги нет; кусты, стремнины Метелью все занесены, Глубоко в снег погружены.</p>	<p>13</p> <p>She dare not look to see behind her, And ever faster on she reels; At every turn he seems to find her, That shaggy footman at her heels!... The grunting, loathesome bear still lumbers, Before them now a forest slumbers; The pines in all their beauty frown And barely stir, all weighted down By clumps of snow; and through the summits Of naked linden, birch, and ash The beams from heaven's lanterns flash; There is no path; the gorge that plummets, The shrubs, the land... all lie asleep, By snowy blizzards buried deep.</p>
<p>XIV</p> <p>Татьяна в лес; медведь за нею; Снег рыхлый по колено ей; То длинный сук ее за шею Зацепит вдруг, то из ушей Златые серьги вырвет силой; То в хрупком снеге с ножки милой Увязнет мокрый башмачок; То выронит она платок; Поднять ей некогда; боится, Медведя слышит за собой, И даже трепетной рукой Одежды край поднять стыдится; Она бежит, он все вослед, И сил уже бежать ей нет.</p>	<p>14</p> <p>She's reached the wood, the bear still tracking; Soft snow, knee-deep, lies all about; A jutting branch looms up, attacking, And tears her golden earrings out; And now another tries to trip her, And from one charming foot her slipper, All wet, comes off in crumbly snow; And now she feels her kerchief go, She lets it lie, she mustn't linger, Behind her back she hears the bear, But shy and frightened, does not dare To lift her skirt with trembling finger; She runs... but he keeps crashing on... Until at last her strength is gone.</p>
<p>XV</p> <p>Упала в снег; медведь проворно Ее хватает и несет; Она бесчувственно-покорна, Не шевельнется, не дохнет; Он мчит ее лесной дорогой; Вдруг меж дерев шалаш убогой; Кругом все глушь; отсюда он Пустынным снегом занесен, И ярко светится окошко, И в шалаше и крик и шум; Медведь промолвил: "Здесь мой кум: Погрейся у него немножко!" И в сени прямо он идет И на порог ее кладет.</p>	<p>15</p> <p>She sinks in snow; the bear alertly Just picks her up and rushes on; She lies within his arms inertly; Her breathing stops, all sense is gone. Along a forest road he surges, And then, mid trees, a hut emerges; Dense brush abounds; on every hand Forlorn and drifting snowbanks stand; A tiny window glitters brightly, And from the hut come cries and din; The bear proclaims: 'My gossip's in.' 'Come warm yourself,' he adds politely, Then pushes straightway through the door And lays her down upon the floor.</p>

<p>XVI</p> <p>Опомнилась, глядит Татьяна: Медведя нет; она в сенях; За дверью крик и звон стакана, Как на больших похоронах; Не видя тут ни капли толку, Глядит она тихонько в щелку, И что же видит?... за столом Сидят чудовища кругом: Один в рогах с собачьей мордой, Другой с петушьей головой, Здесь ведьма с козьей бородой, Тут остов чопорный и гордый, Там карла с хвостиком, а вот Полужуравль и полукот.</p>	<p>16</p> <p>On coming to, she looks around her: She's in a hall; no bear at least; The clink of glasses, shouts... confound her, As if it were some funeral feast; She can't make sense of what she's hearing, Creeps to the door and, softly peering, Sees through a crack the strangest thing- A horde of monsters in a ring: Out of a dog-face horns are sprouting; One has a rooster's head on top; A goateed witch is on a mop; A haughty skeleton sits pouting Beside a short-tailed dwarf... and that Is half a crane and half a cat.</p>
<p>XVII</p> <p>Еще страшней, еще чуднее: Вот рак верхом на пауке, Вот череп на гусяной шее Вертится в красном колпаке, Вот мельница вприсядку пляшет И крыльями трещит и машет; Лай, хохот, пенье, свист и хлоп, Людская молвь и конской топ! {31} Но что подумала Татьяна, Когда узнала меж гостей Того, кто мил и страшен ей, Героя нашего романа! Онегин за столом сидит И в дверь украдкой глядит.</p>	<p>17</p> <p>More wondrous still and still more fearful: A crab upon a spider sat; On goose's neck a skull seemed cheerful, While spinning round in bright red hat; A windmill there was squat-jig dancing And cracked and waved its sails while prancing; Guffawing, barking, whistles, claps, And human speech and hoofbeat taps! But what was Tanya's stunned reaction When mid the guests she recognized The one she feared, the one she prized- The hero of our novel's action! Onegin sits amid the roar And glances slyly through the door.</p>
<p>XVIII</p> <p>Он знак подаст - и все хлопочут; Он пьет - все пьют и все кричат; Он засмеется - все хохочут; Нахмурит брови - все молчат; Он там хозяин, это ясно: И Тане уж не так ужасно, И, любопытная, теперь Немного растворила дверь... Вдруг ветер дунул, загашая Огонь светильников ночных; Смутилась шайка домовых; Онегин, взорами сверкая, Из-за стола, гремя, встает; Все встали: он к дверям идет.</p>	<p>18</p> <p>He gives a sign-the others hustle; He drinks-all drink and all grow shrill; He laughs-they all guffaw and bustle; He frowns-and all of them grow still. He's master here, there's no mistaking; And Tanya, now no longer quaking, Turns curious to see still more And pushes slightly on the door... The sudden gust of wind surprises The band of goblins, putting out The night- time lanterns all about; His eyes aflame, Onegin rises And strikes his chair against the floor; All rise; he marches to the door.</p>
<p>XIX</p> <p>И страшно ей; и торопливо Татьяна силится бежать: Нельзя никак; нетерпеливо Метаясь, хочет закричать: Не может; дверь толкнул Евгений: И взорам адских привидений Явилась дева; ярый смех Раздался дико; очи всех, Копыты, хоботы кривые, Хвосты хохлатые, клыки, Усы, кровавы языки, Рога и пальцы костяные, Все указывает на нее, И все кричат: мое! мое!</p>	<p>19</p> <p>And fear assails her; in a panic She tries to flee... but feels too weak; In anguished writhing, almost manic, She wants to scream... but cannot speak; Eugene throws wide the door, revealing To monstrous looks and hellish squealing Her slender form; fierce cackles sound In savage glee; all eyes turn round, All hooves and trunks-grotesque and curving, And whiskers, tusks, and tufted tails, Red bloody tongues and snouts and nails, Huge horns and bony fingers swerving- All point at her and all combine To shout as one: 'She's mine! She's mine!'</p>

<p>XX</p> <p>Мое! - сказал Евгений грозно, И шайка вся сокрылась вдруг; Осталась во тьме морозной Младая дева с ним сам-друг; Онегин тихо увлекает {32} Татьяну в угол и слагает Ее на шаткую скамью И клонит голову свою К ней на плечо; вдруг Ольга входит, За нею Ленский; свет блеснул; Онегин руку замахнул, И дико он очами бродит, И незваных гостей бранит; Татьяна чуть жива лежит.</p>	<p>20</p> <p>'She's mine!' announced Eugene, commanding; And all the monsters fled the room; The maid alone was left there standing With him amid the frosty gloom. Onegin stares at her intently, Then draws her to a corner gently And lays her on a makeshift bed, And on her shoulder rests his head... Then Olga enters in confusion, And Lensky too; a light shines out; Onegin lifts an arm to rout Unbidden guests for their intrusion; He rants at them, his eyes turn dread; Tatyana lies there nearly dead.</p>
<p>XXI</p> <p>Спор громче, громче; вдруг Евгений Хватает длинный нож, и вмиг Повержен Ленский; страшно тени Сгустились; нестерпимый крик Раздался... хижина шатнулась... И Таня в ужасе проснулась... Глядит, уж в комнате светло; В окне сквозь мерзлое стекло Зари багряный луч играет; Дверь отворилась. Ольга к ней, Авроры северной алей И легче ласточки, влетает; "Ну, говорит, скажи ж ты мне, Кого ты видела во сне?"</p>	<p>21</p> <p>The heated words grow louder, quicken; Onegin snatches up a knife, And Lensky falls; the shadows thicken; A rending cry amid the strife Reverberates... the cabin quivers; Gone numb with terror, Tanya shivers... And wakes to find her room alight, The frozen windows sparkling bright, Where dawn's vermilion rays are playing; Then Olga pushes through the door, More rosy than the dawn before And lighter than a swallow, saying: 'Oh, tell me, do, Tatyana love, Who was it you were dreaming of?'</p>
<p>XXII</p> <p>Но та, сестры не замечая, В постеле с книгою лежит, За листом лист перебирая, И ничего не говорит. Хоть не являла книга эта Ни сладких вымыслов поэта, Ни мудрых истин, ни картин, Но ни Virgiliy, ни Расин, Ни Скотт, ни Байрон, ни Сенека, Ни даже Дамских Мод Журнал Так никого не занимал: То был, друзья, Мартын Задека {33}, Глава халдейских мудрецов, Гадатель, толкователь снов.</p>	<p>22</p> <p>But she ignores her sister's pleading, Just lies in bed without a word, Keeps leafing through some book she's reading, So wrapt in thought she hasn't heard. Although the book she read presented No lines a poet had invented, No sapient truths, no pretty scenes- Yet neither Virgil's, nor Racine's, Nor Seneca's, nor Byron's pages, Nor even Fashion Plates Displayed Had ever so engrossed a maid: She read, my friends, that king of sages Martyn Zadeck,* Chaldean seer And analyst of dreams unclear.</p>
<p>XXIII</p> <p>Сие глубокое творенье Завез кочующий купец Однажды к ним в уединенье И для Татьяны наконец Его с разрозненной "Мальвиной" Он уступил за три с полтиной, В придачу взяв еще за них Собрание басен площадных, Грамматику, две Петриады Да Мармонтеля третий том. Мартын Задека стал потом Любимец Тани... Он отрады Во всех печалях ей дарит И безотлучно с нею спит.</p>	<p>23</p> <p>This noble and profound creation A roving pedlar one day brought To show them in their isolation, And finally left it when they bought Malvina* for three roubles fifty (A broken set, but he was thrifty); And in exchange he also took Two Petriads,* a grammar book, Some fables he could sell tomorrow, Plus Marmontel*-just volume three. Martyn Zadeck soon came to be Tatyana's favourite. Now when sorrow Assails her heart, he brings her light, And sleeps beside her through the night.</p>

<p>XXIV</p> <p>Ее тревожит сновиденье. Не зная, как его понять, Мечтанья страшного значенье Татьяна хочет отыскать.</p> <p>Татьяна в оглавленье кратком Находит азбучным порядком Слова: бор, буря, ведьма, ель, Еж, мрак, мосток, медведь, метель И прочая. Ее сомнений Мартын Задека не решит; Но сон зловещий ей сулит Печальных много приключений. Дней несколько она потом Все беспокоилась о том.</p>	<p>24</p> <p>Her dream disturbs her, and not knowing What secret message she'd been sent, Tatyana seeks some passage showing Just what the dreadful vision meant. She finds in alphabetic order What clues the index can afford her: There's bear and blizzard, bridge, and crow, Fir, forest, hedgehog, night, and snow, And many more. But her confusion Martyn Zadeck cannot dispel; The frightful vision must foretell Sad times to come and disillusion. For several days she couldn't find A way to calm her troubled mind.</p>
<p>XXV</p> <p>Но вот багряною рукою {34} Заря от утренних долин Выводит с солнцем за собою Веселый праздник именин. С утра дом Лариных гостями Весь полон; целыми семьями Соседи съехались в возках, В кибитках, в бричках и в санях. В передней толкотня, тревога; В гостиной встреча новых лиц, Лай мосек, чмоканье девиц, Шум, хохот, давка у порога, Поклоны, шарканье гостей, Кормилиц крик и плач детей.</p>	<p>25</p> <p>But lo!... with crimson hand Aurora Leads forth from morning dales the sun* And brings in merry mood before her The name-day feast that's just begun. Since dawn Dame Larin's near relations Have filled the house; whole congregations Of neighbour clans have come in drays, Kibitkas, britzkas, coaches, sleighs. The hall is full of crowds and bustle; The drawing room explodes with noise, With bark of pugs and maidens' joys, With laughter, kisses, din and hustle; The guests all bow and scrape their feet, Wet nurses shout and babies bleat.</p>
<p>XXVI</p> <p>С своей супругою дородной Приехал толстый Пустяков; Гвоздин, хозяин превосходный, Владелец нищих мужиков; Скотинины, чета седая, С детьми всех возрастов, считая От тридцати до двух годов; Уездный франтик Петушков, Мой брат двоюродный, Буянов, В пуху, в картузе с козырьком {35} (Как вам, конечно, он знаком), И отставной советник Флянов, Тяжелый сплетник, старый плут, Обжора, взяточник и шут.</p>	<p>26</p> <p>Fat Pustyakov, the local charmer, Has come and brought his portly wife; Gvozdin as well, that model farmer, Whose peasants lead a wretched life; The two Skotinins, grey as sages, With children of all shapes and ages- From two to thirty at the top; Here's Petushkov, the district fop; And my first cousin, good Buyanov,* Lint-covered, in his visored cap (As you, of course, well know the chap); And former couns'lor, old man Flyanov, A rogue and gossip night and noon, A glutton, grafter, and buffoon.</p>
<p>XXVII</p> <p>С семьей Панфила Харликова Приехал и мосье Трике, Остряк, недавно из Тамбова, В очках и в рыжем парике. Как истинный француз, в кармане Трике привез куплет Татьяна На голос, знаемый детьми: Reveillez vous, belle endormie. Меж ветхих песен альманаха Был напечатан сей куплет; Трике, догадливый поэт, Его на свет явил из праха, И смело вместо belle Nina Поставил belle Tatiana.</p>	<p>27</p> <p>The Harlikovs were feeling mellow And brought along Monsieur Triquet, Late from Tambov, a witty fellow In russet wig and fine pince-nez. True Gaul, Triquet in pocket carried A verse to warn that Tanya tarried, Set to a children's melody: Reveillez-vous, belle endormie* The printed verse had lain neglected In some old tattered almanac Until Triquet, who had a knack For rhyme, saw fit to resurrect it And boldly put for 'belle Nina' The charming line: 'belle Tatyana.'*</p>
<p>XXVIII</p> <p>И вот из ближнего посада Созревших барышень кумир, Уездных матушек отрада, Приехал ротный командир; Вошел... Ах, новость, да какая! Музыка будет полковая! Полковник сам ее послал.</p>	<p>28</p> <p>And now from nearby quarters, brothers, That idol whom ripe misses cheer, The joy and hope of district mothers- The company commander's here! He's brought some news to set them cheering: The regimental band's appearing! 'The colonel's sending it tonight.'</p>

<p>Какая радость: будет бал! Девчонки прыгают заране; {36} Но кушать подали. Четой Идут за стол рука с рукой. Теснятся барышни к Татьяне; Мужчины против; и, крестясь, Толпа жужжит, за стол садясь.</p>	<p>There'll be a ball! What sheer delight! The girls all jump and grow excited. But dinner's served. And so by pairs, And arm in arm, they seek their chairs: The girls near Tanya; men delighted To face them; and amid the din, All cross themselves and dig right in.</p>
<p>XXIX</p>	<p>29</p>
<p>На миг умолкли разговоры; Уста жуют. Со всех сторон Гремят тарелки и приборы Да рюмок раздаётся звон. Но вскоре гости понемногу Подъемлют общую тревогу. Никто не слушает, кричат, Смеются, спорят и пишат. Вдруг двери настезь. Ленский входит, И с ним Онегин. "Ах, творец! - Кричит хозяйка: - наконец!" Теснятся гости, всяк отводит Приборы, стулья поскорей; Зовут, сажают двух друзей.</p>	<p>Then for a moment chatter ceases As mouths start chewing. All around The clink of plates and forks increases, The glasses jingle and resound. But soon the guests are somewhat sated; The hubbub grows more animated... But no one hears his neighbour out; All laugh and argue, squeal and shout. The doors fly back; two figures enter- It's Lensky... with Eugene! 'Oh dear!' The hostess cries, 'At last you're here!' The guests all squeeze toward the centre, Each moves his setting, shifts his chair, And in a trice they seat the pair.</p>
<p>XXX</p>	<p>30</p>
<p>Сажают прямо против Тани, И, утренней луны бледней И трепетней гонимой лани, Она темнеющих очей Не подымает: пышет бурно В ней страстный жар; ей душно, дурно; Она приветствий двух друзей Не слышит, слезы из очей Хотят уж капать; уж готова Бедняжка в обморок упасть; Но воля и рассудка власть Превозмогли. Она два слова Сквозь зубы молвила тишком И усидела за столом.</p>	<p>Across from Tanya-there they place them; And paler than the moon at dawn, She cannot raise her eyes to face them And trembles like a hunted fawn. Inside her, stormy passion's seething; The wretched girl is scarcely breathing; The two friends' greetings pass unheard; Her tears well up without a word And almost fall; the poor thing's ready To faint; but deep within her, will And strength of mind were working still, And they prevailed. Her lips more steady, She murmured something through her pain And managed somehow to remain.</p>
<p>XXXI</p>	<p>31</p>
<p>Траги-нервических явлений, Девичьих обмороков, слез Давно терпеть не мог Евгений: Довольно их он перенес. Чудак, попав на пир огромный, Уж был сердит. Но девы томной Заметь трепетный порыв, С досады взоры опустив, Надулся он и, негодуя, Поклялся Ленского взбесить И уж порядком отомстить. Теперь, заране торжествуя, Он стал чертить в душе своей Карикатуры всех гостей.</p>	<p>All tragico-hysterical moaning, All girlish fainting-fits and tears, Had long since set Eugene to groaning: He'd borne enough in former years. Already cross and irritated By being at this feast he hated, And noting how poor Tanya shook, He barely hid his angry look And fumed in sullen indignation; He swore that he'd make Lensky pay And be avenged that very day. Exulting in anticipation, He inwardly began to draw Caricatures of those he saw.</p>
<p>XXXII</p>	<p>32</p>
<p>Конечно, не один Евгений Смятенье Тани видеть мог; Но целью взоров и суждений В то время жирный был пирог (К несчастью, пересоленный); Да вот в бутылке засмоленной, Между жарким и блан-манже, Цимлянское несут уже; За ним строй рюмок узких, длинных, Подобно талии твоей, Зизи, кристалл души моей, Предмет стихов моих невинных, Любви приманчивый фиал, Ты, от кого я пьян бывал!</p>	<p>Some others too might well have noted Poor Tanya's plight; but every eye Was at the time in full devoted To sizing up a lavish pie* (Alas, too salty); now they're bringing, In bottle with the pitch still clinging, Between the meat and blancmanger, Tsimlyansky wine... a whole array Of long-stemmed glasses... (quite as slender As your dear waist, my sweet Zizi,* Fair crystal of my soul and key To all my youthful verses tender, Love's luring phial, you who once Made me a drunken, love-filled dunce!)</p>

<p>XXXIII</p> <p>Освободясь от пробки влажной, Бутылка хлопнула; вино Шипит; и вот с осанкой важной, Куплетом мучимый давно, Трике встает; пред ним собранье Хранит глубокое молчанье. Татьяна чуть жива; Трике, К ней обратясь с листком в руке, Запел, фальшивя. Плески, клики Его приветствуют. Она Певцу присесть принуждена; Поэт же скромный, хоть великий, Ее здоровье первый пьет И ей куплет передает.</p>	<p>33</p> <p>The bottle pops as cork goes flying; The fizzing wine comes gushing fast; And now with solemn mien, and dying To have his couplet heard at last, Triquet stands up; the congregation Falls silent in anticipation. Tatyana's scarce alive; Triquet, With verse in hand, looks Tanya's way And starts to sing, off-key. Loud cheering And claps salute him. Tanya feels Constrained to curtsy... almost reels. The bard, whose modesty's endearing, Is first to toast her where he stands, Then puts his couplet in her hands.</p>
<p>XXXIV</p> <p>Пошли приветы, поздравленья; Татьяна всех благодарит. Когда же дело до Евгенья Дошло, то девы томный вид, Ее смущение, усталость В его душе родили жалость: Он молча поклонился ей, Но как-то взор его очей Был чудно нежен. Оттого ли, Что он и вправду тронут был, Иль он, кокетствуя, шалил, Невольно ль, иль из доброй воли, Но взор сей нежность изъясил: Он сердце Тани оживил.</p>	<p>34</p> <p>Now greetings come, congratulations; Tatyana thanks them for the day; But when Eugene's felicitations Came due in turn, the girl's dismay, Her weariness and helpless languor, Evoked his pity more than anger: He bowed to her in silence, grave... But somehow just the look he gave Was wondrous tender. If asserting Some feeling for Tatyana's lot, Or if, unconsciously or not, He'd only teased her with some flirting, His look was still a tender dart: It reawakened Tanya's heart.</p>
<p>XXXV</p> <p>Гремят отодвинутые стулья; Толпа в гостиную валит: Так пчел из лакомого улья На ниву шумный рой летит. Довольный праздничным обедом, Сосед сопит перед соседом; Подсели дамы к камельку; Девицы шепчут в уголку; Столы зеленые раскрыты: Зовут задорных игроков Бостон и ломбер стариков, И вист, доныне знаменитый, Однообразная семья, Все жадной скуки сыновья.</p>	<p>35</p> <p>The chairs, pushed back, give out a clatter; The crowd moves on to drawing room: Thus bees from luscious hive will scatter, A noisy swarm, to meadow bloom. Their festive dinner all too pleasing, The squires face each other wheezing; The ladies to the hearth repair; The maidens whisper by the stair; At green-baize tables players settle, As Boston, ombre (old men's play), And whist, which reigns supreme today, Call out for men to try their mettle: A family with a single creed, All sons of boredom's endless greed.</p>
<p>XXXVI</p> <p>Уж восемь робертов сыграли Герои виста; восемь раз Они места переменили; И чай несут. Люблю я час Определять обедом, чаем И ужином. Мы время знаем В деревне без больших сует: Желудок - верный наш брегет; И кстати я замечу в скобках, Что речь веду в моих строфах Я столь же часто о пирах, О разных кушаньях и пробках, Как ты, божественный Омир, Ты, тридцати веков кумир! XXXVII. XXXVIII. XXXIX Но чай несут; девицы чинно Едва за блюдишки взялись, Вдруг из-за двери в зале длинной Фагот и флейта раздались. Обрадован музыки громом, Оставя чашку чаю с ромом, Парис окружных городков, Подходит к Ольге Петушков, К Татьяне Ленский; Харликову, Невесту переспелых лет, Берет тамбовский мой поэт, Умчал Буянов Пустякову, И в залу высыпали все. И бал блестит во всей красе.</p>	<p>36</p> <p>Whist's heroes have by now completed Eight rubbers; and eight times as well They've shifted round and been reseated; Now tea is brought. I like to tell The time of day by teas and dinners, By supper's call. We country sinners Can tell the time without great fuss: The stomach serves as clock for us; And apropos, I might make mention In passing that I speak as much Of feasts and foods and corks and such In these odd lines of my invention- As you, great Homer, you whose song Has lasted thirty centuries long!</p> <p>(37-8) 39</p> <p>But tea is brought: the girls demurely Have scarcely taken cups in hand, When suddenly from ballroom doorway Bassoon and flute announce the band. Elated by the music's bouncing, His tea and rum at once renouncing, That Paris of the local towns, Good Petushkov, to Olga bounds; To Tanya, Lensky; Harlikova, A maiden somewhat ripe in glow, My Tambov poet takes in tow; Buyanov whirls off Pustyakova; Then all the crowd comes pouring in To watch the brilliant</p>

<p>XL</p> <p>В начале моего романа (Смотрите первую тетрадь) Хотелось вроде мне Альбана Бал петербургский описать; Но, развлечен пустым мечтаньем, Я занялся воспоминаньем О ножках мне знакомых дам. По вашим узеньким следам, О ножки, полно заблуждаться! С изменой юности моей Пора мне сделаться умней, В делах и в слогe поправляться, И эту пятую тетрадь От отступлений очищать.</p>	<p>ballroom spin.</p> <p>40</p> <p>At the beginning of my story (In Chapter One, if you recall), I wanted with Albani's glory* To paint a Petersburg grand ball; But then, by empty dreams deflected, I lost my way and recollected The feet of ladies known before. In your slim tracks I'll stray no more, ? charming feet and mad affliction! My youth betrayed, it's time to show More common sense if I'm to grow, To mend my ways in deeds and diction, And cleanse this Chapter Five at last Of all digressions from the past.</p>
<p>XLI</p> <p>Однообразный и безумный, Как вихорь жизни молодой, Кружится вальса вихорь шумный; Чета мелькает за четой. К минуте мщенья приближаясь, Онегин, втайне усмехаясь, Подходит к Ольге. Быстро с ней Вертится около гостей, Потом на стул ее сажает, Заводит речь о том о сем; Спустя минуты две потом Вновь с нею вальс он продолжает; Все в изумленье. Ленский сам Не верит собственным глазам.</p>	<p>41</p> <p>Monotonous and mad procession, Young life's own whirlwind, full of sound, Each pair a blur in quick succession, The rousing waltz goes whirling round. His moment of revenge beginning, Eugene, with secret malice grinning, Approaches Olga... idly jests, Then spins her round before the guests; He stays beside her when she's seated, Proceeds to talk of this and that; Two minutes barely has she sat... And then their waltzing is repeated! The guests all stare in mute surprise; Poor Lensky can't believe his eyes.</p>
<p>XLII</p> <p>Мазурка раздалась. Бывало, Когда гремел мазурки гром, В огромной зале все дрожало, Паркет трещал под каблуком, Тряслися, дребезжали рамы; Теперь не то: и мы, как дамы, Скользим по лаковым доскам. Но в городах, по деревням Еще мазурка сохранила Первоначальные красы: Припрыжки, каблуки, усы Все те же: их не изменила Лихая мода, наш тиран, Недуг новейших россиян.</p>	<p>42</p> <p>Now the mazurka's call is sounded. Its thunder once could even rack The greatest hall when it resounded, And under heels parquet would crack; The very windows shook like Hades. But now it's changed: we're all like ladies; And o'er the lacquered boards we glide. But in small town and countryside The old mazurka hasn't faltered; It still retains its pristine joys: Moustaches, leaps, heel-pounding noise Remain the same; they've not been altered By tyrant-fashion's high decrees, The modern Russian's new disease.</p>
<p>XLIII. XLIV</p> <p>Буянов, братец мой задорный, К герою нашему подвел Татьяну с Ольгою; проворно Онегин с Ольгою пошел; Ведет ее, скользя небрежно, И, наклонясь, ей шепчет нежно Какой-то пошлый мадригал, И руку жмет - и запытал В ее лице самолюбивом Румянец ярче. Ленский мой Все видел: вспыхнул, сам не свой; В негодовании ревнивом Поэт конца мазурки ждет И в котильон ее зовет.</p>	<p>(43) 44</p> <p>My bold Buyanov guides expertly Tatyana to our hero's side, And Olga too; Eugene alertly Makes off with Lensky's future bride. He steers her, gliding nonchalantly, And bending, whispers her gallantly Some common madrigal to please, Then gives her hand a gentle squeeze; She blushes in appreciation, Her prim concealed face alight, While Lensky rages at the sight. Consumed with jealous indignation, He waits till the mazurka's through, Then asks her for the dance he's due.</p>
<p>XLV</p> <p>Но ей нельзя. Нельзя? Но что же? Да Ольга слово уж дала Онегину. О боже, боже! Что слышит он? Она могла... Возможно ль? Чуть лишь из пеленок, Кокетка, ветреный ребенок!</p>	<p>45</p> <p>But no, she can't. What explanation?... Well, she's just promised his good friend The next dance too. In God's creation! What's this he hears? Could she intend?... Can this be real? Scarce more than swaddler- And turned coquette! A fickle toddler!</p>

Уж хитрость ведаёт она,
Уж изменять научена!
Не в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули - больше ничего -
Вдруг разрешат судьбу его.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

La sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente a cui l'morir non dole.

Petr.

I

Заметив, что Владимир скрылся,
Онегин, скукой вновь гоним,
Близ Ольги в думу погрузился,
Довольный мщением своим.
За ним и Оленька зевала,
Глазами Ленского искала,
И бесконечный котильон
Ее томил, как тяжкий сон.
Но кончен он. Идут за ужин.
Постели стелют; для гостей
Ночлег отводят от сеней
До самой девичьи. Всем нужен
Покойный сон. Онегин мой
Один уехал спать домой.

II

Все успокоилось: в гостиной
Храпит тяжелый Пустяков
С своей тяжелой половиной.
Гвоздин, Буянов, Петушков
И Флянов, не совсем здоровый,
На стульях улеглись в столовой,
А на полу мосье Трике,
В фуфайке, в старом колпаке.
Девицы в комнатах Татьяны
И Ольги все объаты сном.
Одна, печальна под окном
Озарена лучом Дианы,
Татьяна бедная не спит
И в поле темное глядит.

III

Его неожиданным появленьем,
Мгновенной нежностью очей
И странным с Ольгой поведеньем
До глубины души своей
Она проникнута; не может
Никак понять его; тревожит
Ее ревнивая тоска,
Как будто холодная рука
Ей сердце жмет, как будто бездна
Под ней чернеет и шумит...
"Погибну, - Таня говорит, -
Но гибель от него любезна.
Я не ропщу: зачем роптать?
Не может он мне счастья дать".

Already has she mastered guile, Already learned to
cheat and smile! The blow has left poor Lensky
shattered; And cursing woman's crooked course, He
leaves abruptly, calls for horse, And gallops off. Now
nothing mattered- A brace of pistols and a shot Shall
instantly decide his lot.

Chapter 6

La sotto i giorni nubilosi e brevi,
Nasce una gente, a cui l'morir non dole.*
Petrarch

1

Though pleased with the revenge he'd taken, Onegin,
noting Lensky'd left, Felt all his old ennui awaken,
Which made poor Olga feel bereft. She too now yawns
and, as she dances, Seeks Lensky out with furtive
glances; The endless dance had come to seem To Olga
like some dreadful dream. But now it's over. Supper's
heeded. Then beds are made; the guests are all
Assigned their rooms-from entrance hall To servants'
quarters. Rest is needed By everyone. Eugene has fled
And driven home alone to bed.

2

All's quiet now. Inside the parlour,
The portly Mr. Pustyakov
Lies snoring with his portly partner.
Gvozdin, Buyanov, Petushkov-
And Flyanov, who'd been reeling badly-
On dining chairs have bedded gladly;
While on the floor Triquet's at rest
In tattered nightcap and his vest.
The rooms of Olga and Tatyana
Are filled with girls in sleep's embrace.
Alone, beside the windowcase,
Illumined sadly by Diana,
Poor Tanya, sleepless and in pain,
Sits gazing at the darkened plain.

3

His unexpected reappearance,
That momentary tender look,
The strangeness of his interference
With Olga-all confused and shook
Tatyana's soul. His true intention
Remained beyond her comprehension,
And jealous anguish pierced her breast-
As if a chilling hand had pressed
Her heart; as if in awful fashion
A rumbling, black abyss did yawn...
'I'll die,' she whispers to the dawn,
'But death from him is sweet compassion.
Why murmur vainly? He can't give
The happiness for which I live.'

<p>IV</p> <p>Вперед, вперед, моя история! Лицо нас новое зовет. В пяти верстах от Красногорья, Деревни Ленского, живет И здравствует еще донине В философической пустыне Зарецкий, некогда буян, Картежной шайки атаман, Глава повес, трибун трактирный, Теперь же добрый и простой Отец семейства холостой, Надежный друг, помещик мирный И даже честный человек: Так исправляется наш век!</p>	<p>4</p> <p>But forward, forward, ? my story! A new persona has arrived: Five versts or so from Krasnogory, Our Lensky's seat, there lived and thrived In philosophical seclusion (And does so still, have no illusion) Zaretsky-once a rowdy clown, Chief gambler and arch rake in town, The tavern tribune and a liar- But now a kind and simple soul Who plays an unwed father's role, A faithful friend, a peaceful squire, And man of honour, nothing less: Thus does our age its sins redress!</p>
<p>V</p> <p>Бывало, льстивый голос света В нем злую храбрость выхвалял: Он, правда, в туз из пистолета В пяти саженьях попадал, И то сказать, что и в сраженье Раз в настоящем упоенье Он отличился, смело в грязь С коня калмыцкого свалясь, Как зюзя пьяный, и французам Достался в плен: драгой залог! Новейший Регул, чести бог, Готовый вновь предаться узам, Чтоб каждым утром у Вери {37} В долг осушать бутылки три.</p>	<p>5</p> <p>Time was, when flunkies in high places Would praise him for his nasty grit: He could, it's true, from twenty paces, Shoot pistol at an ace and hit; And once, when riding battle station, He'd earned a certain reputation When in a frenzied state indeed He'd plunged in mud from Kalmuk steed, Drunk as a pig, and suffered capture (A prize to make the French feel proud!). Like noble Regulus,* he bowed, Accepting hostage bonds with rapture- In hopes that he (on charge) might squeeze Three bottles daily from Very's.*</p>
<p>VI</p> <p>Бывало, он трунил забавно, Умел морочить дурака И умного дурачить славно, Иль явно, иль исподтишка, Хоть и ему иные штуки Не проходили без науки, Хоть иногда и сам впросак Он попадался, как простак. Умел он весело поспорить, Остро и тупо отвечать, Порой расчетливо смолчать, Порой расчетливо повздорить, Друзей поссорить молодых И на барьер поставить их,</p>	<p>6</p> <p>He used to banter rather neatly, Could gull a fool, and had an eye For fooling clever men completely, For all to see, or on the sly; Of course not all his pranks succeeded Or passed unpunished or unheeded, And sometimes he himself got bled And ended up the dunce instead. He loved good merry disputations, Could answer keenly, be obtuse, Put silence cunningly to use, Or cunningly start altercations; Could get two friends prepared to fight, Then lead them to the duelling site;</p>
<p>VII</p> <p>Иль помириться их заставить, Дабы позавтракать втроем, И после тайно обесславить Веселой шуткою, враньем. Sed alia tempora! Удалость (Как сон любви, другая шалость) Проходит с юностью живой. Как я сказал, Зарецкий мой, Под сень черемух и акаций От бурь укрывшись наконец, Живет, как истинный мудрец, Капусту садит, как Гораций, Разводит уток и гусей И учит азбуке детей.</p>	<p>7</p> <p>Or else he'd patch things up between them So he might lunch with them as guest, And later secretly demean them With nasty gossip or a jest... Sed alia temporal Such sporting (With other capers such as courting) Goes out of us when youth is dead- And my Zaretsky, as I've said, Neath flow'ring cherries and acacias, Secure at last from tempest's rage, Lives out his life a proper sage, Plants cabbages like old Horatius, Breeds ducks and geese, and oversees His children at their ABCs.</p>
<p>VIII</p> <p>Он был не глуп; и мой Евгений, Не уважая сердца в нем, Любил и дух его суждений, И здравый толк о том о сем.</p>	<p>8</p> <p>He was no fool; and consequently (Although he thought him lacking heart), Eugene would hear his views intently And liked his common sense in part.</p>

<p>Он с удовольствием, бывало, Видался с ним, и так нимало Попутру не был удивлен, Когда его увидел он. Тот после первого привета, Прервав начатый разговор, Онегину, осклабя взор, Вручил записку от поэта. К окну Онегин подошел И про себя ее прочел.</p>	<p>He'd spent some time with him with pleasure, And so was not in any measure Surprised next morning when he found, Zaretsky had again called round; The latter, hard upon first greeting, And cutting off Eugene's reply, Presented him, with gloating eye, The poet's note about a 'meeting'. Onegin, taking it, withdrew And by the window read it through.</p>
IX	9
<p>То был приятный, благородный, Короткий вызов, иль картель: Учтиво, с ясностью холодной Звал друга Ленский на дуэль. Онегин с первого движенья, К послу такого порученья Оборотясь, без лишних слов Сказал, что он всегда готов. Зарецкий встал без объяснений; Остаться доле не хотел, Имея дома много дел, И тотчас вышел; но Евгений Наедине с своей душой Был недоволен сам собой.</p>	<p>The note was brief in its correctness, A proper challenge or cartel: Politely, but with cold directness, It called him out and did it well. Onegin, with his first reaction, Quite curtly offered satisfaction And bade the envoy, if he cared, To say that he was quite prepared. Avoiding further explanation, Zaretsky, pleading much to do, Arose... and instantly withdrew. Eugene, once left to contemplation And face to face with his own soul, Felt far from happy with his role.</p>
X	10
<p>И поделом: в разборе строгом, На тайный суд себя призвав, Он обвинял себя во многом: Во-первых, он уж был неправ, Что над любовью робкой, нежной Так подшутил вечер небрежно. А во-вторых: пускай поэт Дурачится: в осьмнадцать лет Оно простительно. Евгений, Всем сердцем юношу любя, Был должен оказать себя Не мячиком предрассуждений, Не пылким мальчиком, бойцом, Но мужем с честью и с умом.</p>	<p>And rightly so: in inquisition, With conscience as his judge of right, He found much wrong in his position: First off, he'd been at fault last night To mock in such a casual fashion At tender love's still timid passion; And why not let the poet rage! A fool, at eighteen years of age, Can be excused his rash intentions. Eugene, who loved the youth at heart, Might well have played a better part- No plaything of the mob's conventions Or brawling boy to take offence, But man of honour and of sense.</p>
XI	11
<p>Он мог бы чувства обнаружить, А не щетиниться, как зверь; Он должен был обезоружить Младое сердце. "Но теперь Уж поздно; время улетело... К тому ж - он мыслит - в это дело Вмешался старый дуэлист; Он зол, он сплетник, он речист... Конечно, быть должно презренье Ценой его забавных слов, Но шепот, хохотня глупцов..." И вот общественное мненье! {38} Пружина чести, наш кумир! И вот на чем вертится мир!</p>	<p>He could have shown some spark of feeling Instead of bristling like a beast; He should have spoken words of healing, Disarmed youth's heart... or tried at least. 'Too late,' he thought, 'the moment's wasted... What's more, that duelling fox has tasted His chance to mix in this affair- That wicked gossip with his flair For jibes... and all his foul dominion. He's hardly worth contempt, I know, But fools will whisper... grin... and crow!...' So there it is-the mob's opinion! The spring with which our honour's wound! The god that makes this world go round!</p>
XII	12
<p>Кипя враждой нетерпеливой, Ответа дома ждет поэт; И вот сосед велеречивый Привез торжественно ответ. Теперь ревнивцу то-то праздник! Он все боялся, чтоб проказник Не отшутился как-нибудь, Уловку выдумав и грудь Отворотив от пистолета. Теперь сомненья решены:</p>	<p>At home the poet, seething, paces And waits impatiently to hear. Then in his babbling neighbour races, The answer in his solemn leer. The jealous poet's mood turned festive! He'd been, till now, uncertain... restive, Afraid the scoundrel might refuse Or laugh it off and, through some ruse, Escape unscathed... the slippery devil!</p>

Они на мельницу должны
Приехать завтра до рассвета,
Взвести друг на друга курок
И метить в ляжку иль в висок.

XIII

Решась кокетку ненавидеть,
Кипящий Ленский не хотел
Пред поединком Ольгу видеть,
На солнце, на часы смотрел,
Махнул рукою напоследок -
И очутился у соседок.
Он думал Оленьку смутить,
Своим приездом поразить;
Не тут-то было: как и прежде,
На встречу бедного певца
Прыгнула Оленька с крыльца,
Подобна ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела,
Ну точно та же, как была.

XIV

"Зачем вечер так рано скрылись?"
Был первый Оленькин вопрос.
Все чувства в Ленском помutilись,
И молча он повесил нос.
Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностию взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой! ..
Он смотрит в сладком умиленье;
Он видит: он еще любим;
Уж он, раскаяньем томим,
Готов просить у ней прощенье,
Трепещет, не находит слов,
Он счастлив, он почти здоров...

XV. XVI. XVII

И вновь задумчивый, унылый
Пред милой Ольгою своей,
Владимир не имеет силы
Вчерашний день напомнить ей;
Он мыслит: "Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнем и вздохов и похвал
Младое сердце искушал;
Чтоб червь презренный, ядовитый
Точил лилеи стебелек;
Чтобы двухтрехдневный цветок
Увял еще полураскрытый".
Все это значило, друзья:
С приятелем стреляюся я.

XVIII

Когда б он знал, какая рана
Моей Татьяны сердце жгла!
Когда бы ведала Татьяна,
Когда бы знать она могла,
Что завтра Ленский и Евгений
Заспорят о могильной сени;
Ах, может быть, ее любовь
Друзей соединила б вновь!
Но этой страсти и случайно
Еще никто не открывал.
Онегин обо всем молчал;
Татьяна изнывала тайно;
Одна бы няня знать могла,
Да недогадлива была.

But now at last his doubts were gone:
Next day, for sure, they'd drive at dawn
Out to the mill, where each would level
A pistol, cocked and lifted high,
To aim at temple or at thigh.

13

Convinced that Olga's heart was cruel,
Vladimir vowed he wouldn't run
To see that flirt before the duel.
He kept consulting watch and sun...
Then gave it up and finally ended
Outside the door of his intended.
He thought she'd blush with self-reproach,
Grow flustered when she saw his coach;
But not at all: as blithe as ever,
She bounded from the porch above
And rushed to greet her rhyming love
Like giddy hope-so gay and clever,
So frisky-carefree with her grin,
She seemed the same she'd always been.

14

"Why did you leave last night so early?" Was all that
Olga, smiling, said. Poor Lensky's muddled mind was
swirling. And silently he hung his head. All jealousy and
rage departed Before that gaze so openhearted, Before
that soft and simple trust, Before that soul so bright
and just! With misty eyes he looks on sweetly And sees
the truth: she loves him yet! Tormented now by deep
regret, He craves her pardon so completely, He
trembles, hunts for words in vain: He's happy now, he's
almost sane...

(15-16) 17

Once more in solemn, rapt attention Before his darling
Olga's face, Vladimir hasn't heart to mention The night
before and what took place; 'It's up to me,' he thought,
'to save her. I'll never let that foul depraver Corrupt her
youthful heart with lies, With fiery praise... and heated
sighs; Nor see that noxious worm devour My lovely lily,
stalk and blade; Nor watch this two-day blossom fade
When it has yet to fully flower.' All this, dear readers,
meant in fine: I'm duelling with a friend of mine.

18

Had Lensky known the deep emotion
That seared my Tanya's wounded heart!
Or had Tatyana had some notion
Of how these two had grown apart,
Or that by morn they'd be debating,
For which of them the grave lay waiting!-
Ah, then, perhaps, the love she bore
Might well have made them friends once more!
But no one knew her inclination
Or chanced upon the sad affair.
Eugene had kept his silent air;
Tatyana pined in isolation;
And only nanny might have guessed,
But her old wits were slow at best.

<p>XIX</p> <p>Весь вечер Ленский был рассеян, То молчалив, то весел вновь; Но тот, кто музою взлелеян, Всегда таков: нахмура бровь, Садился он за клавикорды И брал на них одни аккорды, То, к Ольге взоры устремив, Шептал: не правда ль? я счастлив. Но поздно; время ехать. Сжалось В нем сердце, полное тоской; Прощаясь с девою молодой, Оно как будто разрывалось. Она глядит ему в лицо. "Что с вами?" - Так. - И на крыльцо.</p>	<p>19</p> <p>All evening Lensky was abstracted, Remote one moment, gay the next; But those on whom the Muse has acted Are ever thus; with brow perplexed, He'd sit at clavichord intently And play but chords; or turning gently To Olga, he would whisper low: 'I'm happy, love... it's true, you know.' But now it's late and time for leaving. His heart, so full of pain, drew tight; And as he bid the girl goodnight, He felt it break with desperate grieving. 'What's wrong?' She peered at him, intent. 'It's nothing.' And away he went.</p>
<p>XX</p> <p>Домой приехав, пистолеты Он осмотрел, потом вложил Опять их в ящик и, раздетый, При свечке, Шиллера открыл; Но мысль одна его объемлет; В нем сердце грустное не дремлет: С неизъяснимою красой Он видит Ольгу пред собой. Владимир книгу закрывает, Берет перо; его стихи, Полны любовной чепухи, Звучат и льются. Их читает Он вслух, в лирическом жару, Как Дельвиг пьяный на пиру.</p>	<p>20</p> <p>On coming home, the youth inspected His pistols; then he put them back. Undressed, by candle he selected A book of Schiller's from the rack; But only one bright image holds him, One thought within his heart enfolds him: He sees before him, wondrous fair, His incandescent Olga there. He shuts the book and, with decision, Takes up his pen... His verses ring With all the nonsense lovers sing; And feverish with lyric vision, He reads them out like one possessed, Like drunken Delvig* at a fest!</p>
<p>XXI</p> <p>Стихи на случай сохранились; Я их имею; вот они: "Куда, куда вы удалились, Весны моей златые дни? Что день грядущий мне готовит? Его мой взор напрасно ловит, В глубокой мгле таится он. Нет нужды; прав судьбы закон. Паду ли я, стрелой пронзенный, Иль мимо пролетит она, Все благо: бдения и сна Приходит час определенный; Благословен и день забот, Благословен и тьмы приход!</p>	<p>21</p> <p>By chance those verses haven't vanished; I have them, and I quote them here: 'Ah, whither, whither are ye banished, My springtime's golden days so dear? What fate will morning bring my lyre? In vain my searching eyes enquire, For all lies veiled in misty dust. No matter; fate's decree is just; And whether, pierced, I fall anointed, Or arrow passes by-all's right: The hours of waking and of night Come each in turn as they're appointed; And blest with all its cares the day, And blest the dark that comes to stay!</p>
<p>XXII</p> <p>Блеснет завтра луч денницы И заиграет яркий день; А я, быть может, я гробницы Сойду в таинственную сень, И память юного поэта Поглотит медленная Лета, Забудет мир меня; но ты Придешь ли, дева красоты, Слезу пролить над ранней урной И думать: он меня любил, Он мне единой посвятил Рассвет печальный жизни бурной!.. Сердечный друг, желанный друг, Приди, приди: я твой супруг!.."</p>	<p>22</p> <p>'The morning star will gleam tomorrow, And brilliant day begin to bloom; While I, perhaps, descend in sorrow The secret refuge of the tomb... Slow Lethe, then, with grim insistence, Will drown my memory's brief existence; Of me the world shall soon grow dumb; But thou, fair maiden, wilt thou come! To shed a tear in desolation And think at my untimely grave: He loved me and for me he gave His mournful life in consecration!.. Beloved friend, sweet friend, I wait, Oh, come, Oh, come, I am thy mate!'</p>

XXIII

Так он писал темно и вяло
 (Что романтизмом мы зовем,
 Хоть романтизма тут нямало
 Не вижу я; да что нам в том?)
 И наконец перед зарею,
 Склоняясь усталой головою,
 На модном слове идеал
 Тихонько Ленский задремал;
 Но только сонным обаяньем
 Он позабылся, уж сосед
 В безмолвный входит кабинет
 И будит Ленского воззваньем:
 "Пора вставать: седьмой уж час.
 Онегин верно ждет уж нас".

XXIV

Но ошибался он: Евгений
 Спал в это время мертвым сном.
 Уже редуют ночи тени
 И встречен Вesper петухом;
 Онегин спит себе глубоко.
 Уж солнце катится высоко,
 И перелетная метель
 Блестит и вьется; но постель
 Еще Евгений не покинул,
 Еще над ним летает сон.
 Вот наконец проснулся он
 И полы завеса раздвинул;
 Глядит - и видит, что пора
 Давно уж ехать со двора.

XXV

Он поскорей звонит. Вбегает
 К нему слуга француз Гильо,
 Халат и туфли предлагает
 И подает ему белье.
 Спешит Онегин одеваться,
 Слуге велит приготовляться
 С ним вместе ехать и с собой
 Взять также ящик боевой.
 Готовы санки беговые.
 Он сел, на мельницу летит.
 Примчались. Он слуге велит
 Лепажу {39} стволы роковые
 Нести за ним, а лошадям
 Отъехать в поле к двум дубкам.

XXVI

Опершись на плотину, Ленский
 Давно нетерпеливо ждал;
 Меж тем, механик деревенский,
 Зарецкий жернов осуждал.
 Идет Онегин с извиненьем.
 "Но где же, - молвил с изумленьем
 Зарецкий, - где ваш секундант?"
 В дуэлях классик и педант,
 Любил методу он из чувства,
 И человека растянуть
 Он позволял не как-нибудь,
 Но в строгих правилах искусства,
 По всем преданьям старины
 (Что похвалить мы в нем должны).

23

He wrote thus-limply and obscurely.
 (We say 'romantically'-although,
 That's not romanticism, surely;
 And if it is, who wants to know?)
 But then at last, as it was dawning,
 With drooping head and frequent yawning,
 Upon the modish word 'ideal'
 Vladimir gently dozed for real;
 But sleep had hardly come to take him
 Off to be charmed by dreams and cheered,
 When in that silent room appeared
 His neighbour, calling out to wake him:
 'It's time to rise! Past six... come on!
 I'll bet Onegin woke at dawn.'

24

But he was wrong; that idle sinner
 Was sleeping soundly even then.
 But now the shades of night grow thinner,
 The cock hails Vesper once again;
 Yet still Onegin slumbers deeply.
 But now the sun climbs heaven steeply,
 And gusting snowflakes flash and spin,
 But still Onegin lies within
 And hasn't stirred; still slumber hovers
 Above his bed and holds him fast.
 But now he slowly wakes at last,
 Draws back the curtains and his covers,
 Looks out-and sees with some dismay,
 He'd better leave without delay.

25

He rings in haste and, with a racket, His French valet,
 Guillot, runs in- With slippers and a dressing jacket,
 And fresh new linen from the bin. Onegin, dressing in a
 flurry, Instructs his man as well to hurry: They're
 leaving for the duelling place, Guillot's to fetch the
 pistol case. The sleigh's prepared; his pacing ceases; He
 climbs aboard and off they go. They reach the mill. He
 bids Guillot To bring Lepage's deadly pieces;* Then has
 the horses, on command, Removed to where two
 oaklings stand.

26

Impatient, but in no great panic,
 Vladimir waited near the dam;
 Meanwhile Zaretsky, born mechanic,
 Was carping at the millstone's cam.
 Onegin, late, made explanation.
 Zaretsky frowned in consternation:
 'Good God, man, where's your second? Where?'
 In duels a purist doctrinaire,
 Zaretsky favoured stout reliance
 On proper form; he'd not allow
 Dispatching chaps just anyhow,
 But called for strict and full compliance
 With rules, traditions, ancient ways
 (Which we, of course, in him should praise).

<p>XXVII</p> <p>"Мой секундант? - сказал Евгений, - Вот он: мой друг, monsieur Guillot. Я не предвижу возражений На представление мое: Хоть человек он неизвестный, Но уж конечно малый честный". Зарецкий губу закусил. Онегин Ленского спросил: "Что ж, начинать?" - Начнем, пожалуй, - Сказал Владимир. И пошли За мельницу. Пока вдали Зарецкий наш и честный малый Вступили в важный договор, Враги стоят, потупя взор.</p>	<p>27</p> <p>'My second?' said Eugene directly. 'Why here he is: Monsieur Guillot, A friend of mine, whom you... correctly! Will be quite pleased to greet, I know; Though he's unknown and lives obscurely, He's still an honest chap, most surely.' Zaretsky bit his lip, well vexed. Onegin turned to Lensky next: 'Shall we begin?'- 'At my insistence.' Behind the mill, without a word. And while the 'honest chap' conferred With our Zaretsky at a distance And sealed the solemn compact fast, The foes stood by with eyes downcast.</p>
<p>XXVIII</p> <p>Враги! Давно ли друг от друга Их жажда крови отвела? Давно ль они часы досуга, Трапезу, мысли и дела Делили дружно? Ныне злобно, Врагам наследственным подобно, Как в страшном, непонятном сне, Они друг другу в тишине Готовят гибель хладнокровно... Не засмеяться ль им, пока Не обагрилась их рука, Не разойтись ль полюбовно?.. Но дико светская вражда Боится ложного стыда.</p>	<p>28</p> <p>The foes! How long has bloodlust parted And so estranged these former friends? How long ago did they, warmhearted, Share meals and pastimes, thoughts and ends? And now, malignant in intention, Like ancient foes in mad dissension, As in a dreadful senseless dream, They glower coldly as they scheme In silence to destroy each other... Should they not laugh while yet there's time, Before their hands are stained with crime? Should each not part once more as brother?.. But enmity among their class Holds shame in savage dread, alas.</p>
<p>XXIX</p> <p>Вот пистолеты уж блеснули, Гремит о шомпол молоток. В граненый ствол уходят пули, И щелкнул в первый раз курок. Вот порох струйкой сероватой На полку сыплется. Зубчатый, Надежно ввинченный кремль Взведен еще. За ближний пень Становится Гильо смущенный. Плащи бросают два врага. Зарецкий тридцать два шага Отмерил с точностью отменной, Друзей развел по крайний след, И каждый взял свой пистолет.</p>	<p>29</p> <p>The gleaming pistols wake from drowsing. Against the ramrods mallets pound. The balls go in each bevelled housing. The first sharp hammer clicks resound. Now streams of greyish powder settle Inside the pans. Screwed fast to metal, The jagged flints are set to go. Behind a nearby stump Guillot Takes up his stand in indecision. The duellists shed their cloaks and wait. Zaretsky paces off their fate At thirty steps with fine precision, Then leads each man to where he'll stand, And each takes pistol into hand.</p>
<p>XXX</p> <p>"Теперь сходитесь". Хладнокровно, Еще не целя, два врага Походкой твердой, тихо, ровно Четыре перешли шага, Четыре смертные ступени. Свой пистолет тогда Евгений, Не престаивая наступать, Стал первый тихо подымать. Вот пять шагов еще ступили, И Ленский, жмуря левый глаз, Стал также целить - но как раз Онегин выстрелил... Пробили Часы урочные: поэт Роняет молча пистолет,</p>	<p>30</p> <p>'Approach at will!' Advancing coldly, With quiet, firm, and measured tread, Not aiming yet, the foes took boldly The first four steps that lay ahead- Four fateful steps. The space decreasing, Onegin then, while still not ceasing His slow advance, was first to raise His pistol with a level gaze. Five paces more, while Lensky waited To close one eye and, only then, To take his aim... And that was when Onegin fired! The hour fated Has struck at last: the poet stops And silently his pistol drops.</p>
<p>XXXI</p> <p>На грудь кладет тихонько руку И падает. Туманный взор Изображает смерть, не муку. Так медленно по скату гор, На солнце искрами блистая, Спадает глыба снеговая.</p>	<p>31</p> <p>He lays a hand, as in confusion, On breast and falls. His misted eyes Express not pain, but death's intrusion. Thus, slowly, down a sloping rise, And sparkling in the sunlight's shimmer, A clump of snow will fall and</p>

<p>Мгновенным холодом облит, Онегин к юноше спешит, Глядит, зовет его ... напрасно: Его уж нет. Младой певец Нашел безвременный конец! Дохла буря, цвет прекрасный Увял на утренней заре, Потух огонь на алтаре!..</p>	<p>glimmer. Eugene, in sudden chill, despairs, Runs to the stricken youth... and stares! Calls out his name!-No earthly power Can bring him back: the singer's gone, Cut down by fate at break of dawn! The storm has blown; the lovely flower Has withered with the rising sun; The altar fire is out and done!..</p>
<p>XXXII</p>	<p>32</p>
<p>Недвижим он лежал, и странен Был томный мир его чела. Под грудь он был навилет ранен; Дымясь из раны кровь текла. Тому назад одно мгновенье В сем сердце билось вдохновенье, Вражда, надежда и любовь, Играла жизнь, кипела кровь, - Теперь, как в доме опустелом, Все в нем и тихо и темно; Замолкло навсегда оно. Закрты ставни, окна мелом Забелены. Хозяйки нет. А где, бог весть. Пропал и след.</p>	<p>He lay quite still and past all feeling; His languid brow looked strange at rest. The steaming blood poured forth, revealing The gaping wound beneath his breast. One moment back-a breath's duration- This heart still throbbed with inspiration; Its hatreds, hopes, and loves still beat, Its blood ran hot with life's own heat. But now, as in a house deserted, Inside it-all is hushed and stark, Gone silent and forever dark. The window boards have been inserted, The panes chalked white. The owner's fled; But where, God knows. All trace is dead.</p>
<p>XXXIII</p>	<p>33</p>
<p>Приятно дерзкой эпиграммой Взбесить оплошного врага; Приятно зреть, как он, упрямо Склонив бодливые рога, Невольно в зеркало глядится И узнавать себя стыдится; Приятней, если он, друзья, Завоет сдуру: это я! Еще приятнее в молчанье Ему готовить честный гроб И тихо целить в бледный лоб На благородном расстоянии; Но отослать его к отцам Едва ль приятно будет вам.</p>	<p>With epigrams of spite and daring It's pleasant to provoke a foe; It's pleasant when you see him staring- His stubborn, thrusting horns held low- Unwillingly within the mirror, Ashamed to see himself the clearer; More pleasant yet, my friends, if he Shrieks out in stupid shock: that's me! Still pleasanter is mute insistence On granting him his resting place By shooting at his pallid face From some quite gentlemanly distance. But once you've had your fatal fun, You won't be pleased to see it done.</p>
<p>XXXIV</p>	<p>34</p>
<p>Что ж, если вашим пистолетом Сражен приятель молодой, Нескромным взглядом, иль ответом, Или безделицей иной Вас оскорбивший за бутылкой, Иль даже сам в досаде пылкой Вас гордо вызвавший на бой, Скажите: вашу душу Какое чувство овладеет, Когда недвижим, на земле Пред вами с смертью на челе, Он постепенно костенеет, Когда он глух и молчалив На ваш отчаянный призыв?</p>	<p>And what would be your own reaction If with your pistol you'd struck down A youthful friend for some infraction: A bold reply, too blunt a frown, Some bagatelle when you'd been drinking; Or what if he himself, not thinking, Had called you out in fiery pride? Well, tell me: what would you... inside Be thinking of... or merely feeling, Were your good friend before you now, Stretched out with death upon his brow, His blood by slow degrees congealing, Too deaf and still to make reply To your repeated, desperate cry?</p>
<p>XXXV</p>	<p>35</p>
<p>В тоске сердечных угрызений, Рукою стиснув пистолет, Глядит на Ленского Евгений. "Ну, что ж? убит", - решил сосед. Убит!.. Сим страшным восклицаньем Сражен, Онегин с содроганьем Отходит и людей зовет. Зарецкий бережно кладет На сани труп оледенелый; Домой везет он страшный клад. Почуя мертвого, храпят И бьются кони, пеной белой Стальные мочат удила, И полетели как стрела.</p>	<p>In anguish, with his heart forsaken, The pistol in his hand like lead, Eugene stared down at Lensky, shaken. His neighbour spoke: "Well then, he's dead." The awful word, so lightly uttered, Was like a blow. Onegin shuddered, Then called his men and walked away. Zaretsky, carefully, then lay The frozen corpse on sleigh, preparing To drive the body home once more. Sensing the dreadful load they bore, The horses neighed, their nostrils flaring, And wet the metal bit with foam, Then swift as arrows raced for home.</p>

<p>XXXVI</p> <p>Друзья мои, вам жаль поэта: Во цвете радостных надежд, Их не свершив еще для света, Чуть из младенческих одежд, Увял! Где жаркое волнение, Где благородное стремление И чувств и мыслей молодых, Высоких, нежных, удалых? Где бурные любви желанья, И жажда знаний и труда, И страх порока и стыда, И вы, заветные мечтанья, Вы, призрак жизни неземной, Вы, сны поэзии святой!</p> <p>XXXVII</p> <p>Быть может, он для блага мира Иль хоть для славы был рожден; Его умолкнувшая лира Гремучий, непрерывный звон В веках поднять могла. Поэта, Быть может, на ступенях света Ждала высокая ступень. Его страдальческая тень, Быть может, унесла с собою Святую тайну, и для нас Погиб животворящий глас, И за могильною чертою К ней не домчится гимн времен, Благословение племен.</p> <p>XXXVIII. XXXIX</p> <p>А может быть и то: поэта Обыкновенный ждал удел. Прошли бы юношества лета: В нем пыл души бы охладел. Во многом он бы изменился, Расстался б с музами, женился, В деревне, счастлив и рогат, Носил бы стеганный халат; Узнал бы жизнь на самом деле, Подагру б в сорок лет имел, Пил, ел, скучал, толстел, хирел, И наконец в своей постеле Скончался б посреди детей, Плаксивых баб и лекарей.</p> <p>XL</p> <p>Но что бы ни было, читатель, Увы, любовник молодой, Поэт, задумчивый мечтатель, Убит приятельской рукой! Есть место: влево от селенья, Где жил питомец вдохновенья, Две сосны корнями срослись; Под ними струйки извились Ручья соседственной долины. Там пахарь любит отдыхать, И жницы в волны погружать Приходят звонкие кувшины; Там у ручья в тени густой Поставлен памятник простой.</p> <p>XLI</p> <p>Под ним (как начинает капать Весенний дождь на злак полей) Пастух, плетя свой пестрый лапоть, Поет про волжских рыбарей;</p>	<p>36</p> <p>You mourn the poet, friends... and rightly: Scarce out of infant clothes and killed! Those joyous hopes that bloomed so brightly Now doomed to wither unfulfilled! Where now the ardent agitation, The fine and noble aspiration Of youthful feeling, youthful thought, Exalted, tender, boldly wrought? And where are stormy love's desires, The thirst for knowledge, work, and fame, The dread of vice, the fear of shame? And where are you, poetic fires, You cherished dreams of sacred worth And pledge of life beyond this earth!</p> <p>37</p> <p>It may be he was born to fire The world with good, or earn at least A gloried name; his silenced lyre Might well have raised, before it ceased, A call to ring throughout the ages. Perhaps, upon the world's great stages, He might have scaled a lofty height. His martyred shade, condemned to night, Perhaps has carried off forever Some sacred truth, a living word, Now doomed by death to pass unheard; And in the tomb his shade shall never Receive our race's hymns of praise, Nor hear the ages bless his days.</p> <p>(38) 39</p> <p>Or maybe he was merely fated To live amid the common tide; And as his years of youth abated, The flame within him would have died. In time he might have changed profoundly, Have quit the Muses, married soundly; And in the country he'd have worn A quilted gown and cuckold's horn, And happy, he'd have learned life truly; At forty he'd have had the gout, Have eaten, drunk, grown bored and stout, And so decayed, until he duly Passed on in bed... his children round, While women wept and doctors frowned.</p> <p>40</p> <p>However, reader, we may wonder... The youthful lover's voice is stilled, His dreams and songs all rent asunder; And he, alas, by friend lies killed! Not far from where the youth once flourished There lies a spot the poet cherished: Two pine trees grow there, roots entwined; Beneath them quiet streamlets wind, Meandering from the nearby valley. And there the ploughman rests at will And women reapers come to fill Their pitchers in the stream and dally; There too, within a shaded nook, A simple stone adjoins the brook.</p> <p>41</p> <p>Sometimes a shepherd sits there waiting (Till on the fields, spring rains have passed) And sings of Volga fishers, plaiting</p>
---	---

И горожанка молодая,
В деревне лето провождая,
Когда стремглав верхом она
Несется по полям одна,
Коня пред ним останавливает,
Ремянный повод натянув,
И, флер от шляпы отвернув,
Глазами беглыми читает
Простую надпись - и слеза
Туманит нежные глаза.

XLII

И шагом едет в чистом поле,
В мечтанья погружаясь, она;
Душа в ней долго поневоле
Судьбою Ленского полна;
И мыслит: "Что-то с Ольгой стало?
В ней сердце долго ли страдало,
Иль скоро слез прошла пора?
И где теперь ее сестра?
И где ж беглец людей и света,
Красавиц модных модный враг,
Где этот пасмурный чудак,
Убийца юного поэта?"
Со временем отчет я вам
Подробно обо всем отдам,

XLIII

Но не теперь. Хоть я сердечно
Люблю героя моего,
Хоть возвращусь к нему, конечно,
Но мне теперь не до него.
Лета к суровой прозе клонят,
Лета шалунью рифму гонят,
И я - со вздохом признаюсь -
За ней ленивей волочусь.
Перу старинной нет охоты
Марать летучие листы;
Другие, хладные мечты,
Другие, строгие заботы
И в шуме света и в тиши
Тревожат сон моей души.

XLIV

Познал я глас иных желаний,
Познал я новую печаль;
Для первых нет мне упований,
А старой мне печали жаль.
Мечты, мечты! где ваша сладость?
Где, вечная к ней рифма, младость?
Ужель и вправду наконец
Увял, увял ее венец?
Ужель и впрям и в самом деле
Без элегических затей
Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

XLV

Так, полдень мой настал, и нужно
Мне в том сознаться, вижу я.
Но так и быть: простимся дружно,
О юность легкая моя!
Благодарю за наслажденья,
За грусть, за милые мученья,
За шум, за бури, за пиры,
За все, за все твои дары;
Благодарю тебя. Тобою,
Среди тревог и в тишине,
Я наслаждался... и вполне;
Довольно! С ясною душою
Пускаюсь ныне в новый путь
От жизни прошлой отдохнуть.

His simple, coloured shoes of bast;
Or some young girl from town who's spending
Her summer in the country mending-
When headlong and alone on horse
She races down the meadow course,
Will draw her leather reins up tightly
To halt just there her panting steed;
And lifting up her veil, she'll read
The plain inscription, skimming lightly;
And as she reads, a tear will rise
And softly dim her gentle eyes.

42

And at a walk she'll ride, dejected, Into the open field
to gaze, Her soul, despite herself, infected By Lensky's
brief, ill-fated days. She'll wonder too: 'Did Olga
languish? Her heart consumed with lasting anguish? Or
did the time of tears soon pass? And where's her sister
now, poor lass? And where that gloomy, strange
betrayer, The modish beauty's modish foe, That recluse
from the world we know- The youthful poet's friend and
slayer?' In time, I promise, I'll not fail To tell you all in
full detail.

43

But not today. Although I cherish
My hero and of course I vow
To see how he may wane or flourish,
I'm not quite in the mood just now.
The years to solemn prose incline me;
The years chase playful rhyme behind me,
And I-alas, I must confess-
Pursue her now a good deal less.
My pen has lost its disposition
To mar the fleeting page with verse;
For other, colder dreams I nurse,
And sterner cares now seek admission;
And mid the hum and hush of life,
They haunt my soul with dreams of strife.

44

I've learned the voice of new desires And come to
know a new regret; The first within me light no fires,
And I lament old sorrows yet.
O dreams! Where has your sweetness vanished? And
where has youth (glib rhyme) been banished? Can it be
true, its bloom has passed,
Has withered, withered now at last? Can it be true, my
heyday's ended- All elegiac play aside- That now indeed
my spring has died (As I in jest so oft pretended)? And is
there no return of youth? Shall I be thirty soon, in truth?

45

And so, life's afternoon has started, As I must now
admit, I see. But let us then as friends be parted, My
sparkling youth, before you flee!

I thank you for your host of treasures, For pain and
grief as well as pleasures, For storms and feasts and
worldly noise, For all your gifts and all your joys;
My thanks to you. With you I've tasted, Amid the
tumult and the still, Life's essence... and enjoyed my
fill. Enough! Clear-souled and far from wasted, I start
upon an untrod way To take my rest from yesterday.

<p>XLVI</p> <p>Дай оглянись. Простите ж, сени, Где дни мои текли в глуши, Исполнены страстей и лени И снов задумчивой души. А ты, младое вдохновенье, Волнуй мое воображенье, Дремоту сердца оживляй, В мой угол чаще прилетай, Не дай остыть душе поэта, Ожесточиться, очерстветь, И наконец окаменеть В мертвящем упоенье света, В сем омуте, где с вами я Купаюсь, милые друзья! {40}</p> <p>ГЛАВА СЕДЬМАЯ</p> <p>Москва, России дочь любима, Где равную тебе сыскать?</p> <p>Дмитриев.</p> <p>Как не любить родной Москвы?</p> <p>Баратынский.</p> <p>Гоненье на Москву! что значит видеть свет! Где ж лучше? Где нас нет.</p> <p>Грибоедов.</p> <p>I</p> <p>Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями На потопленные луга. Улыбкой ясною природа Сквозь сон встречает утро года: Синея блещут небеса. Еще прозрачные, леса Как будто пухом зеленеют. Пчела за данью полевой Летит из кельи восковой. Долины сохнут и пестреют; Стада шумят, и соловей Уж пел в безмолвии ночей.</p> <p>II</p> <p>Как грустно мне твое явленье, Весна, весна! пора любви! Какое томное волненье В моей душе, в моей крови! С каким тяжелым умилением Я наслаждаюсь дуновеньем В лицо мне веющей весны На лоне сельской тишины! Или мне чуждо наслажденье, И все, что радует, живит, Все, что ликует и блестит Наводит скуку и томленье На душу мертвую давно И все ей кажется темно?</p> <p>III</p> <p>Или, не радуясь возврату Погибших осенью листов, Мы помним горькую утрату, Внимая новый шум лесов; Или с природой оживленной Сближаем думою смущенной Мы увяданье наших лет, Которым возрожденья нет?</p>	<p>46</p> <p>But one glance back. Farewell, you bowers, Sweet wilderness in which I spent Impassioned days and idle hours, And filled my soul with dreams, content. And you, my youthful inspiration, Come stir the bleak imagination, Enrich the slumbering heart's dull load, More often visit my abode; Let not the poet's soul grow bitter Or harden and congeal alone, To turn at last to lifeless stone Amid this world's deceptive glitter, This swirling swamp in which we lie And wallow, friends, both you and I!</p> <p>Chapter 7</p> <p>Moscow! Russia's favourite daughter! Where is your equal to be found! Dmitriev Can one not love our native Moscow? Baratynsky 'Speak ill of Moscow! So this is what it means to see the world! Where is it better, then?' 'Where we are not.' Griboedov</p> <p>1</p> <p>Spring rays at last begin to muster And chase from nearby hills the snow, Whose turbid streams flow down and cluster To inundate the fields below. And drowsy nature, smiling lightly, Now greets the dawning season brightly. The heavens sparkle now with blue; The still transparent woods renew Their downy green and start to thicken. The bee flies out from waxen cell To claim its meed from field and dell. The vales grow dry and colours quicken; The cattle low; and by the moon The nightingale pours forth its tune.</p> <p>2</p> <p>How sad I find your apparition, O spring!... ? time of love's unrest! What sombre echoes of ambition Then stir my blood and fill my breast! What tender and oppressive yearning Possesses me on spring's returning, When in some quiet rural place I feel her breath upon my face! Or am I now inured to gladness; And all that quickens and excites, That sparkles, triumphs, and delights Casts only spleen and languid sadness On one whose heart has long been dead, For whom but darkness lies ahead?</p> <p>3</p> <p>Or saddened by the re-emergence Of leaves that perished in the fall, We heed the rustling wood's resurgence, As bitter losses we recall; Or do we mark with lamentation How nature's lively renovation Compares with our own fading youth, For which no</p>
---	---

<p>Быть может, в мысли нам приходит Средь поэтического сна Иная, старая весна И в трепет сердце нам приводит Мечтой о дальней стороне, О чудной ночи, о луне...</p> <p>IV</p> <p>Вот время: добрые ленивцы, Эпикурейцы-мудрецы, Вы, равнодушные счастливыцы, Вы, школы Левшина {41} птенцы, Вы, деревенские Приамы, И вы, чувствительные дамы, Весна в деревню вас зовет, Пора тепла, цветов, работ, Пора гуляний вдохновенных И соблазнительных ночей. В поля, друзья! скорей, скорей, В каретах, тяжко нагруженных, На долгих иль на почтовых Тянитесь из застав градских.</p> <p>V</p> <p>И вы, читатель благосклонный, В своей коляске выписной Оставьте град неугомонный, Где веселились вы зимой; С моею музой своенравной Пойдемте слушать шум дубравный Над безыменной рекой В деревне, где Евгений мой, Отшельник праздный и унылый, Еще недавно жил зимой В соседстве Тани молодой, Моей мечтательницы милой, Но где его теперь уж нет... Где грустный он оставил след.</p> <p>VI</p> <p>Меж гор, лежащих полукругом, Пойдем туда, где ручеек, Виясь, бежит зеленым лугом К реке сквозь липовый лесок. Там соловей, весны любовник, Всю ночь поет; цветет шиповник, И слышен говор ключевой, - Там виден камень гробовой В тени двух сосен устарелых. Пришельцу надпись говорит: "Владимир Ленский здесь лежит, Погибший рано смертью смелых, В такой-то год, таких-то лет. Покойся, юноша-поэт!"</p> <p>VII</p> <p>На ветви сосны преклоненной, Бывало, ранний ветерок Над этой урною смиренной Качал таинственный веночек. Бывало, в поздние досуги Сюда ходили две подруги, И на могиле при луне, Обнявшись, плакали оне. Но ныне... памятник унылый Забыт. К нему привычный след Заглох. Венка на ветви нет; Один, под ним, седой и хилый Пастух по-прежнему поет И обувь бедную плетет.</p>	<p>spring will come, in truth? Perhaps in thought we reassemble, Within a dream to which we cling, Some other and more ancient spring, That sets the aching heart atremble With visions of some distant place, A magic night, the moon's embrace...</p> <p>4</p> <p>Now is the time, you hibernators, You epicures and sages, you; You fortunate procrastinators, You fledglings from our Lyovshin's crew,* You rustic Priams from the cities, And you, my sentimental pretties- Spring calls you to your country seat; It's time for flowers, labours, heat, Those heady walks for which you're thirsting, And soft seductive nights as well. Into the fields, my friends, pell-mell! Load up your carriages to bursting, Bring out your own or rent a horse, And far from town now set your course!</p> <p>5</p> <p>You too, indulgent reader, hurry In your imported coach, I pray, To leave the city with its flurry, Where you spent wintertime in play; And with my wilful Muse let's hustle To where the leafy woodlands rustle- A nameless river's placid scene, The country place where my Eugene, That idle and reclusive schemer, But recently this winter stayed, Not far from our unhappy maid, Young Tanya, my enchanted dreamer; But where he now no longer reigns... Where only his sad trace remains.</p> <p>6</p> <p>Where hills half circle round a valley, Let's trace a winding brooklet's flow Through greening fields, and watch it dally Beside a spot where lindens grow. And there the nightingale, spring's lover, Sings out till dawn; a crimson cover Of briar blooms, and freshets sound. There too a tombstone can be found Beneath two pine trees, old for ages. Its legend lets the stranger know: 'Vladimir Lensky lies below. He died too soon... his death courageous, At such an age, in such a year. Repose in peace, young poet, here!'</p> <p>7</p> <p>There was a time when breezes playing Among the pines would gently turn A secret wreath that hung there swaying Upon a bough above that urn; And sometimes in the evening hours Two maidens used to come with flowers, And by the moonlit grave they kept Their vigil and, embracing, wept. But now the monument stands dreary And quite forgot. Its pathway now- All weeds. No wreath is on the bough; Alone the shepherd, grey and weary, Beneath it sings as in the past and plaits his simple shoes of bast.</p>
--	---

<p>VIII. IX. X</p> <p>Мой бедный Ленский! изнывая, Не долго плакала она. Увы! невеста молодая Своей печали неверна. Другой увлек ее вниманье, Другой успел ее страданье Любовной лестью усыпить, Улан умел ее пленить, Улан любим ее душою... И вот уж с ним пред алтарем Она стыдливо под венцом Стоит с поникшей головою, С огнем в потупленных очах, С улыбкой легкой на устах.</p> <p>XI</p> <p>Мой бедный Ленский! за могилой В пределах вечности глухой Смутился ли, певец унылый, Измены вестью роковой, Или над Летой усыпленный Поэт, бесчувствием блаженный, Уж не смущается ничем, И мир ему закрыт и нем?.. Так! равнодушно забвенью За гробом ожидает нас. Врагов, друзей, любовник глас Вдруг молкнет. Про одно именье Наследников сердитый хор Заводит непристойный спор.</p> <p>XII</p> <p>И скоро звонкий голос Оли В семействе Лариных умолк. Улан, своей невольник доли, Был должен ехать с нею в полк. Слезами горько обливаясь, Старушка, с дочерью прощаясь, Казалось, чуть жива была, Но Таня плакать не могла; Лишь смертной бледностью покрылось Ее печальное лицо. Когда все вышли на крыльцо, И все, прощаясь, суетилось Вокруг кареты молодых, Татьяна проводила их.</p> <p>XIII</p> <p>И долго, будто сквозь тумана, Она глядела им вослед... И вот одна, одна Татьяна! Увы! подруга стольких лет, Ее голубка молодая, Ее наперсница родная, Судьбою вдали занесена, С ней навсегда разлучена. Как тень она без цели бродит, То смотрит в опустелый сад... Нигде, ни в чем ей нет отрад, И облегченья не находит Она подавленным слезам, И сердце рвется пополам.</p> <p>XIV</p> <p>И в одиночестве жестоком Сильнее страсть ее горит, И об Онегине далеко Ей сердце громче говорит. Она его не будет видеть; Она должна в нем ненавидеть Убийцу брата своего; Поэт погиб... но уж его Никто не помнит, уж другому Его невеста отдалась.</p>	<p>(8-9) 10</p> <p>My poor, poor Lensky! Yes, she mourned him; Although her tears were all too brief! Alas! His fiancée has scorned him And proved unfaithful to her grief. Another captured her affection, Another with his love's perfection Has lulled her wretchedness to sleep: A lancer has enthralled her deep, A lancer whom she loves with passion; And at the altar by his side, She stands beneath the crown a bride, Her head bent down in modest fashion, Her lowered eyes aflame the while, And on her lips a slender smile.</p> <p>11</p> <p>Poor Lensky! In his place of resting, In deaf eternity's grim shade, Did he, sad bard, awake protesting The fateful news, he'd been betrayed? Or lulled by Lethe, has he slumbered, His blissful spirit unencumbered By feelings and perturbed no more, His world a closed and silent door? Just so! The tomb that lies before us Holds but oblivion in the end. The voice of lover, foe, and friend Falls silent fast. Alone the chorus Of angry heirs in hot debate Contests obscenely our estate.</p> <p>12</p> <p>Soon Olga's happy voice and beauty No longer cheered the family group. A captive of his lot and duty, Her lancer had to join his troop. Dame Larin's eyes began to water As she embraced her younger daughter And, scarce alive, cried out goodbye. But Tanya found she couldn't cry; A deathly pallor merely covered Her stricken face. When all came out Onto the porch and fussed about While taking leave, Tatyana hovered Beside the couple's coach below, Then sadly saw the lovers go.</p> <p>13</p> <p>And long she watched the road they'd taken, As through a mist of stifled tears... Now Tanya is alone, forsaken! Companion of so many years, The darling sister whom she'd nourished, The bosom friend she'd always cherished- Now carried off by fate, a bride, Forever parted from her side. She roams in aimless desolation, Now gazes at the vacant park... But all seems joyless, bleak and dark; There's nothing offers consolation Or brings her smothered tears relief; Her heart is rent in two by grief.</p> <p>14</p> <p>And in the solitude her passion Burns even stronger than before, Her heart speaks out in urgent fashion Of faraway Eugene the more. She'll never see him... and be grateful, She finds a brother's slayer hateful And loathes the awful thing he's done. The poet's gone... and hardly one Remembers him; his bride's devotion</p>
--	---

<p>Поэта память пронеслась Как дым по небу голубому, О нем два сердца, может быть, Еще грустят... На что грустить?..</p> <p>XV</p> <p>Был вечер. Небо меркло. Воды Струились тихо. Жук жужжал. Уж расходились хороводы; Уж за рекой, дымясь, пылал Огонь рыбачий. В поле чистом, Луны при свете серебристом, В свои мечты погружена, Татьяна долго шла одна. Шла, шла. И вдруг перед собою С холма господский видит дом, Селенье, рощу под холмом И сад над светлою рекою. Она глядит - и сердце в ней Забилось чаще и сильнее.</p> <p>XVI</p> <p>Ее сомнения смущают: "Пойду ль вперед, пойду ль назад?.. Его здесь нет. Меня не знают... Взгляну на дом, на этот сад". И вот с холма Татьяна сходит, Едва дыша; кругом обводит Недоуменья полный взор... И входит на пустынный двор. К ней, лая, кинулись собаки. На крик испуганный ея Ребят дворовая семья Сбежалась шумно. Не без драки Мальчишки разогнали псов, Взяв барышню под свой покров.</p> <p>XVII</p> <p>"Увидеть барской дом нельзя ли?" - Спросила Таня. Поскорей К Анисье дети побежали У ней ключи взять от сеней; Анисья тотчас к ней явилась, И дверь пред ними отворилась, И Таня входит в дом пустой, Где жил недавно наш герой. Она глядит: забытый в зале Кий на бильярде отдыхал, На смятом канapé лежал Манежный хлыстик. Таня дале: Старушка ей: "А вот камин; Здесь барин сиживал один.</p> <p>XVIII</p> <p>Здесь с ним обедал зимою Покойный Ленский, наш сосед. Сюда пожалуйте, за мною. Вот это барский кабинет; Здесь почивал он, кофей кушал, Приказчика доклады слушал И книжку поутру читал... И старый барин здесь живал; Со мной, бывало, в воскресенье, Здесь под окном, надев очки, Играть изволил в дурачки. Дай бог душе его спасенье, А косточкам его покой В могиле, в мать-земле сырой!"</p>	<p>Has flown to someone else instead; His very memory now has fled Like smoke across an azure ocean. Two hearts, perhaps, remain forlorn And mourn him yet... But wherefore mourn?</p> <p>15</p> <p>'Twas evening and the heavens darkled. A beetle hummed. The peasant choirs Were bound for home. Still waters sparkled. Across the river, smoky fires Of fishermen were dimly gleaming. Tatyana walked, alone and dreaming, Beneath the moonbeams' silver light And climbed a gentle hill by night. She walked and walked... till with a shiver She spied a distant hamlet's glow, A manor house and grove below, A garden by the glinting river. And as she gazed upon that place Her pounding heart began to race.</p> <p>16</p> <p>Assailed by doubts, she grew dejected: 'Should I go on, turn back, or what? He isn't here, I'm not expected... I'll glance at house and garden plot.' And so, scarce breathing, down she hastened And looked about, perplexed and chastened To find herself at his estate... She entered the deserted gate. A pack of barking dogs chased round her; And at her frightened cry a troop Of household urchins with a whoop Came rushing quickly to surround her. They made the barking hounds obey, Then led the lady, safe, away.</p> <p>17</p> <p>'May I just see the house, I wonder?' Asked Tanya... and the children leapt To find Anisya and to plunder The household keys she always kept. Anisya came in just a second, And soon the open doorway beckoned. She stepped inside the empty shell Where once our hero used to dwell. She found a cue left unattended Upon the table after play, And on a rumpled sofa lay His riding crop. And on she wended. 'And here's the hearth,' spoke up the crone, 'Where master used to sit alone.</p> <p>18</p> <p>Our neighbour Lensky, lately buried, Would dine with him in winter here. Come this way, please... but don't feel hurried. And here's the master's study, dear; He slept, took coffee in these quarters, Would hear the bailiff, give his orders, And mornings read some book right through... My former master lived here too; On Sundays at his window station, His glasses on, he'd deign to play Some cards with me to pass the day. God grant his mortal soul salvation, And may his dear old bones be blest</p>
--	--

<p>XIX</p> <p>Татьяна взором умиленным Вокруг себя на все глядит, И все ей кажется бесценным, Все душу томную живит Полумучительной отрадой: И стол с померкшею лампадой, И гряда книг, и под окном Кровать, покрытая ковром, И вид в окно сквозь сумрак лунный, И этот бледный полусвет, И лорда Байрона портрет, И столбик с куклою чугунной Под шляпой с пасмурным челом, С руками, сжатыми крестом.</p>	<p>In Mother Earth where he's at rest.'</p> <p>19</p> <p>Tatyana looks in melting pleasure At everything around the room; She finds it all a priceless treasure, A painful joy that lifts her gloom And leaves her languid soul ignited: The desk, the lamp that stands unlighted, The heap of books, the carpet spread Before the window on the bed, That semi-light, so pale and solemn, The view outdoors-the lunar pall, Lord Byron's portrait on the wall, The iron bust* upon its column- With clouded brow beneath a hat, The arms compressed and folded flat.</p>
<p>XX</p> <p>Татьяна долго в келье модной Как очарована стоит. Но поздно. Ветер встал холодный. Темно в долине. Роща спит Над отуманенной рекою; Луна сокрылась за горою, И пилигримке молодой Пора, давно пора домой. И Таня, скрыв свое волнение, Не без того, чтоб не вздохнуть, Пускается в обратный путь. Но прежде просит позволения Пустынный замок навещать, Чтоб книжки здесь одной читать.</p>	<p>20</p> <p>And long she stood, bewitched and glowing, Inside that modish bachelor cell. But now it's late. The winds are blowing, It's cold and dark within the dell. The grove's asleep above the river, Behind the hill the moon's a sliver; And now it's time, indeed long past, That our young pilgrim leave at last. Concealing her wrought-up condition, Though not without a heartfelt sigh, Tatyana turns to say goodbye, But, taking leave, requests permission To see the vacant house alone And read the books he'd called his own.</p>
<p>XXI</p> <p>Татьяна с ключницей простилась За воротами. Через день Уж утром рано вновь явилась Она в оставленную сень. И в молчаливом кабинете, Забыв на время все на свете, Осталась наконец одна, И долго плакала она. Потом за книги принялася. Сперва ей было не до них, Но показался выбор их Ей странен. Чтенью предалася Татьяна жадною душой; И ей открылся мир иной.</p>	<p>21</p> <p>Outside the gate Tatyana parted From old Anisya. Next day then, She rose at dawn and off she started To see the empty house again; And once inside that silent study, Sealed off at last from everybody, The world for just a time forgot, Tatyana wept and mourned her lot... Then turned to see the books he'd favoured. At first she didn't wish to read, The choice of books seemed strange indeed; But soon her thirsting spirit savoured The mystery that those pages told- And watched a different world unfold.</p>
<p>XXII</p> <p>Хотя мы знаем, что Евгений Издавна чтение разлюбил, Однако ж несколько творений Он из опалы исключил: Певца Гяура и Жуана Да с ним еще два-три романа, В которых отразился век И современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно, С его озлобленным умом, Кипящим в действии пухом.</p>	<p>22</p> <p>Although Onegin's inclination For books had vanished, as we know, He did exempt from condemnation Some works and authors even so: The bard of Juan and the Giaour,* And some few novels done with power, In which our age is well displayed And modern man himself portrayed With something of his true complexion- With his immoral soul disclosed, His arid vanity exposed, His endless bent for deep reflection, His cold, embittered mind that seems To waste itself in empty schemes.</p>
<p>XXIII</p> <p>Хранили многие страницы Отметку резкую ногтей; Глаза внимательной девицы Устремлены на них живей. Татьяна видит с трепетаньем, Какою мыслью, замечаем Бывал Онегин поражен, В чем молча соглашался он.</p>	<p>23</p> <p>Some pages still preserved the traces Where fingernails had sharply pressed; The girl's attentive eye embraces These lines more quickly than the rest. And Tanya sees with trepidation The kind of thought or observation To which Eugene paid special heed, Or</p>

На их полях она встречает
 Черты его карандаша.
 Везде Онегина душа
 Себя невольно выражает
 То кратким словом, то крестом,
 То вопросительным крючком.

XXIV

И начинает понемногу
 Моя Татьяна понимать
 Теперь яснее - слава богу -
 Того, по ком она вздыхать
 Осуждена судьбою властной:
 Чудак печальный и опасный,
 Созданье ада иль небес,
 Сей ангел, сей надменный бес,
 Что ж он? Ужели подражанье,
 Ничтожный призрак, иль еще
 Москвич в Гарольдовом плаще,
 Чужих причуд истолкованье,
 Слов модных полный лексикон?..
 Уж не пародия ли он?

XXV

Ужель загадку разрешила?
 Ужели слово найдено?
 Часы бегут; она забыла,
 Что дома ждут ее давно,
 Где собрались два соседа
 И где об ней идет беседа.
 - Как быть? Татьяна не дитя, -
 Старушка молвила кряхтя. -
 Ведь Оленька ее моложе.
 Пристроить девушку, ей-ей,
 Пора; а что мне делать с ней?
 Всем наотрез одно и то же:
 Нейду. И все грустит она,
 Да бродит по лесам одна.

XXVI

"Не влюблена ль она?" - В кого же?
 Буянов сватался: отказ.
 Ивану Петушкову - тоже.
 Гусар Пыхтин гостил у нас;
 Уж как он Танюю прельщался,
 Как мелким бесом рассыпался!
 Я думала: пойдет авось;
 Куда! и снова дело врозь. -
 "Что ж, матушка? за чем же стало?
 В Москву, на ярманку невест!
 Там, слышно, много праздных мест".
 - Ох, мой отец! доходу мало. -
 "Довольно для одной зимы,
 Не то уж дам хоть я займы".

XXVII

Старушка очень полюбила
 Совет разумный и благой;
 Сочлась - и тут же положила
 В Москву отправиться зимой.
 И Таня слышит новость эту.
 На суд взыскательному свету
 Представить ясные черты
 Провинциальной простоты,
 И запоздалые наряды,
 И запоздалый склад речей;
 Московских франтов и цирцей
 Привлечь насмешливые взгляды!..
 О страх! нет, лучше и верней
 В глуши лесов остаться ей.

where he'd tacitly agreed.
 And in the margins she inspected
 His pencil marks with special care;
 And on those pages everywhere
 She found Onegin's soul reflected-
 In crosses or a jotted note,
 Or in the question mark he wrote.

24

And so, in slow but growing fashion
 My Tanya starts to understand
 More clearly now-thank God-her passion
 And him for whom, by fate's command,
 She'd been condemned to feel desire:
 That dangerous and sad pariah,
 That work of heaven or of hell,
 That angel... and proud fiend as well.
 What was he then? An imitation?
 An empty phantom or a joke,
 A Muscovite in Harold's cloak,
 Compendium of affectation,
 A lexicon of words in vogue...
 Mere parody and just a rogue?

25

Can she have solved the riddle's power?
 Can she have found the final clue?
 She hardly notes how late the hour,
 And back at home she's overdue-
 Where two old friends in conversation
 Speak out on Tanya's situation:
 'What can I do? Tatyana's grown,'
 Dame Larin muttered with a moan.
 'Her younger sister married neatly;
 It's time that she were settled too,
 I swear I don't know what to do;
 She turns all offers down completely,
 Just says: "I can't", then broods away,
 And wanders through those woods all day.'

26

'Is she in love?-'With whom, I wonder?
 Buyanov tried: she turned him down.
 And Petushkov as well went under.
 Pykhtin the lancer came from town
 To stay with us and seemed transported;
 My word, that little devil courted!
 I thought she might accept him then;
 But no! the deal fell through again.'
 'Why, my dear lady, what's the bother?
 To Moscow and the marriage mart!
 They've vacancies galore... take heart!
 'But I've so little income, father.'
 'Sufficient for one winter's stay;
 Or borrow then from me, let's say.'

27

The good old lady was delighted
 To hear such sensible advice;
 She checked her funds and then decided,
 A Moscow winter would be nice.
 Tatyana heard the news morosely-
 The haughty world would watch her closely
 And judge her harshly from the start:
 Her simple, open country heart
 And country dress would find no mercy;
 And antiquated turns of phrase
 Were sure to bring a mocking gaze
 From every Moscow fop and Circe!
 O horrors! No, she'd better stay
 Safe in her woods and never stray.

<p>XXVIII</p> <p>Вставая с первыми лучами, Теперь она в поля спешит И, умиленными очами Их озирая, говорит: "Простите, мирные долины, И вы, знакомых гор вершины, И вы, знакомые леса; Прости, небесная краса, Прости, веселая природа; Меняю милый, тихий свет На шум блистательных сует... Прости ж и ты, моя свобода! Куда, зачем стремлюся я? Что мне сулит судьба моя?"</p>	<p>28</p> <p>With dawn's first rays Tatyana races Out to the open fields to sigh; And gazing softly, she embraces The world she loves and says goodbye: 'Farewell, my peaceful vales and fountains! Farewell, you too, familiar mountains And woods where once I used to roam! Farewell, celestial beauty's home, Farewell, fond nature, where I flourished! I leave your world of quiet joys For empty glitter, fuss, and noise! Farewell, my freedom, deeply cherished! Oh, where and why do I now flee? And what does Fate prepare for me?"</p>
<p>XXIX</p> <p>Ее прогулки длятся доле. Теперь то холмик, то ручей Остановляют поневоле Татьяну прелестью своей. Она, как с давними друзьями, С своими рощами, лугами Еще беседовать спешит. Но лето быстрое летит. Настала осень золотая. Природа трепетна, бледна, Как жертва, пышно убрана... Вот север, тучи нагоняя, Дохнул, завыл - и вот сама Идет волшебница зима.</p>	<p>29</p> <p>And all that final summer season Her walks were long; a brook or knoll Would stop her now for no good reason Except to charm her thirsting soul. As with old friends, she keeps returning To all her groves and meadows, yearning To talk once more and say goodbye. But quickly summer seems to fly, The golden autumn now arriving. Now nature, tremulous, turns pale- A victim draped in lavish veil... The North now howls, the winds are driving The clouds before them far and near: That sorceress the winter's here!</p>
<p>XXX</p> <p>Пришла, рассыпалась; клоками Повисла на суках дубов; Легла волнистыми коврами Среди полей, вокруг холмов; Брега с недвижною рекою Сравняла пухлой пеленою; Блеснул мороз. И рады мы Проказам матушки зимы. Не радо ей лишь сердце Тани. Нейдет она зиму встречать, Морозной пылью подышать И первым снегом с кровли бани Умыть лицо, плеча и грудь: Татьяне страшен зимний путь.</p>	<p>30</p> <p>She's spread herself through field and fountain, And hung the limbs of oaks with white; She lies atop the farthest mountain In wavy carpets glistening bright; She's levelled with a fluffy blanket Both river and the shores that flank it. The frost has gleamed, and we give thanks For Mother Winter's happy pranks. But Tanya's heart is far from captured: She doesn't greet the winter's glow, Inhale the frostdust, gather snow From bathhouse roof to wash, enraptured, Her shoulders, face, and breast. With dread She views the winter path ahead.</p>
<p>XXXI</p> <p>Отъезда день давно просрочен, Проходит и последний срок. Осмотрен, вновь обит, упрочен Забвенью брошенный возок. Обоз обычный, три кибитки Везут домашние пожитки, Кастрюльки, стулья, сундуки, Варенье в банках, тюфяки, Перины, клетки с петухами, Горшки, тазы et cetera, Ну, много всякого добра. И вот в избе между слугами Поднялся шум, прощальный плач: Ведут на двор осьмнадцать кляч,</p>	<p>31</p> <p>Departure day was long expected; The final hours come at last. The covered sleigh, for years neglected, Is checked, relined, and soon made fast. The usual three-cart train will carry What household goods are necessary: The mattresses, the trunks and chairs, Some jars of jam and kitchen wares, The featherbeds and coops of chickens, Some pots and basins, and the rest- Well, almost all that they possessed. The servants fussed and raised the dickens About the stable, many cried; Then eighteen nags were led outside.</p>
<p>XXXII</p> <p>В возок боярский их впрягают, Готовят завтрак повара, Горой кибитки нагружают, Бранятся бабы, кучера.</p>	<p>32</p> <p>They're harnessed to the coach and steadied; The cooks make lunch for one and all; The heaped-up wagons now are readied; The wenches and the drivers brawl.</p>

<p>На кляче тощей и косматой Сидит форейтор бородатый, Сбежалась челядь у ворот Прощаться с барами. И вот Уселись, и возок почтенный, Скользя, ползет за ворота. "Простите, мирные места! Прости, приют уединенный! Увижу ль вас?.." И слез ручей У Тани льется из очей.</p>	<p>Atop a lean and shaggy trotter The bearded postboy sits as spotter. Retainers crowd the gate pell-mell To bid their mistresses farewell. They're all aboard and, slowly gliding, The ancient coach creeps out the gate. 'Farewell, my peaceful home and fate! Farewell, secluded place of hiding! Shall I return?' And Tanya sighs, As tears well up to dim her eyes.</p>
<p>XXXIII</p>	<p>33</p>
<p>Когда благому просвещенью Отдвинем более границ, Современем (по расчисленью Философических таблиц, Лет чрез пятьсот) дороги, верно, У нас изменятся безмерно: Шоссе Россию здесь и тут, Соединив, пересекут. Мосты чугунные чрез воды Шагнут широкою дугой, Раздвинем горы, под водой Пророем дерзостные своды, И заведет крещеный мир На каждой станции трактир.</p>	<p>When we have broadened education, The time will come without a doubt (By scientific computation, Within five hundred years about), When our old roads' decayed condition Will change beyond all recognition. Paved highways, linking every side, Will cross our Russia far and wide; Above our waters iron bridges Will stride in broadly arching sweep; We'll dig bold tunnels 'neath the deep And even part whole mountain ridges; And Christendom will institute An inn at every stage en route.</p>
<p>XXXIV</p>	<p>34</p>
<p>Теперь у нас дороги плохи {42}, Мосты забытые гниют, На станциях клопы да блохи Заснуть минуты не дают; Трактиров нет. В избе холодной Высокопарный, но голодный Для виду преискурант висит И тщетный дразнит аппетит, Меж тем как сельские циклопы Перед медлительным огнем Российским лечат молотком Изделье легкое Европы, Благословляя колеи И рвы отеческой земли.</p>	<p>But roads are bad now in our nation; Neglected bridges rot and fall; Bedbugs and fleas at every station Won't let the traveller sleep at all. No inns exist. At posting stages They hang pretentious menu pages, But just for show, as if to spite The traveller's futile appetite; While some rude Cyclops at his fire Treats Europe's dainty artefacts With mighty Russian hammer whacks, And thanks the Lord for ruts and mire And all the ditches that abound Throughout our native Russian ground.</p>
<p>XXXV</p>	<p>35</p>
<p>Зато зимы порой холодной Езда приятна и легка. Как стих без мысли в песне модной, Дорога зимняя гладка. Автомедоны наши бойки, Неутомимы наши тройки, И версты, теща праздный взор, В глазах мелькают, как забор {43}. К несчастью, Ларина тащилась, Боясь прогонов дорогих, Не на почтовых, на своих, И наша дева насладилась Дорожной скукою вполне: Семь суток ехали оне.</p>	<p>And yet a trip in winter season Is often easy, even nice. Like modish verse devoid of reason, The winter road is smooth as ice. Our bold Automedons* stay cheery, Our Russian troikas never weary; And mileposts soothe the idle eye As fencelike they go flashing by. Unluckily, Dame Larin wasted No funds on renting fresher horse, Which meant a longer trip of course; And so our maiden fully tasted Her share of travel's dull delights: They rode for seven days and nights.</p>
<p>XXXVI</p>	<p>36</p>
<p>Но вот уж близко. Перед ними Уж белокаменной Москвы Как жар, крестами золотыми Горят старинные главы. Ах, братцы! как я был доволен, Когда церковей и колоколен, Садов, чертогов полукруг Открылся предо мною вдруг! Как часто в горестной разлуке, В моей блуждающей судьбе, Москва, я думал о тебе! Москва... как много в этом звуке Для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!</p>	<p>But now they're near. Before them, gleaming, Lies Moscow with its stones of white, Its ancient domes and spires streaming With golden crosses, ember-bright. Ah, friends, I too have been delighted When all at once far-off I've sighted That splendid view of distant domes, Of churches, belfries, stately homes! How oft... forlorn and separated- When wayward fate has made me stray- I've dreamt of Moscow far away! Ah, Moscow! How that sound is freighted With meaning for our Russian hearts!</p>

<p>XXXVII</p> <p>Вот, окружен своей дубравой, Петровский замок. Мрачно он Недавнею гордится славой. Напрасно ждал Наполеон, Последним счастьем упоенный, Москвы коленопреклоненной С ключами старого Кремля: Нет, не пошла Москва моя К нему с повинной головою. Не праздник, не приемный дар, Она готовила пожар Нетерпеливому герою. Отселе, в думу погружен, Глядел на грозный пламень он.</p> <p>XXXVIII</p> <p>Прощай, свидетель падшей славы, Петровский замок. Ну! не стой, Пошел! Уже столпы заставы Белеют: вот уж по Тверской Возок несется чрез ухабы. Мелькают мимо будки, бабы, Мальчишки, лавки, фонари, Дворцы, сады, монастыри, Бухарцы, сани, огороды, Купцы, лачужки, мужики, Бульвары, башни, казаки, Аптеки, магазины моды, Балконы, львы на воротах И стаи галок на крестах.</p> <p>XXXIX. XL</p> <p>В сей утомительной прогулке Проходит час-другой, и вот У Харитонья в переулке Возок пред домом у ворот Остановился. К старой тетке, Четвертый год больной в чахотке, Они приехали теперь. Им настезь отворяет дверь, В очках, в изорванном кафтане, С чулком в руке, седой калмык. Встречает их в гостинной крик Княжны, простертой на диване. Старушки с плачем обнялись, И восклицанья полились.</p> <p>XLI</p> <p>- Княжна, mon ange! - "Pachette!" - Алина! - "Кто б мог подумать? Как давно! Надолго ль? Милая! Кузина! Садись - как это мудрено! Ей-богу, сцена из романа..." - А это дочь моя, Татьяна. - "Ах, Таня! подойди ко мне - Как будто брежу я во сне..." Кузина, помнишь Грандисона?" - Как, Грандисон?... а, Грандисон! Да, помню, помню. Где же он? - "В Москве, живет у Симеона; Меня в сочельник навестил; Недавно сына он женил.</p> <p>XLII</p> <p>А тот... но после все расскажем, Не правда ль? Всей ее родне Мы Таню завтра же покажем. Жаль, разъезжать нет мочи мне;</p>	<p>How many echoes it imparts!</p> <p>37</p> <p>And here's Petrovsky Castle,* hoary Amid its park. In sombre dress It wears with pride its recent glory: Napoleon, drunk with fresh success, Awaited here, in vain, surrender- For kneeling Moscow's hand to tender The ancient Kremlin's hallowed keys. But Moscow never bent her knees, Nor bowed her head in subjugation; No welcome feast did she prepare The restless hero waiting there- But lit instead a conflagration. From here he watched, immersed in thought, The awesome blaze my Moscow wrought.</p> <p>38</p> <p>Farewell now, scene of fame unsteady, Petrovsky Castle. Hey! Be fleet! There gleam the city gates already! And now along Tverskaya Street The sleigh glides over ruts and passes By sentry booths and peasant lasses; By gardens, mansions, fashion shops; Past urchins, streetlamps, strolling fops, Bokharin's sleighs, apothecaries, Muzhiks and merchants, Cossack guards; Past towers, hovels, boulevards, Great balconies and monasteries; Past gateway lions' lifted paws, And crosses dense with flocks of daws.</p> <p>(39)40</p> <p>This tiring trek through town extended For two full hours; then, quite late Nearby St Chariton's it ended Before a mansion's double gate. For now they'll seek accommodation With Tanya's aunt, a kind relation- Four years consumptive, sad to note. In glasses and a torn old coat, A grizzled Kalmuk came to meet them; With sock in hand he led the way To where the prostrate princess lay; She called from parlour couch to greet them. The two old ladies hugged and cried, With shouts of joy on either side.</p> <p>41</p> <p>'Princesse, mon ange!' 'Pachette!' 'Oh, Laura! 'Who would have thought?' 'How long it's been! 'I hope you'll stay?' 'Dear cousin Laura! 'Sit down... How strange!... I can't begin... 'I'd swear it's from some novel's pages! 'And here's my Tanya.' 'Lord, it's ages! Oh, Tanya sweet, come over here- I think I must be dreaming, dear... Oh, cousin, do you still remember Your Grandison?' 'I never knew... Oh, Grandison! ... of course I do! 'He lives in Moscow. This December, On Christmas eve, he paid a call: He married off his son this fall.</p> <p>42</p> <p>'The other.... But we'll talk tomorrow; And straightway too, to all her kin We'll show your Tanya. What a sorrow</p>
--	---

<p>Едва, едва таскаю ноги. Но вы замучены с дороги; Пойдемте вместе отдохнуть... Ох, силы нет... устала грудь... Мне тяжела теперь и радость, Не только грусть... душа моя, Уж никуда не годна я... Под старость жизнь такая гадость..." И тут, совсем утомлена, В слезах раскашлялась она.</p>	<p>That paying visits does me in; I drag about like some poor laggard. But here, your trip has left you haggard; Let's all go have a nice long rest... I've got no strength... this weary breast Finds even joy at times excessive, Not only woe... It's true, my dear, I'm good for nothing now, I fear; When one gets old, life turns oppressive.' And all worn out, she wept a bit, Then broke into a coughing fit.</p>
<p>XLIII</p>	<p>43</p>
<p>Больной и ласки и веселье Татьяну трогают; но ей Нехорошо на новоселье, Привыкшей к горнице своей. Под занавескою шелковой Не спится ей в постеле новой, И ранний звон колоколов, Предтеча утренних трудов, Ее с постели подымает. Садится Таня у окна. Редеет сумрак; но она Своих полей не различает: Пред нею незнакомый двор, Конюшня, кухня и забор.</p>	<p>The sick old lady's kindly smile Left Tanya moved; but she felt sad Within this strange new domicile And missed the room she'd always had. In bed, beneath her silken curtain, She lies there sleepless and uncertain; And early church bells-when they chime, Announcing dawn and working time- Rouse Tanya from her bed to listen. She sits before the windowsill. The darkness waned, but Tanya still Can't see her fields and valleys glisten: She sees an unknown yard instead: A stable, fence, and kitchen shed.</p>
<p>XLIV</p>	<p>44</p>
<p>И вот: по родственным обедам Развозят Таню каждый день Представить бабушкам и дедам Ее рассеянную лень. Родне, прибывшей издалеча, Повсюду ласковая встреча, И восклицанья, и хлеб-соль. "Как Таня выросла! Давно ль Я, кажется, тебя крестила? А я так на руки брала! А я так за уши драла! А я так пряником кормила!" И хором бабушки твердят: "Как наши годы-то летят!"</p>	<p>And now they trundle Tanya daily To family dinners just to share With grandams and granduncles gaily Her languid and abstracted air. Those kin who've come from distant places Are always met with warm embraces, With shouts of joy and welcome cheer. 'How Tanya's grown! It seems, my dear, So short a time since I baptized you!' 'And since I dried your baby tears!' 'And since I pulled you by the ears!' 'And since my gingerbread surprised you!' And with one voice the grannies cry: 'Good gracious, how the years do fly!'</p>
<p>XLV</p>	<p>45</p>
<p>Но в них не видно перемены; Все в них на старый образец: У тетушки княжны Елены Все тот же тюлевый чепец; Все белится Лукерья Львовна, Все то же лжет Любовь Петровна, Иван Петрович так же глуп, Семен Петрович так же скуп, У Пелагеи Николавны Все тот же друг мосье Финмуш, И тот же шпиц, и тот же муж; А он, все клуба член исправный, Все так же смирен, так же глух И так же ест и пьет за двух.</p>	<p>In them, though, nothing ever alters; The same old patterns still are met: Old Aunt Elena never falters And wears that same tulle bonnet yet; Still powdered is Lukerya Lvovna; A liar still, Lyubov Petrovna; Ivan Petrovich... no more bright; Semyon Petrovich... just as tight; And Anna Pavlovna, as ever, Still has her friend, Monsieur Finemouch, Her same old spouse, and same old pooch- Her husband, clubman come whatever, Is just as meek and deaf, it's true, And still consumes enough for two.</p>
<p>XLVI</p>	<p>46</p>
<p>Их дочки Таню обнимают. Младые грации Москвы Сначала молча озирают Татьяну с ног до головы; Ее находят что-то странной, Провинциальной и жеманной, И что-то бледной и худой, А впрочем очень недурной; Потом, покорствуя природе, Дружатся с ней, к себе ведут, Целуют, нежно руки жмут, Взбивают кудри ей по моде И поверяют нараспев Сердечны тайны, тайны дев,</p>	<p>Their daughters, after brief embraces, Look Tanya over good and slow; In silence Moscow's youthful graces Examine her from head to toe. They find her stranger than expected, A bit provincial and affected, And somewhat pale, too thin and small, But on the whole, not bad at all; Then bowing to innate compassion, They squeeze her hand and, in the end, Take Tanya in and call her friend; They fluff her curls in latest fashion, And in their singsong tones impart Their girlish secrets</p>

<p>XLVII</p> <p>Чужие и свои победы, Надежды, шалости, мечты. Текут невинные беседы С прикрасой легкой клеветы. Потом, в отплату лепетанья, Ее сердечного признанья Умильно требуют оне. Но Таня, точно как во сне, Их речи слышит без участия, Не понимает ничего, И тайну сердца своего, Заветный клад и слез и счастья, Хранит безмолвно между тем И им не делится ни с кем.</p> <p>XLVIII</p> <p>Татьяна вслушаться желает В беседы, в общий разговор; Но всех в гостиной занимает Такой бессвязный, пошлый вздор; Все в них так бледно, равнодушно; Они клеветают даже скучно; В бесплодной сухости речей, Расспросов, сплетен и вестей Не вспыхнет мысли в целы сутки, Хоть невзначай, хоть наобум; Не улыбнется томный ум, Не дрогнет сердце, хоть для шутки. И даже глупости смешной В тебе не встретишь, свет пустой.</p> <p>XLIX</p> <p>Архивны юноши толпою На Таню чопорно глядят И про нее между собою Неблагосклонно говорят. Один какой-то шут печальный Ее находит идеальной И, прислонившись у дверей, Элегию готовит ей. У скучной тетки Таню встретя, К ней как-то Вяземский подсел И душу ей занять успел. И, близ него ее заметя, Об ней, поправя свой парик, Осведомляется старик.</p> <p>L</p> <p>Но там, где Мельпомены бурной Протяжный раздается вой, Где машет мантией мишурной Она пред хладною толпой, Где Талия тихонько дремлет И плескам дружеским не внемлет, Где Терпсихоре лишь одной Дивится зритель молодой (Что было также в прежни леты, Во время ваше и мое), Не обратились на нее Ни дам ревнивые лорнетты, Ни трубки модных знатоков Из лож и кресельных рядов.</p>	<p>of the heart-</p> <p>47</p> <p>Both others' and their own successes, Their hopes, and pranks, and maiden dreams; All innocence, their talk progresses- Though now and then some gossip gleams. And then they ask, in compensation For their sweet flow of revelation, For her confessions of romance. But Tanya, in a kind of trance, Attends their giddy conversation Without response and takes no part; And all the while she guards her heart With silence and in meditation: Her cherished trove of tears and bliss She'll share with none, aloud like this.</p> <p>48</p> <p>Tatyana tries to pay attention When in the parlour guests converse; But all they ever seem to mention Is incoherent rot, or worse; They seem so pallid and so weary, And even in their slander dreary. In all the sterile words they use- In arid gossip, questions, news- Not once all day does thought but flicker, Not even in some chance remark; The languid mind will find no spark, The heart no cause to beat the quicker; And even simple-minded fun This hollow world has learned to shun!</p> <p>49</p> <p>'Archival dandies*' in a cluster Eye Tanya with a priggish frown, And with their usual sort of bluster, Among themselves they put her down. One melancholy joker found her His 'true ideal' and hovered round her- Then, leaning by the door, prepared An elegy, to show he cared. Once Vyazemsky* sat down beside her (On meeting her at some dull aunt's) And managed to dispel her trance; And some old man-when he espied her- Put straight his wig and asked around About this unknown belle he'd found.</p> <p>50</p> <p>But where Melpomene still stages Her stormy scenes and wails aloud And in her gaudy mantle rages Before the dull and frigid crowd; Where sweet Thalia calmly dozes, Indifferent to admirers' roses; Where just Terpsichore enchants The youthful lover of the dance (As was the case-for nothing passes- In our day too, let's not forget), No jealous lady trained lorgnette, No modish connoisseur his glasses, To spy on Tanya down below From boxes rising row on row.</p>
---	---

<p>LI</p> <p>Ее привозят и в Собрание. Там теснота, волнение, жар, Музыки грохот, свеч блистанье, Мельканье, вихорь быстрых пар, Красавиц легкие уборы, Людьми пестреющие хоры, Невест обширный полукруг, Все чувства поражает вдруг. Здесь кажут франты записные Свое нахальство, свой жилет И невнимательный лорнет. Сюда гусары отпускные Спешат явиться, прогреметь, Блеснуть, пленить и улететь.</p>	<p>51</p> <p>They take her to the Grand Assembly:* And there the crush, the glare, the heat, The music's roar, the ballroom trembling, The whirling flash of pairs of feet, The beauties in their filmy dresses, The swarming gallery throng that presses, The host of girls on marriage hunts- Assault the senses all at once. Here practised dandies bow and slither To show their gall... and waistcoats too, With negligent lorgnettes in view. Hussars on leave come racing hither To strut their stuff and thunder by, To dazzle, conquer... and to fly.</p>
<p>LII</p> <p>У ночи много звезд прелестных, Красавиц много на Москве. Но ярче всех подруг небесных Луна в воздушной синеве. Но та, которую не смею Тревожить лирою моею, Как величавая луна, Средь жен и дев блесит одна. С какою гордостью небесной Земли касается она! Как негой грудь ее полна! Как томен взор ее чудесный!.. Но полно, полно; перестань: Ты заплатил безумству дань.</p>	<p>52</p> <p>The night has countless stars to light her, And Moscow countless beauties too; And yet the regal moon shines brighter Than all her friends in heaven's blue; And she, whose beauty I admire- But dare not bother with my lyre- Just like the moon upon her throne, Mid wives and maidens shines alone. With what celestial pride she grazes The earth she walks, in splendour dressed! What languor fills her lovely breast! How sensuous her wondrous gazes!... But there, enough; have done at last: You've paid your due to follies past.</p>
<p>LIII</p> <p>Шум, хохот, беготня, поклоны, Галоп, мазурка, вальс... Меж тем, Между двух теток у колонны, Не замечаема никем, Татьяна смотрит и не видит, Волнение света ненавидит; Ей душно здесь... она мечтой Стремится к жизни полевой, В деревню, к бедным поселянам, В уединенный уголок, Где льется светлый ручеек, К своим цветам, к своим романам И в сумрак липовых аллей, Туда, где он являлся ей.</p>	<p>53</p> <p>Commotion, bows... the glad, the solemn... Galop, mazurka, waltz... And there, Between two aunts, beside a column, Observed by none, and near despair, Tatyana looks with eyes unseeing And loathes this world with all her being; She's stifled here... and in her mind Calls up the life she left behind- The countryside, poor village neighbours, A distant and secluded nook Beside a limpid flowing brook, Her flowers, novels, daily labours... That dusky, linden-shaded walk Where he and she once had their talk.</p>
<p>LIV</p> <p>Так мысль ее далече бродит: Забыт и свет и шумный бал, А глаз меж тем с нее не сводит Какой-то важный генерал. Друг другу тетушки мигнули И локтем Таню враз толкнули, И каждая шепнула ей: - Взгляни налево поскорей. - "Налево? где? что там такое?" - Ну, что бы ни было, гляди... В той кучке, видишь? впереди, Там, где еще в мундирах двое... Вот отошел... вот боком стал... - "Кто? толстый этот генерал?"</p>	<p>54</p> <p>And so, far off in thought she wandered: The monde, the noisy ball forgot; But all the while, as Tanya pondered, Some general stared her way a lot. The aunts exchanged a wink and nodded, And with an elbow each one prodded Tatyana, whisp'ring in her ear: 'Look quickly to your left, my dear.' 'My left? But why? It seems like gawking.' 'Just never mind... now look up there... That group in front; you see that pair... In uniform? The one not talking... He just moved off... He's turning round.' 'That heavy general?' Tanya frowned.</p>
<p>LV</p> <p>Но здесь с победою поздравим Татьяну милую мою И в сторону свой путь направим, Чтоб не забыть, о ком пою... Да кстати, здесь о том два слова: Пою приятеля младого И множество его причуд. Благослови мой долгий труд,</p>	<p>55</p> <p>But here let's honour with affection My Tanya's conquest taking wing, And steer for now a new direction, Lest I forget of whom I sing- On which, herewith, these observations: I sing strange whims and aberrations, I sing a youthful friend of mine. ?</p>

О ты, эпическая муза!
И, верный посох мне вручив,
Не дай блуждать мне вкось и вкрив.
Довольно. С плеч долой обуза!
Я классицизму отдал честь:
Хоть поздно, а вступленье есть.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Fare thee well, and if for ever
Still for ever fare thee well.

Byron.

I

В те дни, когда в садах Лицея
Я безмятежно расцветал,
Читал охотно Апулея,
А Цицерона не читал,
В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.
Моя студенческая келья
Вдруг озарилась: муза в ней
Открыла пир молодых затей,
Воспела детские веселья,
И славу нашей старины,
И сердца трепетные сны.

II

И свет ее с улыбкой встретил;
Успех нас первый окрылил;
Старик Державин нас заметил
И в гроб сходя, благословил.

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

III

И я, в закон себе вменяя
Страстей единый произвол,
С толпою чувства разделяя,
Я музу резвую привел
На шум пиров и буйных споров,
Грозы полуночных дозоров;
И к ним в безумные пиры
Она несла свои дары
И как вакханочка резвилась,
За чашей пела для гостей,
И молодежь минувших дней
За нею буйно волочилась,
А я гордился меж друзей
Подругой ветреной моей.

IV

Но я отстал от их союза
И вдаль бежал... Она за мной.
Как часто ласковая муза
Мне услаждала путь немой
Волшебством тайного рассказа!
Как часто по скалам Кавказа
Она Ленорой, при луне,
Со мной скакала на коне!
Как часто по брегам Тавриды
Она меня во мгле ночной
Водила слушать шум морской,

Muse of Epics, may you shine On my long work as I grow
older! And armed with your good staff, I pray, May I not
roam too far astray. Enough! The burden's off my
shoulder! To classicism I've been true: The foreword's
here, if overdue.

Chapter 8

Fare thee well, and if for ever, Still for ever, fare thee
well.

Byron

1

In days when I still bloomed serenely
Inside our Lycee* garden wall
And read my Apuleius keenly,
But read no Cicero at all-
Those springtime days in secret valleys,
Where swans call out and beauty dallies,
Near waters sparkling in the still,
The Muse first came to make me thrill.
My student cell turned incandescent;
And there the Muse spread out for me
A feast of youthful fancies free,
And sang of childhood effervescent,
The glory of our days of old,
The trembling dreams the heart can hold.

2

And with a smile the world caressed us; What wings
our first successes gave! The old Derzhavin* saw-and
blessed us, As he descended to the grave.

3

And I, who saw my single duty
As heeding passion's siren song-
To share with all the world her beauty,
Would take my merry Muse along
To rowdy feasts and altercations-
The bane of midnight sentry stations;
And to each mad and fevered rout
She brought her gifts... and danced about,
Bacchante-like, at all our revels,
And over wine she sang for guests;
And in those days when I was blest,
The young pursued my Muse like devils;
While I, mid friends, was drunk with pride-
My flighty mistress at my side.

4

But from that band I soon departed- And fled afar...
and she as well. How often, on the course I charted, My
gentle Muse's magic spell Would light the way with
secret stories! How oft, mid far Caucasia's glories, Like
fair Lenore,* on moonlit nights She rode with me those
craggy heights! How often on the shores of Tauris,* On
misty eves, she led me down To hear the sea's incessant
sound,

<p>Немолчный шепот Нереиды, Глубокий, вечный хор валов, Хвалебный гимн отцу миров.</p>	<p>The Nereids** eternal chorus- That endless chant the waves unfurled In praise of him who made the world.</p>
<p>V</p>	<p>5</p>
<p>И, позабыв столицы дальной И блеск и шумные пиры, В глуши Молдавии печальной Она смиренные шатры Племен бродящих посещала, И между ими одичала, И позабыла речь богов Для скудных, странных языков, Для песен степи, ей любезной... Вдруг изменилось все кругом, И вот она в саду моем Явилась барышней уездной, С печальной думою в очах, С французской книжкою в руках.</p>	<p>Forgetting, then, the city's splendour, Its noisy feasts and grand events, In sad Moldavia she turned tender And visited the humble tents Of wandering tribes; and like a child, She learned their ways and soon grew wild: The language of the gods she shed For strange and simple tongues instead- To sing the savage steppe,* elated; But then her course abruptly veered, And in my garden* she appeared- A country miss-infatuated, With mournful air and brooding glance, And in her hands a French romance.</p>
<p>VI</p>	<p>6</p>
<p>И ныне музу я впервые На светский раут {44} привожу; На прелести ее степные С ревнивой робостью гляжу. Сквозь тесный ряд аристократов, Военных франтов, дипломатов И гордых дам она скользит; Вот села тихо и глядит, Любуясь шумной теснотою, Мельканьем платьев и речей, Явленьем медленным гостей Перед хозяйкой молодою И темной рамою мужчин Вкруг дам как около картин.</p>	<p>And now I seize the first occasion To show my Muse a grand soiree; I watch with jealous trepidation Her rustic charms on full display. And lo! my beauty calmly passes Through ranks of men from highborn classes, Past diplomats and soldier-fops, And haughty dames... then calmly stops To sit and watch the grand procession- The gowns, the talk, the milling mass, The slow parade of guests who pass Before the hostess in succession, The sombre men who form a frame Around each painted belle and dame.</p>
<p>VII</p>	<p>7</p>
<p>Ей нравится порядок стройный Олигархических бесед, И холод гордости спокойной, И эта смесь чинов и лет. Но это кто в толпе избранной Стоит безмолвный и туманный? Для всех он кажется чужим. Мелькают лица перед ним Как ряд докучных привидений. Что, сплин иль страждущая спесь В его лице? Зачем он здесь? Кто он таков? Ужель Евгений? Ужели он?.. Так, точно он. - Давно ли к нам он занесен?</p>	<p>She likes the stately disposition Of oligarchic colloquies, Their chilly pride in high position, The mix of years and ranks she sees. But who is that among the chosen, That figure standing mute and frozen, That stranger no one seems to know? Before him faces come and go Like spectres in a bleak procession. What is it-martyred pride, or spleen That marks his face?... Is that Eugene?! That figure with the strange expression? Can that be he? It is, I say. 'But when did fate cast him our way?</p>
<p>VIII</p>	<p>8</p>
<p>Все тот же ль он иль усмирился? Иль корчит также чудака? Скажите: чем он возвратился? Что нам представит он пока? Чем ныне явится? Мельмотом, Космополитом, патриотом, Гарольдом, квакером, ханжой, Иль маской щегольнет иной, Иль просто будет добрый малый, Как вы да я, как целый свет? По крайней мере мой совет: Отстать от моды обветшалай. Довольно он морочил свет... - Знаком он вам? - И да и нет.</p>	<p>'Is he the same, or is he learning? Or does he play the outcast still? In what new guise is he returning? What role does he intend to fill? Childe Harold? Melmoth for a while? Cosmopolite? A Slavophile? A Quaker? Bigot?-might one ask? Or will he sport some other mask? Or maybe he's just dedicated, Like you and me, to being nice? In any case, here's my advice: Give up a role when it's outdated. He's gulled the world... now let it go.' 'You know him then?' 'Well, yes and no.'</p>

<p>IX</p> <p>- Зачем же так неблагосклонно Вы отзываетесь о нем? За то ль, что мы неугомонно Хлопочем, судим обо всем, Что пылких душ неосторожность Самолюбивую ничтожность Иль оскорбляет, иль смешит, Что ум, любя простор, теснит, Что слишком часто разговоры Принять мы рады за дела, Что глупость ветрена и зла, Что важным людям важны вздоры И что посредственность одна Нам по плечу и не странна?</p>	<p>9</p> <p>But why on earth does he inspire So harsh and negative a view? Is it because we never tire Of censuring what others do? Because an ardent spirit's daring Appears absurd or overbearing From where the smug and worthless sit? Because the dull are cramped by wit? Because we take mere talk for action, And malice rules a petty mind? Because in tripe the solemn find A cause for solemn satisfaction, And mediocrity alone Is what we like and call our own?</p>
<p>X</p> <p>Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел, Кто постепенно жизни холод С годами вытерпеть умел; Кто странным снам не предавался, Кто черни светской не чуждался, Кто в двадцать лет был фронт иль хват, А в тридцать выгодно женат; Кто в пятьдесят освободился От частных и других долгов, Кто славы, денег и чинов Спокойно в очередь добился, О ком твердили целый век: N. N. прекрасный человек.</p>	<p>10</p> <p>Oh, blest who in his youth was tender; And blest who ripened in his prime; Who learned to bear, without surrender, The chill of life with passing time; Who never knew exotic visions, Nor scorned the social mob's decisions; Who was at twenty fop or swell, And then at thirty, married well, At fifty shed all obligation For private and for other debts; Who gained in turn, without regrets, Great wealth and rank and reputation; Of whom lifelong the verdict ran: 'Old X is quite a splendid man.'</p>
<p>XI</p> <p>Но грустно думать, что напрасно Была нам молодость дана, Что изменяли ей всечасно, Что обманула нас она; Что наши лучшие желанья, Что наши свежие мечтанья Истлели быстрой чередой, Как листья осенью гнилой. Несносно видеть пред собою Одних обедов длинный ряд, Глядеть на жизнь, как на обряд, И вслед за чинною толпою Идти, не разделяя с ней Ни общих мнений, ни страстей.</p>	<p>11</p> <p>How sad that youth, with all its power, Was given us in vain, to burn; That we betrayed it every hour, And were deceived by it in turn; That all our finest aspirations, Our brightest dreams and inspirations, Have withered with each passing day Like leaves dank autumn rots away. It's hard to face a long succession Of dinners stretching out of sight, To look at life as at a rite, And trail the seemly crowd's procession- Indifferent to the views they hold, And to their passions ever cold.</p>
<p>XII</p> <p>Предметом став суждений шумных, Несносно (согласитесь в том) Между людей благоразумных Прослыть притворным чудаком, Или печальным сумасбродом, Иль сатаническим уродом, Иль даже демоном моим. Онегин (вновь займуся им), Убив на поединке друга, Дожив без цели, без трудов До двадцати шести годов, Томясь в бездействии досуга Без службы, без жены, без дел, Ничем заняться не умел.</p>	<p>12</p> <p>When one becomes the butt of rumour, It's hard to bear (as you well know) When men of reason and good humour Perceive you as a freak on show, Or as a sad and raving creature, A monster of Satanic feature, Or even Demon of my pen!* Eugene (to speak of him again), Who'd killed his friend for satisfaction, Who in an aimless, idle fix Had reached the age of twenty-six, Annoyed with leisure and inaction, Without position, work, or wife- Could find no purpose for his life.</p>
<p>XIII</p> <p>Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест (Весьма мучительное свойство, Немногих добровольный крест). Оставил он свое селенье, Лесов и нив уединенье, Где окровавленная тень Ему являлась каждый день,</p>	<p>13</p> <p>He felt a restless, vague ambition, A craving for a change of air (A most unfortunate condition- A cross not many choose to bear). He left his home in disillusion And fled the woods' and fields' seclusion, Where every day before his eyes</p>

<p>И начал странствия без цели, Доступный чувству одному; И путешествия ему, Как все на свете, надоели; Он возвратился и попал, Как Чацкий, с корабля на бал.</p> <p>XIV</p> <p>Но вот толпа заколебалась, По зале шепот пробежал... К хозяйке дама приближалась, За нею важный генерал. Она была нетороплива, Не холодна, не говорлива, Без взора наглого для всех, Без притязаний на успех, Без этих маленьких ужимок, Без подражательных затей... Все тихо, просто было в ней, Она казалась верный снимок Du comme il faut... (Шишков, прости: Не знаю, как перевести.)</p> <p>XV</p> <p>К ней дамы подвигались ближе; Старушки улыбались ей; Мужчины кланялися ниже, Ловили взор ее очей; Девицы проходили тише Пред ней по зале, и всех выше И нос и плечи подымал Вошедший с нею генерал. Никто б не мог ее прекрасной Назвать; но с головы до ног Никто бы в ней найти не мог Того, что модой самовластной В высоком лондонском кругу Зовется vulgar. (Не могу...</p> <p>XVI</p> <p>Люблю я очень это слово, Но не могу перевести; Оно у нас покамест ново, И вряд ли быть ему в чести. Оно б годилось в эпиграмме...) Но обращаю к нашей даме. Беспечной прелестью мила, Она сидела у стола С блестящей Ниной Воронскою, Сей Клеопатрою Невы; И верно б согласились вы, Что Нина мраморной красою Затмить соседку не могла, Хоть ослепительна была.</p> <p>XVII</p> <p>"Ужели, - думает Евгений: - Ужель она? Но точно... Нет... Как! из глуши степных селений..." И неотвязчивый лорнет Он обращает поминутно На ту, чей вид напомнил смутно Ему забытые черты. "Скажи мне, князь, не знаешь ты, Кто там в малиновом берете С послем испанским говорит?" Князь на Онегина глядит. - Ага! давно ж ты не был в свете. Постой, тебя представлю я. - "Да кто ж она?" - Жена моя. -</p>	<p>A bloody spectre seemed to rise; He took up travel for distraction, A single feeling in his breast; But journeys too, like all the rest, Soon proved a wearisome attraction. So he returned one day to fall, Like Chatsky,* straight from boat to ball.</p> <p>14</p> <p>But look, the crowd's astir and humming; A murmur through the ballroom steals... The hostess sees a lady coming, A stately general at her heels. She isn't hurried or obtrusive, Is neither cold nor too effusive; She casts no brazen glance around And makes no effort to astound Or use those sorts of affectation And artifice that ladies share- But shows a simple, quiet air. She seems the very illustration Du comme il faut... (Shishkov,* be kind: I can't translate this phrase, I find.)</p> <p>15</p> <p>The ladies flocked to stand beside her; Old women beamed as she went by; The men bowed lower when they spied her And sought in vain to catch her eye; Young maidens hushed in passing by her; While none held head and shoulders higher Than he who brought the lady there- The general with the prideful air. One couldn't label her a beauty; But neither did her form contain, From head to toe, the slightest strain Of what, with fashion's sense of duty, The London social sets decry As vulgar. (I won't even try</p> <p>16</p> <p>To find an adequate translation For this delicious epithet; With us the word's an innovation, But though it's won no favour yet, 'Twould make an epigram of style.*... But where's our lady all this while?) With carefree charm and winsome air She took a seat beside the chair Of brilliant Nina Voronskaya,* That Cleopatra of the North; But even Nina, shining forth With all her marble beauty's fire- However dazzling to the sight- Could not eclipse her neighbour's light.</p> <p>17</p> <p>'Can it be true?' Eugene reflected. 'Can that be she?... It seems... and yet... From those backwoods!' And he directed A curious and keen lorgnette For several minutes in succession Upon the lady whose expression Called up a face from long ago. 'But tell me, Prince, you wouldn't know Who's standing there in conversation Beside the Spanish envoy, pray... That lady in the red beret?' 'You have been out of circulation. But I'll present you now with joy.' 'Who is she, though?' 'My wife, old boy.'</p>
---	--

<p>XVIII</p> <p>"Так ты женат! не знал я ране! Давно ли?" - Около двух лет. - "На ком?" - На Лариной. - "Татьяне!" - Ты ей знаком? - "Я им сосед". - О, так пойдем же. - Князь подводит К своей жене и ей подводит Родню и друга своего. Княгиня смотрит на него... И что ей душу ни смутило, Как сильно ни была она Удивлена, поражена, Но ей ничто не изменило: В ней сохранился тот же тон, Был так же тих ее поклон.</p>	<p>18</p> <p>'You're married! Really?-'On my honour.' 'To whom? How long?-'Some two years since... The Larin girl.'-'You mean Tatyana!' 'She knows you?-'We were neighbours, Prince.' 'Well then, come on... we'll go and meet her.' And so the prince led up to greet her His kinsman and his friend Eugene. The princess looked at him-serene; However much the situation Disturbed her soul and caused her pain, However great her shock or strain, She gave no hint of agitation: Her manner stayed the same outside, Her bow was calm and dignified.</p>
<p>XIX</p> <p>Ей-ей! не то, чтоб содрогнулась Иль стала вдруг бледна, красна... У ней и бровь не шевельнулась; Не сжала даже губ она. Хоть он глядел нельзя прилежней, Но и следов Татьяны прежней Не мог Онегин обрести. С ней речь хотел он завести И - и не мог. Она спросила, Давно ль он здесь, откуда он И не из их ли уж сторон? Потом к супругу обратила Усталый взгляд; скользнула вон... И недвижим остался он.</p>	<p>19</p> <p>It's true! The lady didn't shiver, Or blush, or suddenly turn white... Or even let an eyebrow quiver, Or press her lips together tight. Although Eugene with care inspected This placid lady, he detected No trace of Tanya from the past. And when he tried to speak at last, He found he couldn't. She enquired When he'd arrived, and if of late he'd been back home at his estate- Then gave her spouse a look so tired, He took her arm. She moved away... And left Eugene in mute dismay.</p>
<p>XX</p> <p>Ужель та самая Татьяна, Которой он наедине, В начале нашего романа, В глухой, далекой стороне, В благом пылу нравуоченья, Читал когда-то наставленья, Та, от которой он хранит Письмо, где сердце говорит, Где все наруже, все на воле, Та девочка... иль это сон?... Та девочка, которой он Пренебрегал в смиренной доле, Ужели с ним сейчас была Так равнодушна, так смела?</p>	<p>20</p> <p>Was this the Tanya he once scolded In that forsaken, distant place Where first our novel's plot unfolded? The one to whom, when face to face, In such a burst of moral fire, He'd lectured gravely on desire? The girl whose letter he still kept- In which a maiden heart had wept; Where all was shown... all unprotected? Was this that girl... or did he dream? That little girl whose warm esteem And humble lot he'd once rejected?... And could she now have been so bold, So unconcerned with him... so cold?</p>
<p>XXI</p> <p>Он оставляет раут тесный, Домой задумчив едет он; Мечтой то грустной, то прелестной Его встревожен поздний сон. Проснулся он; ему приносят Письмо: князь N покорно просит Его на вечер. "Боже! к ней!.. О буду, буду!" и скорей Марает он ответ учтивый. Что с ним? в каком он странном сне! Что шевельнулось в глубине Души холодной и ленивой? Досада? суетность? иль вновь Забота юности - любовь?</p>	<p>21</p> <p>He left the rout in all its splendour And drove back home, immersed in thought; A swarm of dreams, both sad and tender, Disturbed the slumber that he sought. He woke to find, with some elation, Prince N. had sent an invitation. 'Oh God! I'll see her... and today! Oh yes, I'll go!'-and straightaway He scrawled a note: he 'd be delighted. What's wrong with him?... He's in a daze. What's stirring in that idle gaze, What's made that frigid soul excited? Vexation? Pride? Or youth's old yen For all the cares of love again?</p>
<p>XXII</p> <p>Онегин вновь часы считает, Вновь не дождется дню конца. Но десять бьет; он выезжает, Он полетел, он у крыльца, Он с трепетом к княгине входит;</p>	<p>22</p> <p>Once more he counts the hours, pacing; Once more can't wait till day is past. The clock strikes ten: and off he's racing, And now he's at the porch at last; He enters in some apprehension;</p>

<p>Татьяну он одну находит, И вместе несколько минут Они сидят. Слова нейдут Из уст Онегина. Угрюмый, Неловкий, он едва-едва Ей отвечает. Голова Его полна упрямой думой. Упрямо смотрит он: она Сидит покойна и вольна.</p>	<p>The princess, to his added tension, Is quite alone. Some minutes there They sit. Eugene can only stare, He has no voice. Without a smile, And ill at ease, he scarcely tries To answer her. His mind supplies But one persistent thought the while. His eyes retain their stare; but she Sits unconstrained, quite calm and free.</p>
<p>XXIII</p>	<p>23</p>
<p>Приходит муж. Он прерывает Сей неприятный tete-a-tete; С Онегиным он вспоминает Проказы, шутки прежних лет. Они смеются. Входят гости. Вот крупной солью светской злости Стал оживляться разговор; Перед хозяйкой легкий вздор Сверкал без глупого жеманства, И прерывал его меж тем Разумный толк без пошлых тем, Без вечных истин, без педанства, И не пугал ничьих ушей Свободной живостью своей.</p>	<p>Her husband enters, thus arresting This most unpleasant tete-a-tete; Eugene and he recalled the jesting, The pranks and fun when first they'd met. They laughed. Then guests began arriving. And on the spice of malice thriving, The conversation sparkled bright; The hostess kept the banter light And quite devoid of affectations; Good reasoned talk was also heard, But not a trite or vulgar word, No lasting truths or dissertations- And no one's ears were shocked a bit By all the flow of lively wit.</p>
<p>XXIV</p>	<p>24</p>
<p>Тут был, однако, цвет столицы, И знать, и моды образцы, Везде встречаемые лица, Необходимые глупцы; Тут были дамы пожилые В чепцах и в розах, с виду злые; Тут было несколько девиц, Не улыбающихся лиц; Тут был посланник, говоривший О государственных делах; Тут был в душистых седилах Старик, по-старому шутивший: Отменно тонко и умно, Что нынче несколько смешно.</p>	<p>The social cream had gathered gaily: The nobly born and fashion's pets; The faces one encounters daily, The fools one never once forgets; The aged ladies, decked in roses, In bonnets and malignant poses; And several maidens, far from gay- Unsmiling faces on display; And here's an envoy speaking slyly Of some most solemn state affair; A greybeard too... with scented hair, Who joked both cleverly and wryly In quite a keen, old-fashioned way, Which seems a touch absurd today!</p>
<p>XXV</p>	<p>25</p>
<p>Тут был на эпиграммы падкий, На все сердитый господин: На чай хозяйский слишком сладкий, На плоскость дам, на тон мужчин, На толки про роман туманный, На вензель, двум сестрицам данный, На ложь журналов, на войну, На снег и на свою жену.</p>	<p>And here's a chap whose words are biting, Who's cross with everything about: With tea too sweet to be inviting, With banal ladies, men who shout, That foggy book they're all debating, The badge on those two maids-in-waiting, * The falsehoods in reviews, the war, The snow, his wife, and much, much more.</p>
<p>XXVI</p>	<p>26</p>
<p>Тут был Проласов, заслуживший Известность низостью души, Во всех альбомах притупивший, St.-Priest, твои карандаши; В дверях другой диктатор бальный Стоял картинкою журнальной, Румян, как вербный херувим, Затянут, нем и недвижим, И путешественник залетный, Перекрахмаленный нахал, В гостях улыбку возбуждал Своей осанкою заботной, И молча обмененный взор Ему был общий приговор.</p>	<p>And here's Prolazov, * celebrated For loathesomeness of soul-a clown, As you, Saint-Priest, * have demonstrated In album drawings all through town. Another ballroom king on station (Like fashion's very illustration) Beside the door stood tightly laced, Immobile, mute, and cherub-faced; A traveller home from distant faring, A brazen chap all starched and proud, Provoked amusement in the crowd By his pretentious, studied bearing: A mere exchange of looks conveyed The sorry sight the fellow made.</p>

XXVII

Но мой Онегин вечер целый
Татьяной занят был одной,
Не этой девочкой несмелой,
Влюбленной, бедной и простой,
Но равнодушною княгиней,
Но неприступною богиней
Роскошной, царственной Невы.
О люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечет,
Вас непрестанно змий зовет
К себе, к таинственному древу;
Запретный плод вам подавай:
А без того вам рай не рай.

XXVIII

Как изменилася Татьяна!
Как твердо в роль свою вошла!
Как утеснительного сана
Приемы скоро приняла!
Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?
И он ей сердце волновал!
Об нем она во мраке ночи,
Пока Морфей не прилетит,
Бывало, девственно грустит,
К луне подьмлет томны очи,
Мечтая с ним когда-нибудь
Свершить смиренный жизни путь!

XXIX

Любви все возрасты покорны;
Но юным, девственным сердцам
Ее порывы благотворны,
Как бури вешние полям:
В дожде страстей они свежеют,
И обновляются, и зреют -
И жизнь могущая дает
И пышный цвет и сладкий плод.
Но в возраст поздний и бесплодный,
На повороте наших лет,
Печален страсти мертвой след:
Так бури осени холодной
В болото обращают луг
И обнажают лес вокруг.

XXX

Сомненья нет: увы! Евгений
В Татьяну как дитя влюблен;
В тоске любовных помышлений
И день и ночь проводит он.
Ума не внемля строгим пеням,
К ее крыльцу, стеклянным сеням
Он подъезжает каждый день;
За ней он гонится как тень;
Он счастлив, если ей накинёт
Боа пушистый на плечо,
Или коснется горячо
Ее руки, или раздвинет
Пред нею пестрый полк ливрей,
Или платок подымет ей.

XXXI

Она его не замечает,
Как он ни бейся, хоть умри.
Свободно дома принимает,
В гостях с ним молвит слова три,
Порой одним поклоном встретит,
Порою вовсе не заметит:
Кокетства в ней ни капли нет -
Его не терпит высший свет.

27

But my Eugene all evening heeded
Tatyana... only her alone:
But not the timid maid who'd pleaded,
That poor enamoured girl he'd known-
But this cool princess so resplendent,
This distant goddess so transcendent,
Who ruled the queenly Neva's shore.
Alas! We humans all ignore
Our Mother Eve's disastrous history:
What's given to us ever palls,
Incessantly the serpent calls
And lures us to the tree of mystery:
We've got to have forbidden fruit,
Or Eden's joys for us are moot.

28

How changed Tatyana is! How surely She's taken up
the role she plays! How quick she's mastered, how
securely, Her lordly rank's commanding ways! Who'd
dare to seek the tender maiden In this serene and glory-
laden Grande Dame of lofty social spheres? Yet once
he'd moved her heart to tears! Her virgin brooding once
had cherished Sweet thoughts of him in darkest night,
While Morpheus still roamed in flight; And, gazing at
the moon, she'd nourished A tender dream that she
someday Might walk with him life's humble way!

29

To love all ages yield surrender;
But to the young its raptures bring
A blessing bountiful and tender-
As storms refresh the fields of spring.
Neath passion's rains they green and thicken,
Renew themselves with joy, and quicken;
And vibrant life in taking root
Sends forth rich blooms and gives sweet fruit.
But when the years have made us older,
And barren age has shown its face,
How sad is faded passion's trace!...
Thus storms in autumn, blowing colder,
Turn meadows into marshy ground
And strip the forest bare all round.

30

Alas! it's true: Eugene's demented, In love with Tanya
like a boy; He spends each day and night tormented By
thoughts of love, by dreams of joy. Ignoring reason's
condemnation, Each day he rides to take his station
Outside her glassed-in entryway, Then follows her about
all day. He's happy just to be around her, To help her
with her shawl or furs, To touch a torrid hand to hers,
To part the footmen who surround her In liveried ranks
where'er she calls, Or fetch her kerchief when it falls.

31

She pays him not the least attention,
No matter what he tries to do;
At home receives him without tension;
In public speaks a word or two,
Or sometimes merely bows on meeting,
Or passes by without a greeting:
She's no coquette in any part-

Бледнеть Онегин начинает:
 Ей иль не видно, иль не жаль;
 Онегин сохнет - и едва ль
 Уж не чахоткою страдает.
 Все шлют Онегина к врачам,
 Те хором шлют его к водам.
 XXXII

А он не едет; он заране
 Писать ко прадедам готов
 О скорой встрече; а Татьяне
 И дела нет (их пол таков);
 А он упрям, отстать не хочет,
 Еще надеется, хлопочет;
 Смелей здорового, больной,
 Княгине слабою рукой
 Он пишет страстное посланье.
 Хоть толку мало вообще
 Он в письмах видел не вотще;
 Но, знать, сердечное страданье
 Уже пришло ему невмочь.
 Вот вам письмо его точь-в-точь.

Письмо Онегина к Татьяне

Предвижу все: вас оскорбит
 Печальной тайны объясненье.
 Какое горькое презренье
 Ваш гордый взгляд изобразит!
 Чего хочу? с какою целью
 Открою душу вам свою?
 Какому злобному веселью,
 Быть может, повод подаю!

Случайно вас когда-то встреть,
 В вас искру нежности заметя,
 Я ей поверить не посмел:
 Привычке милой не дал ходу;
 Свою посылаю свободу
 Я потерять не захотел.
 Еще одно нас разлучило...
 Несчастной жертвой Ленский пал...
 Ото всего, что сердцу мило,
 Тогда я сердце оторвал;
 Чужой для всех, ничем не связан,
 Я думал: вольность и покой
 Замена счастью. Боже мой!
 Как я ошибся, как наказан.

Нет, поминутно видеть вас,
 Повсюду следовать за вами,
 Улыбку уст, движенье глаз
 Ловить влюбленными глазами,
 Внимать вам долго, понимать
 Душой все ваше совершенство,
 Пред вами в муках замирать,
 Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

И я лишен того: для вас
 Тащусь повсюду наудачу;
 Мне дорог день, мне дорог час:
 А я в напрасной скуке трачу
 Судьбой отсчитанные дни.
 И так уж тягостны они.
 Я знаю: век уж мой измерен;
 Но чтоб продлилась жизнь моя,
 Я утром должен быть уверен,
 Что с вами днем увижусь я...

Боюсь: в мольбе моей смиренной
 Увидит ваш суровый взор
 Затеи хитрости презренной -
 И слышу гневный ваш укор.
 Когда б вы знали, как ужасно
 Томиться жаждою любви,
 Пылать - и разумом всечасно
 Смирять волнение в крови;

The monde abhors a fickle heart.
 Onegin, though, is fading quickly;
 She doesn't see or doesn't care;
 Onegin, wasting, has the air
 Of one consumptive-wan and sickly.
 He's urged to seek his doctors' view,
 And these suggest a spa or two.

32

But he refused to go. He's ready To join his forebears
 any day; Tatyana, though, stayed calm and steady
 (Their sex, alas, is hard to sway). And yet he's
 stubborn... still resistant, Still hopeful and indeed
 persistent. Much bolder than most healthy men, He
 chose with trembling hand to pen The princess an
 impassioned letter. Though on the whole he saw no
 sense In missives writ in love's defence (And with good
 cause!), he found it better Than bearing all his pain
 unheard. So here's his letter word for word.

Onegin's Letter to Tatyana

I know you'll feel a deep distress At this unwanted
 revelation. What bitter scorn and condemnation Your
 haughty glance may well express! What aims... what
 hopes do I envision In opening my soul to you? What
 wicked and deserved derision Perhaps I give occasion
 to!

When first I met you and detected
 A warmth in you quite unexpected,
 I dared not trust in love again:
 I didn't yield to sweet temptation
 And had, it's true, no inclination
 To lose my hateful freedom then.
 What's more: poor guiltless Lensky perished,
 And his sad fate drew us apart...
 From all that I had ever cherished
 I tore away my grieving heart;
 Estranged from men and discontented,
 I thought: in freedom, peace of mind,
 A substitute for joy I'd find.
 How wrong I've been! And how tormented!

But no! Each moment of my days
 To see you and pursue you madly!
 To catch your smile and search your gaze
 With loving eyes that seek you gladly;
 To melt with pain before your face,
 To hear your voice... to try to capture
 With all my soul your perfect grace;
 To swoon and pass away... what rapture!

And I'm deprived of this; for you I search on all the
 paths I wander; Each day is dear, each moment too! Yet
 I in futile dullness squander These days allotted me by
 fate... Oppressive days indeed of late. My span on earth
 is all but taken, But lest too soon I join the dead, I need
 to know when I awaken, I'll see you in the day ahead...

I fear that in this meek petition
 Your solemn gaze may only spy
 The cunning of a base ambition-
 And I can hear your stern reply.
 But if you knew the anguish in it:
 To thirst with love in every part,
 To burn-and with the mind each minute,
 To calm the tumult in one's heart;

Желать обнять у вас колени
И, зарыдав, у ваших ног
Излить мольбы, признанья, пени,
Все, все, что выразить бы мог,
А между тем притворным хладом
Вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Все решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

XXXIII

Ответа нет. Он вновь посланье:
Второму, третьему письму
Ответа нет. В одно собранье
Он едет; лишь вошел... ему
Она навстречу. Как сурова!
Его не видят, с ним ни слова;
У! как теперь окружена
Крещенским холодом она!
Как удержать негодование
Уста упрямые хотят!
Вперил Онегин зоркий взгляд:
Где, где смятенье, состраданье?
Где пятна слез?... Их нет, их нет!
На сем лице лишь гнева след...

XXXIV

Да, может быть, боязни тайной,
Чтоб муж иль свет не угадал
Проказы, слабости случайной...
Всего, что мой Онегин знал...
Надежды нет! Он уезжает,
Свое безумство проклиная -
И, в нем глубоко погружен,
От света вновь отресея он.
И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналась в шумном свете,
Поймала, за ворот взяла
И в темный угол заперла.

XXXV

Стал вновь читать он без разбора.
Прочел он Гиббона, Руссо,
Манзони, Гердера, Шамфора,
Madame de Stael, Биша, Тиссо,
Прочел скептического Беля,
Прочел творенья Фонтенеля,
Прочел из наших кой-кого,
Не отвергая ничего:
И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда:
E sempre bene, господа.

XXXVI

И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко:
Мечты, желанья, печали
Теснились в душу глубоко.
Он меж печатными строками
Читал духовными глазами
Другие строки. В них-то он
Был совершенно углублен.

To long to clasp in adoration
Your knees... and, sobbing at your feet,
Pour out confessions, lamentation,
Oh, all that I might then entreat!...
And meantime, feigning resignation,
To arm my gaze and speech with lies:
to look at you with cheerful eyes
And hold a placid conversation!...
But let it be: it's now too late For me to struggle at
this hour; The die is cast: I'm in your power, And I
surrender to my fate.

33

No answer came. Eugene elected
to write again... and then once more-
With no reply. He drives, dejected,
To some soiree... and by the door,
Sees her at once! Her harshness stuns him!
Without a word the lady shuns him!
My god! How stern that haughty brow,
What wintry frost surrounds her now!
Her lips express determination
To keep her fury in control!
Onegin stares with all his soul:
But where's distress? Commiseration?
And where the tearstains?... Not a trace!
There's wrath alone upon that face...

34

And, maybe, secret apprehension
Lest monde or husband misconstrue
An episode too slight to mention,
The tale that my Onegin knew...
But he departs, his hopes in tatters,
And damns his folly in these matters-
And plunging into deep despond,
He once again rejects the monde.
And he recalled with grim emotion,
Behind his silent study door,
How wicked spleen had once before
Pursued him through the world's commotion,
Had seized him by the collar then,
And locked him in a darkened den.

35

Once more he turned to books and sages. He read his
Gibbon and Rousseau; Chamfort, Manzoni, Herder's
pages; Madame de Stael, Bichat, Tissot. The sceptic
Bayle he quite devoured, The works of Fontenelle he
scoured;* He even read some Russians too, Nor did he
scorn the odd review- Those journals where each
modern Moses instructs us in a moral way- Where I'm so
much abused today, But where such madrigals and roses
I used to meet with now and then: E sempre bene,
gentlemen.

36

And yet-although his eyes were reading, His thoughts
had wandered far apart; Desires, dreams, and sorrows
pleading- Had crowded deep within his heart.

Between the printed lines lay hidden Quite other lines
that rose unbidden Before his gaze. And these alone
Absorbed his soul...

<p>То были тайные преданья Сердечной, темной старины, Ни с чем не связанные сны, Угрозы, толки, предсказанья, Иль длинной сказки вздор живой, Иль письма девы молодой.</p> <p>XXXVII</p> <p>И постепенно в усыпленье И чувств и дум впадает он, А перед ним воображенье Свой пестрый мечет фараон. То видит он: на талом снеге, Как будто спящий на ночлеге, Недвижим юноша лежит, И слышит голос: что ж? убит. То видит он врагов забвенных, Клеветников, и трусов злых, И рой изменниц молодых, И круг товарищей презренных, То сельский дом - и у окна Сидит она... и все она!..</p> <p>XXXVIII</p> <p>Он так привык теряться в этом, Что чуть с ума не своротил Или не сделался поэтом. Признаться: то-то б одолжил! А точно: силой магнетизма Стихов российских механизма Едва в то время не постиг Мой бестолковый ученик. Как походил он на поэта, Когда в углу сидел один, И перед ним пылал камин, И он мурлыкал: Benedetta Иль Idol mio и ронял В огонь то туфлю, то журнал.</p> <p>XXXIX</p> <p>Дни мчались; в воздухе нагретом Уж разрешалась зима; И он не сделался поэтом, Не умер, не сошел с ума. Весна живет его: впервые Свои покои запертые, Где зимовал он, как сурок, Двойные окна, камелек Он ясным утром оставляет, Несется вдоль Невы в санях. На синих, иссеченных льдах Играет солнце; грязно тает На улицах разрытый снег. Куда по нем свой быстрый бег</p> <p>XL</p> <p>Стремит Онегин? Вы заране Уж угадали; точно так: Примчался к ней, к своей Татьяне Мой неисправленный чужак. Идет, на мертвеца похожий. Нет ни одной души в прихожей. Он в залу; дальше: никого. Дверь отворил он. Что ж его С такою силой поражает? Княгиня перед ним, одна, Сидит, не убрана, бледна, Письмо какое-то читает И тихо слезы льет рекой, Опершись на руку щекой.</p>	<p>as he was shown: The heart's dark secrets and traditions, The mysteries of its ancient past; Disjointed dreams-obscure and vast; Vague threats and rumours, premonitions; A drawn-out tale of fancies grand, And letters in a maiden's hand.</p> <p>37</p> <p>But then as torpor dulled sensation, His feelings and his thoughts went slack, While in his mind Imagination Dealt out her motley faro pack. He sees a youth, quite still, reposing On melting snow-as if he's dozing On bivouac; then hears with dread A voice proclaim: 'Well then, he's dead!' He sees forgotten foes he'd bested, Base cowards, slanderers full-blown, Unfaithful women he had known, Companions whom he now detested... A country house... a windowsill... Where she sits waiting... waiting still!</p> <p>38</p> <p>He got so lost in his depression, He just about went mad, I fear, Or else turned poet (an obsession That I'd have been the first to cheer!) It's true: by self-hypnotic action, My muddled pupil, in distraction, Came close to grasping at that time The principles of Russian rhyme. He looked the poet so completely When by the hearth he'd sit alone And Benedetto* he'd intone Or sometimes Idol mio* sweetly- While on the flames he'd drop unseen His slipper or his magazine!</p> <p>39</p> <p>The days flew by. The winter season Dissolved amid the balmy air; He didn't die, or lose his reason, Or turn a poet in despair. With spring he felt rejuvenated: The cell in which he'd hibernated So marmot-like through winter's night- The hearth, the double panes shut tight- He quit one sparkling morn and sprinted Along the Neva's bank by sleigh. On hacked-out bluish ice that lay Beside the road the sunlight glinted. The rutted snow had turned to slush; But where in such a headlong rush</p> <p>40</p> <p>Has my Eugene directly hastened? You've guessed already. Yes, indeed: The moody fellow, still unchastened, Has flown to Tanya's in his need. He enters like a dead man, striding Through empty hall; then passes, gliding, Through grand salon. And on!... All bare. He opens up a door... What's there That strikes him with such awful pleading? The princess sits alone in sight, Quite unadorned, her face gone white Above some letter that she's reading- And cheek in hand as down she peers, She softly sheds a flood of tears.</p>
--	--

<p>XL I</p> <p>О, кто б немых ее страданий В сей быстрый миг не прочитал! Кто прежней Тани, бедной Тани Теперь в княгине б не узнал! В тоске безумных сожалений К ее ногам упал Евгений; Она вздрогнула и молчит; И на Онегина глядит Без удивления, без гнева... Его больной, угасший взор, Молящий вид, немой укор, Ей внятно все. Простая дева, С мечтами, сердцем прежних дней, Теперь опять воскресла в ней.</p>	<p>41</p> <p>In that brief instant then, who couldn't Have read her tortured heart at last! And in the princess then, who wouldn't Have known poor Tanya from the past! Mad with regret and anguished feeling, Eugene fell down before her, kneeling; She shuddered, but she didn't speak, Just looked at him-her visage bleak- Without surprise or indignation. His stricken, sick, extinguished eyes, Imploring aspect, mute replies- She saw it all. In desolation, The simple girl he'd known before, Who'd dreamt and loved, was born once more.</p>
<p>XL II</p> <p>Она его не подымает И, не сводя с него очей, От жадных уст не отымает Бесчувственной руки своей... О чем теперь ее мечтанье? Проходит долгое молчанье, И тихо наконец она: "Довольно; встаньте. Я должна Вам объяснить откровенно. Онегин, помните ль тот час, Когда в саду, в аллее нас Судьба свела, и так смиренно Урок ваш выслушала я? Сегодня очередь моя.</p>	<p>42</p> <p>Her gaze upon his face still lingers; She does not bid him rise or go, Does not withdraw impassive fingers From avid lips that press them so. What dreams of hers were re-enacted? The heavy silence grew protracted, Until at last she whispered low: 'Enough; get up. To you I owe A word of candid explanation. Onegin, do you still retain Some memory of that park and lane, Where fate once willed our confrontation, And I so meekly heard you preach? It's my turn now to make a speech.</p>
<p>XL III</p> <p>Онегин, я тогда моложе, Я лучше, кажется, была, И я любила вас; и что же? Что в сердце вашем я нашла? Какой ответ? одну суровость. Не правда ль? Вам была не новость Смиренной девочки любовь? И нынче - боже! - стынет кровь, Как только вспомню взгляд холодный И эту проповедь... Но вас Я не виною: в тот страшный час Вы поступили благородно, Вы были правы предо мной: Я благодарна всей душой...</p>	<p>43</p> <p>'Onegin, I was then much younger, I daresay better-looking too, And loved you with a girlish hunger; But what did I then find in you? What answer came? Just stern rejection. A little maiden's meek affection To you, I'm sure, was trite and old. Oh God!-my blood can still turn cold When I recall how you reacted: Your frigid glance... that sermonette!... But I can't blame you or forget How nobly in a sense you acted, How right toward me that awful day: I'm grateful now in every way...</p>
<p>XL IV</p> <p>Тогда - не правда ли? - в пустыне, Вдали от суетной молвы, Я вам не нравилась... Что ж ныне Меня преследуете вы? Зачем у вас я на примете? Не потому ль, что в высшем свете Теперь являться я должна; Что я богата и знатна, Что муж в сраженьях изувечен, Что нас за то ласкает двор? Не потому ль, что мой позор Теперь бы всеми был замечен, И мог бы в обществе принести Вам соблазнительную честь?</p>	<p>44</p> <p>'Back then-far off from vain commotion, In our backwoods, as you'll allow, You had no use for my devotion... So why do you pursue me now? Why mark me out for your attention? Is it perhaps my new ascension To circles that you find more swank; Or that I now have wealth and rank; Or that my husband, maimed in battle, Is held in high esteem at Court? Or would my fall perhaps be sport, A cause for all the monde to tattle- Which might in turn bring you some claim To social scandal's kind of fame?</p>

XLV

Я плачу... если вашей Тани
 Вы не забыли до сих пор,
 То знайте: колкость вашей брани,
 Холодный, строгий разговор,
 Когда б в моей лишь было власти,
 Я предпочла б обидной страсти
 И этим письмам и слезам.
 К моим младенческим мечтам
 Тогда имели вы хоть жалость,
 Хоть уважение к летам...
 А нынче! - что к моим ногам
 Вас привело? какая малость!
 Как с вашим сердцем и умом
 Быть чувства мелкого рабом?

XLVI

А мне, Онегин, пышность эта,
 Постылой жизни мишура,
 Мои успехи в вихре света,
 Мой модный дом и вечера,
 Что в них? Сейчас отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этот блеск, и шум, и чад
 За полку книг, за дикий сад,
 За наше бедное жилище,
 За те места, где в первый раз,
 Онегин, видела я вас,
 Да за смиренное кладбище,
 Где нынче крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей...

XLVII

А счастье было так возможно,
 Так близко!.. Но судьба моя
 Уж решена. Неосторожно,
 Быть может, поступила я:
 Меня с слезами заклинаний
 Молила мать; для бедной Тани
 Все были жребии равны...
 Я вышла замуж. Вы должны,
 Я вас прошу, меня оставить;
 Я знаю: в вашем сердце есть
 И гордость и прямая честь.
 Я вас люблю (к чему лукавить?),
 Но я другому отдана;
 Я буду век ему верна".

XLVIII

Она ушла. Стоит Евгений,
 Как будто громом поражен.
 В какую бурю ощущений
 Теперь он сердцем погружен!
 Но шпор незапный звон раздался,
 И муж Татьянин показался,
 И здесь героя моего,
 В минуту, злую для него,
 Читатель, мы теперь оставим,
 Надолго... навсегда. За ним
 Довольно мы путем одним
 Бродили по свету. Поздравим
 Друг друга с берегом. Ура!
 Давно б (не правда ли?) пора!

45

'I'm weeping... Oh, at this late hour,
 If you recall your Tanya still,
 Then know-that were it in my power,
 I'd much prefer words harsh and chill,
 Stern censure in your former fashion-
 To this offensive show of passion,
 To all these letters and these tears.
 Oh then at least, my tender years
 Aroused in you some hint of kindness;
 You pitied then my girlish dreams...
 But now!... What unbecoming schemes
 Have brought you to my feet? What blindness!
 Can you, so strong of mind and heart,
 Now stoop to play so base a part?

46

'To me, Onegin, all these splendours,
 This weary tinselled life of mine,
 This homage that the great world tenders,
 My stylish house where princes dine-
 Are empty... I'd as soon be trading
 This tattered life of masquerading,
 This world of glitter, fumes, and noise,
 For just my books, the simple joys
 Of our old home, its walks and flowers,
 For all those haunts that I once knew...
 Where first, Onegin, I saw you;
 For that small churchyard's shaded bowers,
 Where over my poor nanny now
 there stands a cross beneath a bough.

47

'And happiness was ours... so nearly! It came so close!...
 But now my fate Has been decreed. I may have merely
 Been foolish when I failed to wait; But mother with her
 lamentation Implored me, and in resignation (All
 futures seemed alike in woe) I married... Now I beg you,
 go! I've faith in you and do not tremble; I know that in
 your heart reside Both honour and a manly pride. I love
 you (why should I dissemble?); But I am now another's
 wife, And I'll be faithful all my life.'

48

She left him then. Eugene, forsaken,
 Stood seared, as if by heaven's fire.
 How deep his stricken heart is shaken!
 With what a tempest of desire!
 A sudden clink of spurs rings loudly,
 As Tanya's husband enters proudly-
 And here... at this unhappy turn
 For my poor hero, we'll adjourn
 And leave him, reader, at his station...
 For long... forever. In his train
 We've roamed the world down one slim lane
 For long enough. Congratulation
 On reaching land at last. Hurray!
 And long since time, I'm sure you'd say!

XLIX

Кто б ни был ты, о мой читатель,
 Друг, недруг, я хочу с тобой
 Расстаться нынче как приятель.
 Прости. Чего бы ты за мной
 Здесь ни искал в строфах небрежных,
 Воспоминаний ли мятежных,
 Отдохновенья ль от трудов,
 Живых картин, иль острых слов,
 Иль грамматических ошибок,
 Дай бог, чтоб в этой книжке ты
 Для развлечения, для мечты,
 Для сердца, для журнальных сшибок
 Хотя крупцу мог найти.
 За сим расстанемся, прости!

L

Прости ж и ты, мой спутник странный,
 И ты, мой верный идеал,
 И ты, живой и постоянный,
 Хоть малый труд. Я с вами знал
 Все, что завидно для поэта:
 Забвенье жизни в бурях света,
 Беседу сладкую друзей.
 Промчалось много, много дней
 С тех пор, как юная Татьяна
 И с ней Онегин в смутном сне
 Явились впервые мне -
 И даль свободного романа
 Я сквозь магический кристалл
 Еще не ясно различал.

LI

Но те, которым в дружной встрече
 Я строфы первые читал...
 Иных уж нет, а те далече,
 Как Сади некогда сказал.
 Без них Онегин дорисован.
 А та, с которой образован
 Татьяны милый идеал...
 О много, много рок отъял!
 Блажен, кто праздник жизни рано
 Оставил, не допив до дна
 Бокала полного вина,
 Кто не дочел ее романа
 И вдруг умел расстаться с ним,
 Как я с Онегиным моим.

Конец

ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ОНЕГИНА

Последняя глава "Евгения Онегина" издана была особо, с следующим предисловием:

"Пропущенные строфы подавали неоднократно повод к порицанию и насмешкам (впрочем, весьма справедливым и остроумным). Автор чистосердечно признается, что он выпустил из своего романа целую главу, в коей описано было путешествие Онегина по России. От него зависело означить сию выпущенную главу точками или цифром;

49

Whatever, reader, your reaction,
 and whether you be foe or friend,
 I hope we part in satisfaction...
 As comrades now. Whatever end
 You may have sought in these reflections-
 Tumultuous, fond recollections,
 Relief from labours for a time,
 Live images, or wit in rhyme,
 Or maybe merely faulty grammar-
 God grant that in my careless art,
 For fun, for dreaming, for the heart...
 For raising journalistic clamour,
 You've found at least a crumb or two.
 And so let's part; farewell... adieu!

50

Farewell, you too, my moody neighbour,
 And you, my true ideal, my own!
 And you, small book, my constant labour,
 In whose bright company I've known
 All that a poet's soul might cherish:
 Oblivion when tempests flourish,
 Sweet talk with friends, on which I've fed.
 Oh, many, many days have fled
 Since young Tatyana with her lover,
 As in a misty dream at night,
 First floated dimly into sight-
 And I as yet could not uncover
 Or through the magic crystal see
 My novel's shape or what would be.

51

But those to whom, as friends and brothers,
 My first few stanzas I once read-
 'Some are no more, and distant... others.*'
 As Sadi* long before us said.
 Without them my Onegin's fashioned.
 And she from whom I drew, impassioned,
 My fair Tatyana's noblest trait...
 Oh, much, too much you've stolen, Fate!
 But blest is he who rightly gauges
 The time to quit the feast and fly,
 Who never drained life's chalice dry,
 Nor read its novel's final pages;
 But all at once for good withdrew-
 As I from my Onegin do.

THE END

APPENDIX

EXCERPTS FROM ONEGIN'S JOURNEY

PUSHKIN'S FOREWORD

The last (eighth) chapter of Eugene Onegin was published separately with the following foreword:
 The omission of certain stanzas has given rise on more than one occasion to criticism and jesting (no doubt most just and witty). The author candidly confesses that he has removed from his novel an entire chapter, in which Onegin's journey across Russia was described. It behoved him to indicate this omitted chapter by dots or a numeral,

но во избежание соблазна решился он лучше
выставить, вместо девятого номера, осьмой над
последней главою Евгения
Онегина и пожертвовать одною из окончательных строф:

Пора: перо покоя просит;
Я девять песен написал;
На берег радостный выносит
Мою ладью девятый вал -
Хвала вам, девяти камням, и проч."

П.А.Катенин (коему прекрасный поэтический талант не мешает быть и тонким критиком) заметил нам, что сие исключение, может быть и выгодное для читателей, вредит, однако ж, плану целого сочинения; ибо чрез то переход от Татьяны, уездной барышни, к Татьяне, знатной даме, становится слишком неожиданным и необъясненным. - Замечание, обличающее опытного художника. Автор сам чувствовал справедливость оною, но решился выпустить эту главу по причинам, важным для него, а не для публики. Некоторые отрывки были напечатаны; мы здесь их помещаем, присовокупив к ним еще несколько строф.

Е. Онегин из Москвы едет в Нижний Новгород:

. перед ним
Макарьев суетно хлопочет,
Кипит обилием своим.
Сюда жемчуг привез индеец,
Поддельны вины европеец,
Табун бракованных коней
Пригнал заводчик из степей,
Игрок привез свои колоды
И горсть услужливых костей,
Помещик - спелых дочерей,
А дочки - прошлогодни моды.
Всяк суетится, лжет за двух,
И всюду меркантильный дух.

*

Тоска!..

Онегин едет в Астрахань и оттуда на Кавказ.

Он видит: Терек своенравный
Крутые роет берега;
Пред ним парит орел державный,
Стоит олень, склонив рога;
Верблюд лежит в тени утеса,
В лугах несется конь черкеса,
И вокруг кочующих шатров
Пасутся овцы калмыков,
Вдали - кавказские громады:
К ним путь открыт. Пробылась брань
За их естественную грань,
Чрез их опасные преграды:
Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры.

*

Уже пустыни сторож вечный,
Стесненный холмами вокруг,
Стоит Бешту остроконечный
И зеленеющий Машук,
Машук, податель струй целебных;
Вокруг ручьев его волшебных
Больных теснится бледный рой;

but to avoid ambiguity he thought it preferable to label as number eight, instead of nine, the final chapter of Eugene Onegin, and to sacrifice one of its closing stanzas:

It's time: my pen demands a pillow; Nine cantos have I duly wrought, And now the ninth and final billow To joyful shore my bark has brought. All praise to you, ? nine Camenae,* etc.

P. A. Katenin* (whose fine poetic talent in no way prevents him from being a subtle critic as well) has observed to us that this excision, though advantageous perhaps for the reader, is none the less harmful to the work as a whole, for it makes the transition from Tatyana the provincial miss to Tatyana the exalted lady too sudden and unexplained: an observation that reveals the accomplished artist. The author himself felt the justness of this reproach but decided to omit the chapter for reasons important to him, but not to the public. Some few excerpts have been published already; we insert them here, along with several other stanzas.

ONEGIN TRAVELS FROM MOSCOW TO NIZHNI NOVGOROD

* * *

before his eyes Makariev Market* stirs and bustles, A-seethe with plenty's wares and cries. The Hindu's here-his pearls to proffer, All Europe-specious wines to offer; The breeder from the steppe as well Has brought defective steeds to sell; The gambler's here with dice all loaded, With decks of cards of every type, The landed gent-with daughters ripe, Bedraped in dresses long outmoded; All bustle round and lie like cheats, And commerce reigns in all the streets

* * * Ennui!..

ONEGIN DRIVES TO ASTRAKHAN, AND FROM THERE TO THE CAUCASUS

* * *

He sees the wilful Terek* roaring Outside its banks in wayward flow; He spies a stately eagle soaring, A standing deer with horns held low, By shaded cliff a camel lying, Circassian steed on meadow flying; All round the nomad-tented land The sheep of Kalmuk herdsmen stand, And far ahead-Caucasian masses. The way lies open; war has passed Beyond this great divide at last, Across these once imperilled passes. The Kura's and Aragva's banks* Have seen the Russians' tented ranks.

* * *

And now his gazing eye discovers Beshtu,* the watchman of the waste; Sharp-peaked and ringed by hills, it hovers... And there's Mashuk,* all green-encased, Mashuk, the source of healing waters; Amid its magic brooks and quarters In pallid swarms the patients press,

Кто жертва чести боевой,
Кто почечуя, кто Киприды;
Страдалец мыслит жизни нить
В волнах чудесных укрепить,
Кокетка злых годов обиды
На дне оставить, а старик
Помолодеть - хотя на миг.

*

Питая горьки размышленья,
Среди печальной их семьи,
Онегин взором сожаленья
Глядит на дымные струи
И мыслит, грустью отуманен:
Зачем я пулей в грудь не ранен?
Зачем не хилый я старик,
Как этот бедный откупщик?
Зачем, как тульский заседатель,
Я не лежу в параличе?
Зачем не чувствую в плече
Хоть ревматизма? - ах, создатель!
Я молод, жизнь во мне крепка;
Чего мне ждать? тоска, тоска!..

Онегин посещает потом Тавриду:

Воображенью край священный:
С Атридом спорил там Пилад,
Там закололся Митридат,
Там пел Мицкевич вдохновенный
И посреди прибрежных скал
Свою Литву воспоминал.

*

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груды ваших гор,
Долин, деревьев, сел узор
Разостлан был передо мною.
А там, меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, муза! прошлое забудь.

*

Какие б чувства ни таились
Тогда во мне - теперь их нет:
Они прошли иль изменились...
Мир вам, тревоги прошлых лет!
В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И безыменные страданья...
Другие дни, другие сны;
Смирившись вы, моей весны
Высокопарные мечтанья,
И в поэтический бокал
Воды я много подмешал.

*

Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,

All victims: some-of war's distress, And some of Venus,
some of Piles. Within those waves each martyred soul
Would mend life's thread and make it whole; Coquettes
would leave their ageing smiles Beneath the waves,
while older men For just one day seek youth again.

* * *

Consumed by bitter meditation, Onegin, mid those
mournful crowds, With gaze of keen commiseration
Regards those streams and smoky clouds, And with a
wistful sigh he muses: Oh, why have I no bullet's
bruises? Or why am I not old and spare, Like that poor
tax collector there? Or why not crippled with arthritis,
The fate that Tula clerk was dealt? And why-? Lord-have
I not felt A twinge at least of some bursitis? I'm young
and still robust, you see; So what's ahead? Ennuï,
ennui!...

ONEGIN THEN VISITS TAURIS [THE CRIMEA]

* * *

A land by which the mind is fired: Orestes with his
friend here vied,* And here great Mithridates* died, And
here Mickiewicz* sang inspired, And, by these coastal
cliffs enthralled, His distant homeland he recalled.

* * *

O lovely land, you shores of Tauris, From shipboard
looming into sight, As first I saw you rise before us,
Like Cypris* bathed in morning's light. You came to me
in nuptial splendour; Against a sky all blue and tender
The masses of your mountains gleamed; Your valleys,
woods, and hamlets seemed A patterned vision spread
before me. And there where Tartar tongues are spoke
What passions in my soul awoke! What mad and magic
yearnings tore me And held my flaming bosom fast! But
now, ? Muse, forget the past!

* * *

Whatever feelings then lay hidden-
Within me now they are no more:
They've passed away or changed unbidden...
So peace to you, you woes of yore!
Back then it seemed that I required
Those desert wastes and waves inspired,
Those massive cliffs and pounding sea,
The vision too of 'maiden free,'
And nameless pangs and sweet perdition...
But other days bring other dreams;
You're now subdued, you vaulting schemes
Of youthful springtime's vast ambition,
And in this poet's cup of mine
I now mix water with my wine.

Of other scenes have I grown fonder:
I like a sandy slope of late,
A cottage with two rowans yonder,
A broken fence, a wicket gate,

Перед гумном соломы кучи
 Да пруд под сенью ив густых,
 Раздолье уток молодых;
 Теперь мила мне балалайка
 Да пьяный топот трепака
 Перед порогом кабака.
 Мой идеал теперь - хозяйка,
 Мои желания - покой,
 Да щей горшок, да сам большой.

*

Порой дождливою намедни
 Я, завернув на скотный двор...
 Тьфу! прозаические бредни,
 Фламандской школы пестрый сор!
 Таков ли был я, расцветая?
 Скажи, фонтан Бахчисарая!
 Такие ль мысли мне на ум
 Навел твой бесконечный шум,
 Когда безмолвно пред тобою
 Зарему я воображал
 Среди пышных, опустелых зал...
 Спустя три года, вслед за мною,
 Скитаясь в той же стороне,
 Онегин вспомнил обо мне.

*

Я жил тогда в Одессе пыльной...
 Там долго ясны небеса,
 Там хлопотливо торг обильный
 Свои подьемлет паруса;
 Там все Европой дышит, веет,
 Все блещет югом и пестреет
 Разнообразием живой.
 Язык Италии златой
 Звучит по улице веселой,
 Где ходит гордый славянин,
 Француз, испанец, армянин,
 И грек, и молдаван тяжелый,
 И сын египетской земли,
 Корсар в отставке, Морали.

*

Одессу звучными стихами
 Наш друг Туманский описал,
 Но он пристрастными глазами
 В то время на нее взирал.
 Приехав, он прямым поэтом
 Пошел бродить с своим лорнетом
 Один над морем - и потом
 Очаровательным пером
 Сады одесские прославил.
 Все хорошо, но дело в том,
 Что степь нагая там кругом;
 Кой-где недавний труд заставил
 Младые ветви в знойный день
 Давать насильственную тень.

*

А где, бишь, мой рассказ несвязный?
 В Одессе пыльной, я сказал.
 Я б мог сказать: в Одессе грязной -
 И тут бы, право, не солгал.
 В году недель пять-шесть Одесса,
 По воле бурного Зевеса,
 Потоплена, запружена,
 В густой грязи погружена.
 Все дома на аршин загрязнут,
 Лишь на ходулях пешеход
 По улице дерзает вброд;

Grey clouds against a sky that lowers,
 Great heaps of straw from threshing mowers,
 And 'neath the spreading willow tree-
 A pond for ducks to wallow free.
 The balalaika's now my pleasure,
 And by the country tavern door
 The peasant dance's drunken roar.
 A housewife now is what I treasure;
 I long for peace, for simple fare:
 Just cabbage soup and room to spare.

The other day, in rainy weather,
 As I approached the farm... Enough!
 What prosy ravings strung together,
 The Flemish painter's motley stuff!
 Was I like that when I was tender,
 Bakhchisarai,* you fount of splendour!
 Were these the thoughts that crossed my mind
 When, 'neath your endless chant I pined
 And then in silence meditated
 And pondered my Zarema's* fate?...
 Within those empty halls ornate,
 Upon my trail, three years belated,
 While travelling near that selfsame sea,
 Onegin, pausing, thought of me.

I lived back then in dry Odessa...
 Where skies for endless days are clear,
 Where commerce, bustling, crowds and presses
 And sets its sails for far and near;
 Where all breathes Europe to the senses,
 And sparkling Southern sun dispenses
 A lively, varied atmosphere.
 Along the merry streets you'll hear
 Italian voices ringing loudly;
 You'll meet the haughty Slav, the Greek,
 Armenian, Spaniard, Frenchman sleek,
 The stout Moldavian prancing proudly;
 And Egypt's son as well you'll see,
 The one-time corsair, Morali*

Our friend Tumansky* sang enchanted
 Odessa's charms in splendid verse,
 But we must say that he was granted
 A partial view-the poet's curse.
 No sooner here than he went roaming,
 Lorgnette in hand and senses foaming,
 Above the lonely sea... and then
 With his enraptured poet's pen
 He praised Odessa's gardens greatly.
 That's fine of course, but all I've found
 Is barren steppeland all around,
 Though here and there much labour lately
 Has forced young boughs, I must admit,
 To spread their grudging shade a bit.

* * *But where's my rambling story rushing? 'In dry
 Odessa'-so said I. I might have said: 'Odessa gushing' And
 even so have told no lie. For six whole weeks it happens
 yearly, On stormy Zeus's orders clearly: Odessa's
 flooded, drowned, and stuck, Immersed in thickly
 oozing muck. In mud waist-high the houses snuggle; On
 stilts alone can feeble feet Attempt to ford the muddy

Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.

*

Но уж дробит камня молот,
И скоро звонкой мостовой
Покроется спасенный город,
Как будто кованой броней.
Однако в сей Одессе влажной
Еще есть недостаток важный:
Чего б вы думали? - воды.
Потребны тяжкие труды...
Что ж? это небольшое горе,
Особенно, когда вино
Без пошлины привезено.
Но солнце южное, но море...
Чего ж вам более, друзья?
Благословенные края!

*

Бывало, пушка зоревая
Лишь только грянет с корабля,
С крутого берега сбегая,
Уж к морю отправляюсь я.
Потом за трубкой раскаленной,
Волной соленой оживленный,
Как мусульман в своем раю,
С восточной гущей кофе пью.
Иду гулять. Уж благосклонный
Открыт Casino; чашек звон
Там раздаётся; на балкон
Маркер выходит полусонный
С метлой в руках, и у крыльца
Уже сошлись два купца.

*

Глядишь - и площадь запестрела.
Все оживилось; здесь и там
Бегут за делом и без дела,
Однако больше по делам.
Дитя расчета и отваги,
Идет купец взглянуть на флаги,
Проведать, шлют ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какие новые товары
Вступили нынче в карантин?
Пришли ли бочки жданных вин?
И что чума? и где пожары?
И нет ли голода, войны
Или подобной новизны?

*

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызгнутых лимоном.
Шум, споры - легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном;
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

*

street.

The coaches and the people struggle, And then the
bent-head oxen pant To do what helpless horses can't.

* * *

But now the hammer's smashing boulders,
And soon with ringing slabs of slate
The salvaged streets will muster shoulders,
As if encased in armoured plate.
But moist Odessa, all too sadly,
Is lacking yet one feature badly:
You'll never guess... it's water-short!
To find the stuff is heavy sport...
But why succumb to grim emotion?
Especially since the local wine
Is duty free and rather fine.
And then there's Southern sun and ocean...
What more, my friends, could you demand?
A blessed and most favoured land!

* * *

No sooner would the cannon, sounding,
Proclaim from ship the dawn of day
Than, down the sloping shoreline bounding,
Towards the sea I'd make my way.
And there, my glowing pipe ignited,
By briny waves refreshed and righted,
In Muslim paradise complete,
I'd sip my Turkish coffee sweet.
I take a stroll. Inciting urges,
The great Casino's opened up;
I hear the ring of glass and cup;
The marker, half asleep, emerges
Upon the porch, with broom in hand,
Where two expectant merchants stand.

And soon the square grows gay and vital. Life pulses
full as here and there, Preoccupied by work... or idle,
All race about on some affair. That child of ventures
and finances, The merchant to the port advances, To
learn the news: has heaven brought The long-awaited
sail he sought? Which just-delivered importations
Have gone in quarantine today? Which wines have come
without delay? And how's the plague? What
conflagrations, What wars and famines have occurred?
He has to have the latest word.

* * *

But we, we band of callow joysters, Unlike those
merchants filled with cares, Have been expecting only
oysters... From Istanbul, the seaside's wares. What news
of oysters? Here? What rapture! And off runs glutton
youth to capture And slurp from salty shells those bites
Of plump and living anchorites, With just a dash of
lemon flavour. What din, debates! The good Automne*
From cellar store has just now come With sparkling
wine for us to savour. The time goes by and, as it goes,
The bill to awesome stature grows.

* * *

Но уж темнеет вечер синий,
 Пора нам в оперу скорей:
 Там упоительный Россини,
 Европы баловень - Орфей.
 Не внемля критике суровой,
 Он вечно тот же, вечно новый,
 Он звуки льет - они кипят,
 Они текут, они горят,
 Как поцелуи молодые,
 Все в неге, в пламени любви,
 Как зашипевшего аи
 Струя и брызги золотые...
 Но, господа, позволено ль
 С вином равнять do-re-mi-sol?

*

А только ль там очарований?
 А разыскательный лорнет?
 А закулисные свиданья?
 А prima donna? а балет?
 А ложа, где, красой блистая,
 Негианка молодая,
 Самолюбива и томна,
 Толпой рабов окружена?
 Она и внемлет и не внемлет
 И каватине, и мольбам,
 И шутке с лестью пополам...
 А муж - в углу за нею дремлет,
 Впросонках фора закричит,
 Зевнет и - снова захрапит.

*

Финал гремит; пустеет зала;
 Шумя, торопится разъезд;
 Толпа на площадь побежала
 При блеске фонарей и звезд,
 Сыны Авзонии счастливой
 Слегка поют мотив игривый,
 Его невольню затвердив,
 А мы ревом речитатив.
 Но поздно. Тихо спит Одесса;
 И бездыханна и тепла
 Немая ночь. Луна взошла,
 Прозрачно-легкая завеса
 Объемлет небо. Все молчит;
 Лишь море Черное шумит...

*

Итак, я жил тогда в Одессе...

But now blue evening starts to darken, And to the opera
 we must get, The great Rossini there to harken, Proud
 Orpheus and Europe's pet. Before no critic will he
 grovel, He's ever constant, ever novel; He pours out
 tunes that effervesce, That in their burning flow caress
 The soul with endless youthful kisses, With sweetly
 flaming love's refrain, A golden, sparkling fine
 champagne, A stream that bubbles, foams, and hisses.
 But can one justly, friends of mine, Compare this do-re-
 mi with wine?

* * *

And what of other fascinations?
 And what of keen lorgnettes, I say...?
 And in the wings... the assignations?
 The prima donna? The ballet?
 The loge, where, beautiful and gleaming,
 The merchant's youthful wife sits dreaming,
 All vain and languorous with pride,
 A crowd of slaves on every side?
 She heeds and doesn't heed the roses,
 The cavatina, heated sighs,
 The jesting praise, the pleading eyes...
 While in the back her husband dozes,
 Cries out from sleep Encore!-and then
 Emits a yawn and snores again.

* * *

The great finale's thunder surges. In noisy haste the
 throng departs; Upon the square the crowd emerges,
 Beneath the gleam of lamps and stars. Ausonia's * happy
 sons are humming The playful tune that keeps on
 drumming, Against the will, inside their brains- While I
 roar out the light refrains. But now it's late. Odessa's
 dreaming; The breathless night is warm and soft, While
 high above the moon's aloft, The sky all lightly veiled
 and streaming. No stir disturbs the silence round,
 Except the sea's incessant sound.

* * *

And so I lived in old Odessa...